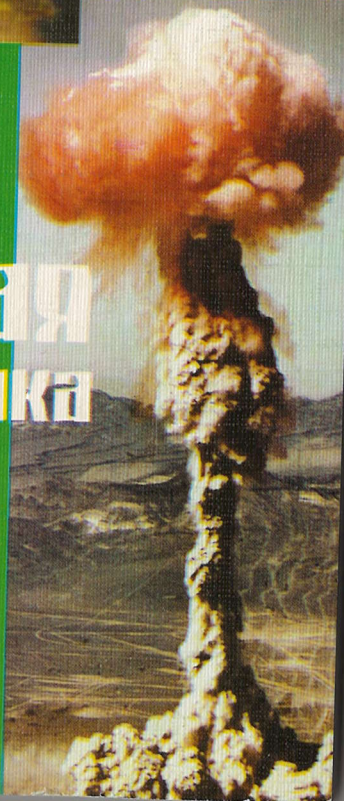

**Дмитрий
Балуев**

**Современная
мировая политика
и проблемы
личностной
безопасности**

Министерство образования Российской Федерации

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского

Факультет международных отношений

Балуев Д.Г. — кандидат наук, доцент, профессор кафедры
Социально-политических исследований и проблематики
Института Международных отношений — Нижний Новгород, 2002. — 208 с.

Целью работы является исследование проблематики безопасности в современном мире. Автор рассматривает роль личности в формировании безопасности, влияние транснациональной преступности и терроризма, а также роль государства в обеспечении безопасности личности. Автор рассматривает роль государства в обеспечении безопасности личности, влияние транснациональной преступности и терроризма, а также роль государства в обеспечении безопасности личности.

Д.Г.Балуев

Современная мировая политика и проблемы личностной безопасности

Монография

Глава 7. Угрозы безопасности личности в современном мире
Глава 8. Глобальные угрозы безопасности личности в современном мире
Рецензент: д.т.н., профессор С.В.Усманов
Глава 9. Международные институты безопасности личности в современном мире
Приложение
Заключение
Библиография

Нижний Новгород
2002

© Балуев Д.Г., 2002

УДК 327
ББК 66.4 (0)
Б20

Балуев Д.Г.

Современная мировая политика и проблемы личностной безопасности: Монография. — Нижний Новгород, 2002. — 208 с.

Целью работы является исследование личностной безопасности в современной мировой политике. Рассматриваются новые факторы мировой политики, которые проявились в полной мере на рубеже двадцатого и двадцать первого веков. К таким факторам относятся глобализация, информационная революция, влияние транснациональной организованной преступности и приватизация ряда государственных функций, связанных с обеспечением безопасности. Анализируется изменение роли государства в современной мировой политике и связанный с этим пересмотр взглядов на обеспечение безопасности. Предпринимается анализ возможных механизмов регулирования современной мировой политики и обеспечения личностной безопасности. К таким механизмам автор относит различные формы глобального управления, усилия элементов так называемого глобального гражданского общества и сотрудничество между этими элементами и международными институтами. Работа предназначена для специалистов-политологов, международныхников и всех, интересующихся вопросами мировой политики и безопасности.

Под общей редакцией академика О.А.Колобова
Научный редактор: д.и.н., профессор С.В.Устинкин

Рецензенты:

зав. кафедрой мировых политических процессов МГИМО (У) МИД РФ
профессор М.М.Лебедева,
зав. кафедрой политологии и международных отношений НГЛУ
профессор А.А.Сергунин.

Оглавление

Введение	5
Часть I. Новые факторы мировой политики как предпосылки появления концепции личностной безопасности.....	9
Глава 1. Глобализация.....	9
Глава 2. Информационная революция.....	31
Глава 3. Международная организованная преступность.....	49
Глава 4. Приватизация вооруженных сил.....	65
Примечания	77
Часть II. Государственная и личностная безопасность: проблемы взаимодействия и трансформации.....	85
Глава 5. Изменение роли государства и природы суверенитета	85
Глава 6. Новые подходы к безопасности.....	105
Примечания	128
Часть III. Пути обеспечения личностной безопасности в условиях взаимозависимого мира	135
Глава 7. "Упорядочение" современной мировой политики	135
Глава 8. Глобальное гражданское общество: проблемы становления и развития в процессе обеспечения личностной безопасности.....	161
Глава 9. Структурно-функциональное взаимодействие международных институтов и элементов глобального гражданского общества: новые возможности ООН	193
Примечания	198
Заключение	205
Summary	208

Введение 2

Глава 1. Новые факторы мировой политики как предпосылки появления концепции национальной безопасности 3

Глава 2. Информационная революция 31

Глава 3. Международная экономическая интеграция 42

Глава 4. Прогнозирование международных отношений 55

Глава 5. Изменение роли государства и личности 82

Глава 6. Новые подходы к безопасности 105

Глава 7. "Угрозы безопасности" в информационном обществе 128

Глава 8. Подходы к решению проблем безопасности в процессе становления и развития информационной безопасности 151

Глава 9. Структурно-функциональный механизм международных отношений и явления глобализации 172

Глоссарий 198

Заключение 202

Список литературы 208

Введение

Одним из новых подходов, который вытесняет все большее количество традиционных подходов к безопасности, является концепция национальной безопасности. Однако, как и любая другая концепция, она имеет свои особенности. Прежде всего, это понятие является комплексным, охватывая различные аспекты национальной безопасности. Кроме того, оно является динамичным, так как с изменением обстановки в мире и развитием технологий меняются и угрозы национальной безопасности. Поэтому концепция национальной безопасности должна быть гибкой и адаптируемой к новым условиям.

Вполне естественно, что в настоящее время в академических кругах, как на Западе, так и в России, преобладает желание найти новые подходы к проблемам безопасности. Во многом это вполне объяснимо. Вплоть до 1990-х годов холодная война была основным определителем характера возможных угроз, того, что представлялось важным, и того, что игнорировалось при осуществлении политики безопасности. Следует отметить, что даже в рамках такого достаточно традиционного и "отработанного" подхода, как национальная безопасность, возможны различные концептуальные решения. Даже в его рамках возможно развитие широких концепций безопасности, рассматривающих коренные причины и следствия конфликтов. Однако, к сожалению, как теоретические изыскания, так и практическая политика, развиваемая в рамках этого подхода, отличались вплоть до настоящего времени одномерным "черно-белым" взглядом как на саму природу безопасности, так и на возможные пути обеспечения этой безопасности. Хотя так называемая вестфальская международная система по-прежнему существует, мы можем наблюдать концептуальный сдвиг в мышлении о безопасности от национальной безопасности с ее упором на военную защиту государства к более всеобъемлющим концепциям безопасности и вопросам личной безопасности, подчеркивающей необходимость обеспечить спокойствие и благосостояние граждан, живущих в государстве. Возникает потребность в новых подходах к политике безопасности. В настоящее время существует множество "кандидатов" на подобную роль.

Одним из новых подходов, который вызывает все больший интерес как на Западе, так и в России является так называемое обеспечение личностной безопасности. Однако механизмы обеспечения этой безопасности все еще не отработаны. Даже в официальных российских документах внешнеполитического планирования и планирования политики в области безопасности, хотя и присутствует упоминание безопасности личности (в значении личностной безопасности), отсутствует проработка механизмов ее обеспечения. На практике же доминирующим подходом остается обеспечение государственной безопасности. Отсутствует и достаточно глубокая теоретическая проработанность вопросов, связанных с личностной безопасностью. Изменения, привносимые в мировую политику, такими новыми тенденциями, как глобализация, информационная революция, изменение функций современного государства, хотя и становятся предметом внимания отечественных исследователей, также не осмыслены с достаточной глубиной.

В этих условиях актуальность темы нашей работы представляется несомненной. Ее цель — исследование личностной безопасности в современной мировой политике. Для достижения этой цели представляется необходимым выполнить ряд исследовательских задач.

Во-первых, необходимо проанализировать влияние на современную мировую политику глобализации, рассмотреть истоки, причины, формы, последствия и перспективы этого явления.

Во-вторых, представляется важным рассмотреть влияние, оказываемое на мировую политику (и в более широком смысле - на всю социальную сферу) информационной революцией.

В-третьих, невозможно обойти и такие становящиеся все более заметными в мировой политике факторы, как влияние транснациональной организованной преступности и "приватизация" функций государства, связанных с использованием вооруженных сил.

В-четвертых, анализ личностной безопасности был бы не полным без рассмотрения изменений природы суверенитета и роли государства в мировой политике.

Пятой исследовательской задачей является собственно анализ новых подходов к обеспечению безопасности.

В-шестых, требуется исследовать зарождающиеся сейчас механизмы регулирования меняющейся мировой системы.

Наконец, на этой основе можно попытаться рассмотреть то, как сотрудничество между международными институтами и элементами так

называемого глобального гражданского общества может помочь в обеспечении личностной безопасности.

Исходной посылкой нашего исследования является то, что в условиях трансформации мировой системы механизмом, способным обеспечить мирный и обеспечивающий общественное развитие характер этой трансформации, а также защитить личностную безопасность, может быть сотрудничество между элементами глобального гражданского общества и международными институтами. Государственные структуры, как показала история последних лет (причем не только российская история), с этой функцией справиться просто не в состоянии. Именно поэтому следует уделить внимание возможностям неправительственных организаций (как на национальном, так и на глобальном уровне).

В соответствии с поставленными исследовательскими задачами находится и структура работы. Она состоит из введения, трех частей и заключения. Первая часть рассматривает новые факторы мировой политики, которые проявились в полной мере на рубеже двадцатого и двадцать первого веков. К таким факторам мы отнесли глобализацию, информационную революцию, влияние транснациональной организованной преступности и приватизацию ряда государственных функций, связанных с обеспечением безопасности. Вторая часть посвящена изменению роли государства в современной мировой политике и связанному с этим пересмотру взглядов на обеспечение безопасности. Наконец, в третьей части предпринимается анализ возможных механизмов регулирования современной мировой политики и обеспечения личностной безопасности. К таким механизмам автор относит различные формы глобального управления, усилия элементов так называемого глобального гражданского общества и сотрудничество между этими элементами и международными институтами.

Автор выражает благодарность Д.Пучале, директору Института международных отношений им. Р.Уокера, Р.Коату, редактору журнала "Глобальное управление" и профессору университета Южной Каролины, М.Шимаи из Института мировой экономики Венгерской академии наук, Д.Соренсон, помощнику Генерального секретаря ООН, и Д.Розену за ряд ценных идей, которые послужили толчком для написания этой работы. Публикация данной работы стала возможной благодаря поддержке, предоставленной в рамках конкурса индивидуальных исследовательских проектов Программы по глобальной безопасности и устойчивому развитию Фонда Джона Д. и Кэтрин Т.Макартуров.

Часть I.

Новые факторы мировой политики как предпосылки появления концепции личной безопасности

Глава 1. Глобализация

Главным фактором, влияющим на мировую политику в конце двадцатого — начале двадцать первого веков, является глобализация. Без рассмотрения ее сущности, причин, основных форм и возможных последствий для мировой системы анализ современной мировой политики и политики в области безопасности будет, по меньшей мере, неполным. Прежде всего, представляется необходимым остановиться на *определении глобализации*. Сам термин "глобализация" был впервые использован 40 лет назад в примечании в статье в "Экономисте". Однако идея модернизации в рамках единого рынка относится еще к работам Сен Симона и Маркса.

В настоящее время, несмотря на широкое употребление термина "глобализация", отсутствует единство взглядов между представителями различных научных дисциплин относительно самого феномена глобализации.

В *экономических дисциплинах* "образы" глобализации многообразны и построены на основах идей постиндустриализма и информационного общества. При этом представление об информационной экономике, становление которой как бы венчает процесс глобализации, остается крайне неопределенным.

Экономический подход к глобализации определяет ее как модель полностью международно интегрированных рынков, удовлетворяющих двум условиям:

- свободное передвижение товаров, услуг, рабочей силы и капитала;

• уравнивание в статусе иностранных инвесторов (и иностранных граждан, работающих за границей) со статусом собственных граждан. То есть в экономическом смысле — отсутствие иностранцев¹.

Ричард О'Брайен ввел в обращение термин "конец географии", означающий мир, в котором национальные законы уже не всегда действуют на собственной территории, где финансовые фирмы функционируют как глобально интегрированные предприятия, а не как просто многонациональные компании, где фондовые рынки открыты для иностранных портфельных инвесторов, а не ограничены в доступе лишь для граждан собственных стран². Однако, как и с другими аспектами глобализации, не вполне ясно, что является фундаментально новым. Еще в средние века существовали многонациональные банки (ломбарды), зарубежные займы, торговля финансовыми обязательствами. Бум банковской деятельности, характеризующий вторую половину 1970-х и начало 1980-х годов имеет множество параллелей в истории.

Поэтому глобализация не является совсем новым явлением. Она действительно имеет исторические корни. К концу девятнадцатого века глобальная экономика была достаточно взаимозависима. Технология развивалась довольно быстрыми темпами. Имелась в наличии глобальная культура. Границы были даже более открыты, чем сейчас. Однако с конца 1970-х годов интеграция рынков капиталов и товаров превзошла все предыдущие показатели и продолжается до сих пор. При этом новым является не существование международного бизнеса. Новым являются его масштабы. В настоящее время 35000 транснациональных корпораций и их более чем 150000 иностранных филиалов создают основу для международной системы производства. Поскольку эта система международного производства, которая организуется, управляется и планируется фирмами, доминирует над системой производства, регулируемой национальными правительствами, происходит коренное изменение в экономической основе и легитимности государств³. Еще президент Никсон в своем послании Конгрессу "Внешняя политика США в 1970-х" отмечал: "Мы видим новые проблемы, которые пересекают географические и идеологические границы и затрагивают все мировое сообщество. Многие эти проблемы связаны с природой современных технологий. Они отражают сжатие земного шара и растущую взаимозависимость"⁴. Вторая характеристика, нынешней глобализации - распространение новых информационных технологий. Согласно определению ОЭСР, глобализация связана с развитием глобального производства и информационных сетей⁵.

Новое качество глобализации состоит не только в том, что повышается уровень взаимозависимости и взаимной уязвимости государств. Фактически ослабевают суверенитет государств по все большему спектру политических направлений. Глобализация ограничивает поле деятельности правительств отдельных стран в плане возможности суверенного формирования своих обществ, изолированного решения проблем, затрагивающих национальную территорию.

Основы нынешней глобализации были заложены Соединенными Штатами сразу вслед за Второй мировой войной. Стратегия для этого состояла из трех элементов: обеспечение безопасности, демократизации и экономического развития. Были созданы соответствующие институты: НАТО, система поддержки некоммунистических режимов, программы восстановления Германии и Японии, ГАТТ, МВФ и Всемирный банк.

Необходимой предпосылкой для глобализации в большинстве регионов было отсутствие военных действий или острой внутренней борьбы. Хотя стабильное и безопасное окружение часто и принимается за данность, оно является необходимой предпосылкой экономического роста. Другая предпосылка — распространение после холодной войны в большинстве развивающихся стран принципов рыночной экономики. Кроме того, к предпосылкам глобализации относятся разумная налоговая и денежная политика, свободное распространение информации, защита частной собственности и подотчетность (хотя бы в какой-то степени) государственных структур и крупных корпораций обществу.

На наш взгляд, существуют три фактора, способствующие процессу глобализации. Во-первых, и это было признано теоретиками, развитие глобальной капиталистической системы стало возможным в результате фрагментации международной политической системы на соперничающие государства. Разделение политической власти между целым рядом государственных акторов позволило частным акторам со специфическими, не привязанными к конкретному месту активами (то есть мобильными в международном отношении активами) "избежать" национальных юрисдикций и играть на противоречиях между различными государствами. Во-вторых, до недавнего времени большинство факторов производства были лишь в очень малой степени мобильны. В двадцатом же столетии технологические изменения снизили стоимость связи и транспорта и вовлекли гораздо большие сегменты экономики и общества в международные взаимодействия. В-третьих, внутрисполитические структуры промышленно развитых стран создали сферы частной деятельности и затем помогли проецировать их на международную арену. Именно эти

частные акторы и являются двигателями глобализации. Поэтому для того, чтобы понять глобализацию, необходимо понять, какое место частные акторы занимают в национальной экономической сфере ведущих стран.

Основной движущей силой глобализации является информационная революция. Другая движущая сила — рыночная конкуренция, вынудившая крупные корпорации распространить свои операции на развивающиеся страны.

Почти все стороны современной жизни были затронуты информационной революцией. Одно из наиболее серьезных ее последствий — глобализация экономики. Наиболее заметным ее проявлением является то, что бизнес должен иметь глобальный доступ к рынкам, финансам, партнерам и т.д. В долгосрочной перспективе более важна связь национальных экономик всего мира. Как отмечалось Комиссией по национальной безопасности США, "экономические спады, которые ранее были эпизодическими и локальными, могут благодаря интеграции глобальных финансовых рынков стать системными по происхождению и более глобальными по последствиям"⁶.

По мнению отечественных исследователей, глобализация мировой экономики — понятие более широкое, чем интеграция, поскольку предполагает взаимозависимость даже не связанных тесно друг с другом частей мировой экономики. Понятия экономической глобализации и интернационализации хозяйственной жизни отражают усиление взаимозависимости мира. Однако интернационализация означает, что у национальных экономик появляются международные интересы, требующие многостороннего сотрудничества. Глобализация же акцентирует тот факт, что проблемы любой экономики, любого рынка со временем превращаются в мировые, глобальные и требуют для своего решения не просто многосторонних, но и всеобщих усилий⁷.

Тот факт, что в преддверии XXI в. исследователи, политики и дипломаты переместили акцент с взаимозависимости участников международных отношений на тенденции глобализации мировой политики и экономики, был обусловлен ростом влияния в деятельности мирового сообщества новых факторов, проявивших себя лишь в самое последнее время⁸. В результате, по словам С.Стрэндж, международная политическая экономия уже не является подразделом международных отношений. Скорее, международные отношения могут стать подразделом международной политической экономии⁹.

Используя экономическое определение глобализации, следует помнить, что экономическая глобализация является зависимой переменной, находящейся под действием более широких изменений. Для ее понимания необходимо понять не только экономические, но и политические, социальные и этические измерения информационной революции и других новых факторов, действующих в мировой системе.

Другой способ определения глобализации — сочетание *юридических* и *организационных* категорий. Ричард О'Брайен выделял следующие виды деятельности:

- внутренняя деятельность;
- международная деятельность, связанная с продажей товаров и услуг, финансовыми потоками, движением людей через границы;
- многонациональная деятельность, связанная с деятельностью в более чем одной стране одновременно;
- оффшорная деятельность, проходящая вне юрисдикции конкретных государств;
- глобальная деятельность, отличающаяся от международной, многонациональной и оффшорной степенью интеграции и координации. Покупатели в этом случае получают действительно глобальное обслуживание, а производство организуется, почти не принимая во внимание национальные границы.

Глобализация означает смесь международной, многонациональной, оффшорной и глобальной деятельности¹⁰.

В рамках *культурологии* глобализацию понимают весьма по-разному: и как тенденцию к созданию некоей единой мировой культуры/цивилизации; и как растущую взаимосоотнесенность различных культур, не порождающую новую культуру, а построенную либо на господстве одной из них, либо на их "концерте"; и как более сложные схемы, например, общность сознания, включающего в себя проекции глобального мира, продуцируемые локальными цивилизациями. Налицо полярно противоположные трактовки. Преодоление такой полярности намечено, пожалуй, в постановке проблемы о возрождении идентичности в условиях информационной революции (Мануэль Кастеллс).

Между тем в собственно *социологических дисциплинах* выход к идее мирового социума обозначен более скромно. В них глобализацию трактуют скорее как многосторонний процесс взаимосвязывания структур, культур и субъектов в мировом масштабе (Маргарет Эрчер) или же как процесс, размывающий географические границы социокультурных нормативов и сопровождаемый растущим осознанием этого (Малком

Уотерс). Наконец, тот же процесс определяют как интенсификацию общественных отношений в мировом масштабе, так что события в тех или иных отдаленных друг от друга местах оказываются взаимосвязанными (Антони Гидденс). В итоге глобализация предстает как сжатие мира в одно целое, чуть ли не в одну точку, с одновременным осознанием этого целого локальными частями (Роланд Робертсон).

Пространственный и даже пространственно-временной аспект глобализации находит отражение в *географических дисциплинах*, особенно в их исторических ответвлениях. Во франкоязычной литературе "мондиализацию" (эквивалент "глобализации") понимают как транзакционный процесс, порождаемый всевозможными обменами между разными частями земного шара, или как своего рода всеобщий обмен в масштабах человечества¹¹.

В *теории международных отношений* все чаще говорят о необходимости анализировать не только транс- и кросснациональные феномены, но и мировой социум. В теории международных отношений понятие "глобализация" тесно связано с активно обсуждавшимися в 1970—80-х годах концепциями взаимозависимости участников международных отношений. В этом же ряду стоят представления о мировом, или глобальном, гражданском обществе. По мнению Х.Булла, глобализация — это распространение европейской системы государств по всему миру и ее трансформация в систему государств глобального измерения¹².

Конференция ООН по развитию определяет глобализацию как появление вспомогательных организаций, которые имеют своей миссией управление увеличившейся сетью действий и транзакций¹³.

Определение глобализации как долгосрочного процесса предполагает переход к некоему глобальному состоянию мира - состоянию, при котором взаимосвязанные сети делают традиционные границы не столь значимыми¹⁴. Это новое глобальное состояние также неотделимо от глобального управления, при котором мировое сообщество должно взять на себя "большую коллективную ответственность в широком спектре областей, включая безопасность"¹⁵. Такой подход подчеркивает существующий "дефицит управления", или несоответствие между существующими правилами, регулирующими торговые транзакции, и правилами, действующими в других областях. Наконец, подобное глобальное состояние предполагает некое единство человеческого духа, выражаемое в общем наборе основных норм.

Некоторые исследователи отделяют политическую глобализацию от экономической. По их мнению, политическая глобализация означает, что политические события (конфликты, политическая борьба, выборы и

т.п.) в той или иной стране, которые, согласно господствовавшим до сих пор представлениям являются исключительно их внутренним делом и не допускают вмешательства извне, могут приобретать глобальное значение и затрагивать интересы других государств. Политическая глобализация потребует, таким образом, какой-то приемлемой формы преодоления принципа невмешательства и будет сопровождаться внедрением в мировую практику новых механизмов обеспечения мира - миротворческих операций или международных санкций против "плохих" режимов¹⁶.

По словам А.С.Панарина, "глобализацию можно определить как процесс ослабления традиционных территориальных, социокультурных и государственно-политических барьеров (некогда изолирующих народы друг от друга и в то же время предохраняющих их от неупорядоченных внешних воздействий) и становления новой, "беспротекционистской" системы международного взаимодействия и взаимозависимости"¹⁷. Как он считает, мир глобален в смысле "объективной взаимозависимости народов; он несравненно менее глобален в смысле субъективной политической готовности действительно сообща, на основе добросовестной партнерской кооперации, решать глобальные мировые или региональные проблемы. Мир глобален в смысле наращивания каких-то единых, сквозных транснациональных измерений и пространств; он несравненно менее глобален, если принять во внимание тот факт, что преимуществами такой глобальности пользуются одни (наиболее развитые страны-гегемоны), а издержки несут другие, представляющие так называемое догоняющее, или зависимое, развитие. Политику следует признать одним из интегрирующих факторов, связующим судьбы народов и готовящим единую историческую перспективу человечества (хотя, скорее всего, совсем не ту, о которой нам уже успели поведать "великие учения"). Если политика есть производство власти, то глобальная политика есть драма, связанная с производством, распределением и перераспределением власти в мировом масштабе. Если политика есть драма производства власти, то, следовательно, только в глобальном мире речь идет уже не об ограниченной теми или иными национальными рамками, а поистине безраздельной, тотальной власти"¹⁸.

Выделяются различные подходы к тому, какие *формы* можно придать процессу глобализации.

Первый подход мыслит возникающее мировое сообщество в виде увеличенной модели национального государства. Его сторонники выдвигают идею мирового правительства. Однако такому институту не будет хватать легитимности. Пожалуй, большинство теоретиков международных отно-

шений согласились с преждевременностью идеи создания мирового правительства. Поэтому в ближайшее время мировая система вряд ли будет иметь центральный институт, обеспечивающий подчинение отдельных акторов существующим нормам¹⁹. В этом смысле основной характеристикой международных отношений по-прежнему является анархия.

Второй подход видит реформированную ООН в качестве главного действующего лица в управлении процессом глобализации. Однако этот подход не уделяет должного внимания роли частных акторов. Попытки же реформирования ООН (до сих пор неудачные) с целью обеспечить доступ этих акторов к процессу принятия решений будут рассмотрены в последнем разделе данной работы.

Представители третьего подхода главными действующими лицами процесса глобализации видят гегемонистскую державу США или другие сверхдержавы, которые решают глобальные проблемы на своих условиях. Этот подход получил, в частности, распространение в националистических кругах самых различных по уровню развития стран.

Четвертая группа считает необходимым так называемое кооперативное глобальное управление. Подробнее это направление будет рассмотрено в седьмой главе.

Естественно, выбор той или иной формы процесса глобализации находит отражение и в политике в области безопасности ведущих держав, а также в развитии новых концепций безопасности. При этом следует учитывать, что глобализация проходит во многих формах. Экономическая глобализация — лишь одна из них. Временные задержки между различными формами способствуют конфликтам.

Последствия глобализации неоднозначны, как неоднозначны и их оценки. Как писали Ергин и Станслю, "возникает новая действительность. Это не процесс, а условие - глобальность, мировая экономика, в которой традиционные и знакомые границы преодолеваются или становятся неуместными. Конец Советского Союза и коммунизма перекроил карту мировой политики и подчинил идеологию как доминирующий фактор в международных делах"²⁰.

Если глобализация есть движение к этому глобальному состоянию, тогда ее основной характеристикой будет являться интеграция. Т.Фридман, определял глобализацию как "интеграцию рынков, национальных государств и технологий в степени, которая не встречалась ранее"²¹. Интеграция означает в данном контексте процесс, состоящий из двух элементов. Одно из значений интеграции означает интенсификацию контактов, но вовсе не обязательно наличие общих ценностей. Более

высокая форма интеграции означает общую идентичность, основывающуюся на нормах, а не на принципах, вроде общности языка или этничности. Интеграция в этом значении является основой для плюралистического общества²².

Хотелось бы отдельно подчеркнуть достаточно конфликтный характер, который принимает процесс глобализации в последние годы. Один из становящихся все более распространенных типов конфликтов —

конфликт по поводу распределения ее плодов. Растущее благосостояние и интеграция могут даже увеличивать политическую нестабильность, поскольку ведут к большей экономической зависимости, что создает ощущение опасности. Рост благосостояния и нестабильность очень часто идут рука об руку. Классическим примером может служить период с 1900 по 1914 годы,

когда уровень межгосударственной торговли достиг беспрецедентных масштабов при постоянно усиливающейся напряженности в политиче-

Интернационализация и глобализация тесно взаимосвязаны, во многом взаимобусловлены, но не тождественны друг другу. Первая предполагает выход чего-то ранее сугубо внутреннего за начальные рамки; или же объединение действий нескольких субъектов мировой экономики, политики вокруг общих задачи, цели, вида деятельности, предприятия. Интернационализация не универсальна по охватываемым субъектам и пространству, не обязательно вовлекает всех или почти всех участников международной жизни. В каких-то случаях она может достигать (и достигала) подобных масштабов. Но гораздо чаще и намного эффективнее она происходит на региональном уровне и/или в приложении к отдельным сферам, видам, направлениям деятельности. Конкретный ее случай по типу и характеру участников, по видам и объемам их деятельности может иметь сугубо локальное значение и оставаться практически незамеченным в МО; тем не менее он тоже будет одним из множества проявлений процесса интернационализации.

Глобализация в качестве главного ее признака предполагает выход какой-то проблемы или деятельности непременно на глобальный (общемировой) уровень. При этом такая деятельность не обязательно должна быть интернациональной по составу участников. Она может осуществляться одной страной, организацией, фирмой (при условии, что те располагают для этого соответствующими возможностями). В таких случаях обычно говорят о глобальных державе, политике. Явление интернационализации существует на всем протяжении истории человечества. Меняются его конкретные формы, направления, сферы, масштабы, последствия. Но сама интернационализация (выход неких процессов за изначально внутривосточные их рамки) остается. Явление же глобализации возникло только во второй половине XX в. Интернационализация не приводит к размыванию, исчезновению ее участников (хотя способна со временем приводить к изменениям отдельных значимых их характеристик и признаков). В исторической перспективе она порождает новые, более сложные формы общественной организации, как внутренние, так и международные. Долговременные последствия процессов и явления глобализации с этой точки зрения пока неясны. Интернационализация создает новые центры влияния, координации, регулирования; множит источники силы и власти. В ней заключено мощное демократизирующее начало. Глобализация несет начала централизации, подчинения, авторитаризма. В совокупности два явления отражают противоречивую природу современных экономики и политики, объективно требующих сочетания и взаимодополнения авторитаризма и демократии (а не выбора в пользу чего-то одного) и всегда заключающих в себе гены того и другого" (Косолапов Н. Явление международных отношений: современное состояние объекта исследования // МЭМО. 1998. №5. С.103.)

ской сфере. Поэтому в ближайшем будущем растущее глобальное процветание может привести к росту нестабильности. Сама глобализация кроме очевидных преимуществ может иметь негативные последствия.

Первая группа таких последствий лежит в области экономики. Большинство экономистов положительно оценивают глобализацию, поскольку для них главной ценностью является эффективность. Глобализация же поощряет рыночное поведение, которое требует эффективности. Результат глобализации за последние годы — экономический рост и рост реального дохода населения многих стран мира. Критики глобализации связывают ее с распространением бедности. Они уверены, что глобализация, помимо всего прочего, разрушает самобытные культуры и ухудшает состояние окружающей среды. Примером может быть Доклад Программы развития ООН, который указывает на то, что глобализация угрожает личной безопасности²³.

Финансовый кризис в настоящее время может распространиться по всему миру за считанные часы. Азиатский кризис был первым настоящим кризисом глобализации. Падение тайского бата повлияло на большинство стран Азии, затем Южной Америки. Снижение доверия, связанное с азиатским кризисом, дошло и до России, вызвав финансовый кризис. В Индонезии, которая была наиболее затронута кризисом, экономический рост снизился на 14 процентов за один год. Правительство Сухарто пало, сепаратистские движения значительно активизировались. Кризис был вызван, прежде всего, внутренней политической и структурной слабостью государств, которые ему подверглись. Однако глобализация усилила эти слабости. Хотя она и принесла достаточно высокие темпы роста в большую часть азиатского региона, она также привела к большому объему краткосрочных заимствований и огромному количеству сомнительных проектов. Финансовый сектор был слаб и недостаточно регулируем. Система социальной защиты была просто не способна сгладить последствия кризиса. Реакция же международного сообщества лишь ухудшила ситуацию.

Нестабильность во многом является следствием скорости работы финансовых рынков. Быстрота перемещения данных по всему миру усиливает нестабильность движений денежных средств и может повергнуть фондовые рынки в кризис в течение считанных минут. Денежные средства могут быть изъяты практически мгновенно и при достаточно слабом государственном контроле над этим процессом. За исключением энергоносителей ни один товар не имеет столь сильного влияния на государства,

какое имеют денежные потоки. Поэтому полное отсутствие государственного контроля над ними может увеличивать конфликтный потенциал.

Адекватные процессу глобализации рынков правила игры в мировой экономике необычайно трудно установить, не в последнюю очередь потому, что властные отношения в политике и экономике очень сильно отличаются друг от друга, постоянно меняются в связи с быстрым развитием мировых экономических процессов²⁴. Разработка правил в области глобальной экономики замедлилась также из-за того, что быстро набирает силу отчуждение между все еще по преимуществу государственными национальными секторами и частным сектором в экономике, который все больше интернационализируется.

Таким образом, силы, которые обычно ассоциируются с экономической глобализацией, в краткосрочной перспективе угрожают стабильности некоторых ключевых стран, усугубляют социальное и экономическое напряжение и увеличивают потенциал противодействия глобализации. Некоторые регионы, похоже, вообще не способны успешно конкурировать в глобальной экономике и поэтому могут перейти к агрессивному поведению.

Другая негативная тенденция — усиление этнических конфликтов. Как писал Г.Киссинджер, "мир может превратиться в двухъярусную систему, в которой глобализирующиеся элиты связаны общими ценностями и технологиями, в то время как большая часть населения чувствует себя исключенной [из процесса глобализации] и обращается к национализму и этничности в попытках освободиться от того, что она считает американской гегемонией"²⁵. По мнению М.Кастельса, "националистические движения как движения, рационализирующие интересы определенной элиты, создают национальную идентичность, которая, в случае ее успеха, поддерживается государством-нацией, затем распространяется пропагандой среди его граждан до такой степени, что они готовы отдать жизнь за свою нацию"²⁶. Национализм не обязательно является элитным феноменом. Более того, чаще всего в настоящее время национализм является реакцией против глобальных элит. Конечно, глобализация не является единственной причиной обострения этнических конфликтов, однако информационная прозрачность делает их доступными широкой аудитории и усиливает их.

Национализм может быть определен как теория политической легитимности, постулирующей, что политическое объединение (государство) и национальное объединение должны совпадать²⁷. Национализм подразумевает коллективную национальную идентичность. Он нацелен

на сохранение и защиту государства, которое защищает нацию и которое является единственным легитимным источником власти.

Численность существующих этнических групп в начале XXI века оценивается в 2—5 тысяч²⁸. Большинство из существующих 191 государств являются этнически гетерогенными, причем имеется тенденция к росту этой гетерогенности. Следствием этого и является усиление конфликтного потенциала.

Сущность национализма заключается в идентификации индивида с нацией или национальным государством. Глобализация приводит к личной идентификации с глобальным сообществом и не требует личной идентификации с государством. Государство, формирующееся без национальной идентификации, с населением, которому по-прежнему требуется идентификация с какой-либо группой, подвержено общественному расколу. Индивиды идентифицируют себя не с государством, а с кланами, семьями, территориями, определенной культурой или субкультурой.

Третья группа негативных последствий глобализации связана с тем, что она разделяет мир на лагеря "победителей" и "побежденных". Чем менее развита страна, тем меньше она выигрывает от глобализации. В легко адаптирующихся странах глобализация укрепляет стабильность и благосостояние. Однако некоторые страны должны бороться лишь за то, чтобы сохранить свое место на мировом рынке. Ширящийся разрыв между этими странами и остальным миром приводит к их внутренней и региональной нестабильности. Некоторые страны вообще не в состоянии сохранить свое место в глобальной системе. Это приводит к обострению этнических конфликтов и распространению терроризма. К примерам подобной схемы развития событий можно отнести то, что азиатский экономический кризис привел к нестабильности в Индонезии и, в итоге, к размещению миротворческих сил ООН в Восточном Тиморе.

Глобализация порождает зависть и возмущение многих стран и групп, которые хотят присоединиться к глобальной экономике, но еще не являются ее частью. Усложняют ситуацию и остатки напряженности между развитыми странами (пример — нежелание Великобритании в полной мере принять ценности ЕС).

Внутри самих стран есть как выигравшие, так и проигравшие в результате глобализации. Хотя какая-либо страна могла и улучшить свое положение в результате глобализации, некоторые сегменты общества могли серьезно пострадать. В этом причины протестов против глобализации в развитых странах.

"Победители" (как на международном, так и на национальном уровне) завоевывают еще больше, а "побежденные" еще больше теряют. В

результате основное ядро рыночных демократий, пользуясь плодами глобализации, становится еще более интегрированным. В то же время менее развитые страны в результате глобализации дезинтегрируются. Они могут не иметь никаких стимулов для того, чтобы придерживаться международных норм поведения. Такие страны вместе с противозаконными транснациональными организациями могут присоединиться к уже существующим странам (странам-изгоям), не соблюдающим общепринятые нормы. Обладание же такими государствами оружием массового поражения таит в себе несколько угроз. Одна из них заключается в том, что они могут использовать эти вооружения для оказания давления на соседей. Другая — состоит в том, что они могут сдерживать внешнюю интервенцию, что позволит им проводить агрессию против соседей с использованием обычных вооружений.

Как правило, глобализация приносит большую часть своих плодов элитам и городскому среднему классу. Если эта доля растет слишком быстро, а остальные части общества не получают от глобализации ничего позитивного в результате наличия монополистов или коррупции, правительство может потерять свою легитимность. Это имело место в случае Индонезии. В случае, когда правительство искусственно сдерживает глобализацию путем, например, ограничения свободного доступа к информации и изоляции своих граждан, могут иметь место выступления среднего класса (случай Китая или Ирана).

Ширящийся разрыв в доходах как внутри стран, так и между странами и регионами является достаточно большой проблемой. Имеет место и разрыв между странами с хорошим доступом к новым информационным технологиям и теми, кто такого доступа не имеет.

Каждая страна должна выбрать между участием в глобальной экономике и постоянной бедностью. Участие означает, что государство (а не только предприниматели конкретной страны) должно следовать определенным правилам поведения. Как писали Р.Кохэйн и Дж.Най "Прозрачность становится важным активом для стран, ищущих инвестиций. Способность скрывать информацию, которая была ценной для авторитарных государств, подрывает доверие и прозрачность, необходимые для привлечения инвестиций и поддержания глобальной конкурентоспособности"²⁹.

Подобная система может привести к образованию альянса тех, кто выступает против глобальной элиты. Стабильность новой системы будет зависеть от того, сможет ли глобальная элита эффективно контролировать это большинство. Кроме того, новая система должна, по крайней мере, выглядеть справедливой для большинства населения.

В странах со слабыми правовыми и институциональными структурами глобализация также обострила и проблемы взяточничества и коррупции. Проанализировав более 30 экономических, политических и социальных индикаторов в 34 странах, А.Т.Керни пришел к выводу, что быстро глобализирующиеся страны испытывают стремительный рост коррупции³⁰. Коррупция в этих странах выходит из под контроля и может вызвать падение правительств или банкротство корпораций.

В результате нового деления мира оказалась сломанной не только привычная ось "запад-восток". Требуется серьезных корректив и модель "север-юг".

Согласно одному из сценариев, вследствие этих процессов глобальные элиты будут преуспевать, однако большинство населения не сможет воспользоваться плодами глобализации. Рост населения и нехватка ресурсов приведут к упадку развивающихся стран и станут источником миграционных потоков. Новые технологии не смогут решить возникшие проблемы, являясь лишь инструментом криминальных сетей. Управление будет неэффективным как на национальном, так и на международном уровне³¹.

В-четвертых, по мнению некоторых исследователей, с потерей государством контроля над экономикой происходит революционная трансформация глобальной системы безопасности³². Страны, отказывающиеся участвовать в глобальной экономике, должны все более отставать от участвующих в ней. По мере роста этого отставания они могут обратиться к военной агрессии и терроризму. Чаще всего те, кто не пользуется плодами глобализации, винят в этом не себя, а заговорщиков вовне³³.

Решения, принимаемые многонациональными финансовыми институтами или инвесторами на другом конце мира, могут определять экономическое положение нации в той же степени, как и решения, принятые ее лидерами. По словам Джессики Мэтьюз, "правительства не просто теряют автономию в глобальной экономике. Они делят власть (включая политические, социальные роли и функции, связанные с безопасностью) с бизнесом, с международными организациями и множеством неправительственных организаций"³⁴.

Новое качество глобализации состоит не только в том, что повышается уровень взаимозависимости и взаимной уязвимости государств. Фактически ослабевает внутренний суверенитет государств по все большему спектру политических вопросов. Глобализация ограничивает возможности правительств отдельных стран для суверенного формирования своих обществ и самостоятельного решения проблем, затраги-

вающих национальную территорию. В результате наряду с глобализацией в области экономики возникает новая глобальная система политических отношений. Она является всеобъемлющей системой, состоящей из множества взаимосвязанных подсистем. При этом взаимозависимая глобальная система просто не может позволить сбоя в какой-либо из составляющей ее подсистем. Основной проблемой ближайшего будущего будет обеспечение того, чтобы местные конфликты разрешались до того, как они выйдут на уровень этой глобальной системы. При этом в ближайшем будущем трудно ожидать установления стабильного порядка на длительный период. Возможно, для разрешения возникающих проблем возникнут новые глобальные организации (не такие долговечные, как организации прошлого).

Факторами, влияющими на новое распределение силы являются:

1. Новая территориальность, то есть конкретные территории, где глобализация материализуется в конкретных институтах и процессах. Эта материализация происходит, главным образом, в так называемых высокоразвитых странах.

2. Новые режимы для регулирования межгосударственных экономических транзакций. К юридическим новациям относится, например, дерегуляция. В данном контексте дерегуляция является не просто снижением значения государства, а важным механизмом обеспечения межгосударственного консенсуса в вопросах глобализации, позволяющим совмещать суверенитет и транснациональную деятельность корпоративных экономических акторов³⁵.

3. Рост экономической активности, происходящей в электронной форме.

4. Формирующаяся глобальная система, размывающая старые границы между внешней и внутренней политикой и между экономикой и национальной безопасностью. События в одной сфере могут иметь последствия в другой.

5. То, что внешнеполитическая стратегия в условиях глобализации должна основываться на междисциплинарном анализе, учитывающем все аспекты глобализации, включая не только торговые, финансовые, технологические, военные, политические, и социальные, но и культурные, религиозные, психологические, исторические и иные аспекты. Холистический подход является единственно возможным.

Глобализация не ограничивается лишь собственно глобальным уровнем. Она ведет к региональной интеграции. Она создает новый контекст для применения национальной мощи. Сочетание новых технологий, международных институтов, органов местного самоуправления и

негосударственных акторов ослабляет монополию национальных государств на осуществление властных полномочий и создает новые формы управления³⁶. Меняется и способность государств обеспечивать собственную безопасность.

Наконец, глобализация действует и на *индивидуальном* уровне. Отдельные диссиденты могут привлечь внимание глобальной аудитории. Глобализация приводит к дифференциации индивидов в обществе друг от друга и от признанных авторитетов. Кроме того, она позволяет гражданам взаимодействовать совершенно иным образом, в том числе и по проблемам, связанным с безопасностью.

Пятой проблемой является то, что глобализация также создает трудности с охраной окружающей среды. Связанная проблема — более легкое распространение инфекционных заболеваний.

Таким образом, глобализация имеет целый ряд как положительных, так и отрицательных последствий. Для того чтобы понять стратегические последствия глобализации, необходимо проанализировать как нынешнюю структуру, так и процесс изменений в нынешней мировой системе. Между ними существует большая разница. Структура связана с основными характеристиками мировой системы: основными акторами, их взаимоотношениями друг с другом, их взаимодействиями. Процесс связан с динамикой изменений мировой системы, которые меняют систему нынешнюю и приводят к созданию системы новой. Во время холодной войны наибольшее значение имела структура, поскольку мир был стабилен в результате двухполярности. В нынешних условиях структура сохраняет свое значение. Однако для анализа международных отношений более важен процесс изменений. Причина этого в том, что мировая система не является стабильной. Многие изменения не являются ни эволюционными, ни линейными. Они приведут к тому, что структура мировой системы будущего будет существенно отличаться от нынешней.

Во-первых, следует признать, что противоречие между усиливающейся потребностью мира в единой экономике и господством национально-государственной формы хозяйствования представляет собой основное противоречие современной эпохи — если угодно, эпохи глобализации, сменившей эпоху холодной войны.

Устойчивое развитие — развитие, которое удовлетворяет нынешние потребности, не принося в жертву способность будущих поколений удовлетворять их нужды, при этом не нарушая государственный суверенитет³⁷. Для достижения этой цели необходимо международное сотрудничество. В то же время многие существенные вопросы, связанные с устойчивым развитием, могут рассматриваться не только с глобальной,

но и с местной точки зрения. Они требуют децентрализованного сотрудничества и действий на местах. Они требуют действий, которые поддерживаются одновременно и правительствами, и гражданским обществом. Для достижения этих целей необходимо одновременно задействовать местные, национальные и международные ресурсы и институты.

Идеология устойчивого развития (sustainable development) привлекательна по целям и как идеал, но (как и всякая идеология) неопределенна по путям и средствам достижения поставленных целей. Она — первый ответ мирового сообщества на бесспорный и пугающий факт резкого и глубокого дестабилизирующего воздействия человека на природно-физический комплекс. Вместе с тем уже сейчас очевидно и в целом признано, что возврат к прежнему экологическому балансу невозможен, а установление нового потребует в качестве условия и предпосылки коренных перемен не только в технологиях, но образе жизни, социальных ожиданиях, во всем устройстве общества и мира.

Во-вторых, региональные и международные организации и правительства должны взаимодействовать с гораздо большим количеством негосударственных акторов. Глобальная экономика дала корпорациям беспрецедентные ресурсы. В настоящее время агентами международных экономических изменений являются глобальные организации бизнеса. При этом их успех зависит от того, в какой степени они способны осознать требования нового, крайне конкурентного окружения. Другие организации, индивиды и даже правительственные органы (включая военных) могут извлечь для себя преимущества, следуя по пути, указанному этими глобальными организациями бизнеса. Реакция ТНК на глобализацию является ключом для понимания того, какие силы, идеи и взгляды будут формировать общечеловеческое будущее.

Будущее глобальных организаций бизнеса формируют процессы, происходящие в пяти сферах:

1. Глобализация экономики и ее переход к цифровым технологиям.
2. Ситуация геополитического мирового беспорядка.
3. Борьба за экологический баланс.
4. Новое внимание к идеологическим и этническим факторам.
5. Конфликты по поводу культурной самобытности³⁸.

Мир глобальных корпораций заметно изменился в результате технологической революции. Глобальные многонациональные корпорации встречают новые вызовы и пытаются воспользоваться новыми возможностями, создаваемыми глобальными рынками. Это приводит к невиданной до сих пор консолидации (и слияниям). Глобальные компании имеют цели и интересы, которые распространяются за пределы национальных границ. Глобальная информационная система, которая требу-

ется для поддержки этих компаний, во многом ответственна за рост Интернет, международной телекоммуникационной и транспортной инфраструктуры.

Причем многие из корпораций являются политически активными. Неправительственные организации, которые ранее в основном интересовались внутриполитическими проблемами, вышли на международный уровень. В силу самой природы глобализации, международное сотрудничество сейчас нарушает внутренний суверенитет и требует участия негосударственных акторов³⁹.

В-третьих, индустриализация, модернизация, технологическое развитие имели место на протяжении последних двух столетий. Однако различные страны и культуры отвечали на эти процессы по-разному (например, капиталистическая Европа и социалистическая Россия). Результатом этого является нынешний многообразный мир. Это многообразие не может исчезнуть быстро в результате глобализации. Глобализация, вероятнее всего, приведет не к доминированию единственной модели государственного устройства, а к новому многообразию.

В-четвертых, глобализация впервые в истории создает действительно международную систему. Это означает, что акторы и действия, предпринятые в одном месте, действуют на другие части мира. В прежние времена некоторые регионы создавали единые политические и экономические системы. Примером может служить Европа перед Первой мировой войной. Однако настоящая система не существовала, поскольку все ключевые акторы находились рядом друг с другом. Для существования системы необходимо, чтобы изменения в одном из компонентов, находящемся на периферии системы, приводило к существенному изменению другой части, расположенной на противоположной части системы.

В-пятых, теоретически глобализация кладет конец учету геополитических мотивов, поскольку страны могут добиться своих экономических целей рыночными методами, а безопасности путем многостороннего сотрудничества. На практике, хотя крупные державы и желают участвовать в мировой экономике, они проводят самостоятельную политику в области безопасности, не всегда подчиняясь американской гегемонии.

Примером может служить нынешняя Россия, которая хотя и потеряла значительную часть своей мощи, все еще обладает некоторыми ресурсами для проведения самостоятельной внутренней политики, политики в области безопасности и самостоятельного экономического курса. РФ как раз и провозглашает основной целью внешней политики защиту национальных интересов.

Внешняя политика КНР также декларирует защиту национальных интересов. Однако ситуация здесь сложнее, чем в случае России. Внеш-

няя политика КНР находится под влиянием целого комплекса иногда противоречивых идей. Кроме того, страна находится в периоде роста. Долгое время Китай был азиатской континентальной державой, обеспеченной доминированием или даже оккупаций со стороны иностранных империалистов (как это было во время Второй мировой войны). С недавних пор внешняя политика КНР стала более ориентирована на внешний мир. Основным фактором было желание выйти на мировой рынок. Кроме того, геополитическое расширение стало дополнительным фактором.

Таким образом, глобализация не устраняет традиционные геополитические соображения. Правительства и различные негосударственные акторы мотивированы не только экономическими стимулами. По-прежнему существуют конфликты из-за территории и границ, ресурсов, этнических и культурных различий. Создается сочетание старых конфликтов и конфликтов, вызванных формирующейся глобальной системой.

В-шестых, глобализация создает новый контекст, в котором государственная мощь используется формальным и неформальным образом. Региональные и международные институты, местные власти, негосударственные акторы (в особенности большие ТНК) и некоторые неправительственные организации используют некоторые инструменты глобализации и ослабление государственной монополии на власть. Некоторые властные полномочия перемещаются на международную арену. Некоторые — на местный уровень. С растущим использованием неправительственными организациями и корпорациями новых информационных технологий создаются новые центры силы. Глобализация приводит к изменениям в международном праве и росту роли таких организаций, как ВТО или ООН. Эти изменения могут привести к созданию новых путей для урегулирования глобального конфликта в экономической и политической областях и в сфере безопасности. Однако вне пределов так называемого "трансатлантического содружества" новые системы безопасности развиваются гораздо медленнее и обычно бывают неформальными.

В-седьмых, глобализация ведет к образованию новой международной структуры, которая находится в точке бифуркации. Она разделена на страны, интегрированные в новую глобальную структуру и придерживающиеся новых норм глобальной экономики, и страны, не успевшие интегрироваться в эту новую структуру и поэтому готовые подвергнуть сомнению новые нормы глобального порядка.

Глобализация не может быть отделена от других тенденций развития международного общества. Она не может быть понята вне более широкого контекста. Нынешнее международное общество отличается от общества перед холодной войной. Имеются и схожие черты. Схожесть

может проследиваться, например, в продолжающемся использовании в различных частях мира классических инструментов внешней политики, таких, как сохранение баланса сил, стремление к региональной гегемонии, сдерживание.

При оценке глобализации необходимо не смешивать ее инструменты и ее последствия. В отношении международной системы наиболее заметные инструменты глобализации относятся к сфере технологии. Понимание важности этих инструментов ведет к необходимости осмыслить их последствия.

Фраза Киниичи Омае "безграничный мир", вполне отражает тот радикальный прогресс и жизнь за пределами

Идеи играют значительную роль в определении внешней политики большинства стран в условиях глобализации. В ближайшее время идеи, влияющие на внешнюю политику, будут выступать в двух основных формах: в форме ценностей и убеждений, а также в форме идеологий. Очень часто внешняя политика отражает только ценности и убеждения. Они являются интеллектуальными конструкциями нормативной и эмпирической природы, которые дают направления для действия и для истолкования происходящих событий. Идеологии являются более структурированными системами, отражающими исторический опыт и общее видение будущего.

В странах с развивающимися демократическими традициями в последнее десятилетие стала особенно популярной идея привязки внешней политики к национальным интересам. Эта идея не является идеологией, а лишь выражением ценностей и верований. Сам термин "национальный интерес" предоставляется достаточно широким для определения целей и методов внешней политики. Интересы не даны свыше. Они должны определяться самими странами и со временем могут изменяться. Кроме того, интерес, который видится жизненно важным для одной страны, может быть периферийным для другой. Большинство стран, провозглашающих защиту национальных интересов главным приоритетом внешней политики и являющихся при этом малыми или средними странами, ведут себя на мировой арене довольно скромно. Более крупные страны обладают ресурсами для более амбициозной внешней политики.

внимание на реальные или вымышленные угрозы своей идентичности и способности их правительств управлять ходом событий⁴⁰.

Глобалистский проект, сформулированный в последней трети XX века, некоторые исследователи рассматривают в качестве замены двух сошедших со сцены либо существенно потесненных идеологий Нового времени — либерализма и коммунизма⁴¹. Под предлогом разоблачения формационной теории Маркса концепция глобализации вместо классической временной триады — "прошлое — настоящее — будущее", проповедует дихотомию "традиционное — современное". При этом пред-

полагается, что победа современности (персонифицированной ведущими странами Запада) является «полной и окончательной», а принципы, с которыми Запад подходит к миру, — незыблемыми и непререкаемыми. Этот страх перед будущим как *иным*, отличным от наших предожиданий, парализует творческое воображение прогнозистов, отказывающихся признавать будущее, не укладывающееся в наши излюбленные схемы⁴².

Сторонники глобализации заявляют, что она в конечном итоге вынудит все правительства проводить миролюбивые, демократические, основывающиеся на законности и рыночных принципах политики, что приведет к лучшему состоянию мировой системы.

Согласно господствующей мифологии, глобализация — это процесс:

- неизбежный, фатально предопределенный;
- универсализирующий или нивелирующий все различия - от экономических до культурных;
- тождественный вестернизации или американизации;
- односторонний, то есть безальтернативный;
- стирающий не только различия, но и неравенства и устраняющий суверенное "территориальное" государство.

Наиболее распространенное мнение гласит, что в долгосрочной перспективе рост свободного рынка и новые технологии решают больше проблем, чем создают.

Критики глобализации, напротив, заявляют, что она способствует увеличению прибылей корпораций за счет работников, подрывает демократию, ухудшает экологическую обстановку, понижает стандарты здоровья и охраны труда, способствует культурному нивелированию, способствует распространению преступности и эскалации вооруженных конфликтов.

В оппозиционных построениях все эти стереотипы глобалистского мейнстрима выступают как бы в перевернутом виде. Глобализация предстает в них процессом:

- не предопределенным или неизбежным, а обратимым;
- имеющим альтернативу в виде национальных и почвеннических идентичностей, противопологаемых вестернизации и американизации;
- углубляющим неравенства и расчленения в сложившемся мироустройстве, которое трансформируется в систему, где господствует глобальный корпоративный капитализм⁴³.

Масштабы глобализации означают, что международная система может быть понята не только как отношения между государствами, но и как сеть взаимодействий, которая связывает людей вместе⁴⁴.

Подводя итог, можно отметить, что оценки влияния глобализации на мировую систему крайне неоднозначны. Открытие стран и обществ в

международной системе имело как позитивные, так и отрицательные последствия. Хотя, в общем, растущая взаимозависимость приносит многие блага, она создает и новые угрозы и увеличивает уязвимость. К ним относятся распространение потенциально опасных технологий, ослабление государств, появление негосударственных акторов с непредсказуемым поведением, отсутствие каких либо форм отчетности и контроля над деятельностью многих глобальных акторов, повышение уязвимости глобальной инфраструктуры.

По-разному рассматриваются и *перспективы глобализации*. Многие рассматривают избрание Д.Буша (мл.) президентом в 2000 году, которое совпало с окончанием экономического бума в США, в качестве поворотного пункта в истории ведомой Соединенными Штатами глобализации. Например, Д.Грэй, который связывает "проект глобализации" с администрацией Клинтона, отмечал, что президентство Буша является проявлением глобализации. Другие аналитики считают, что истоки "проекта глобализации" относятся к 1970-м годам, а не ко времени президентства Клинтона. Более того, несмотря на окончание экономического бума, изменения в мировой конфигурации финансовых и корпоративных сил означают, что даже если правительство США столкнется с оппозицией неолиберальному курсу, оно не сможет обратить процесс глобализации вспять. Новые вызовы процессу глобализации еще не возникли. Старые же (государственный социализм советского образца или государство развития в Восточной Азии) исчезли⁴⁵.

Существует несколько причин для уверенности, что отказ от политики глобализации если не невозможен, то крайне маловероятен. Во-первых, технология сама по себе является достаточно мощной движущей силой процесса. Кроссграничные потоки информации будут расти независимо от решений политиков. Во-вторых, системы международного управления (правила и институты) гораздо более развиты сейчас, чем это было в 1930-х годах. В-третьих, несмотря на драматичность кризиса 1998 года, он несравним с межвоенным периодом⁴⁶.

Вполне возможно (хотя и маловероятно), что неудачное стечение обстоятельств или некомпетентность превратят недавние признаки слабости системы в коллапс, наподобие кризиса 1929 года. Но даже если этого не случится, существует вопрос по той системе управления, на которой основывается нынешняя экономическая интеграция.

Глава 2. Информационная революция

Важным фактором, влияющим на современную мировую политику и тесно связанным с глобализацией, является так называемая информационная революция⁴⁷. Анализируя ее последствия, представляется необходимым рассмотреть современные взгляды на информацию, на взаимосвязь информации и политики, на природу явления, известного под названием "информационная революция". На этой основе можно изучать влияние информационной революции на общество, политику и мировую систему.

Существует два распространенных *взгляда на информацию*. Первый рассматривает информацию в значении сообщения. Второй - в значении проводника. Возникающий третий взгляд переступает пределы первых двух. Согласно ему, информация может быть физической величиной, такой же, как масса, энергия и пр.

Первый взгляд является классическим и наиболее общепринятым. Он рассматривает информацию как нематериальное сообщение или сигнал, который содержит значимое (или, по крайней мере, узнаваемое) содержание и который может быть передан от посылающей стороны к принимающей.

Второй взгляд признает, что информация связана не только с сообщением, но и в более широком смысле с системой, посредством которой информация посылается и принимается. Этот взгляд широко распространился в 1940-х — 1950-х годах под названием теории информации и статистической механики. Он был введен в широкий оборот К.Шеноном и Н.Винером, которые создали кибернетику, базировавшуюся на прин-

ципах контроля посредством обратной связи. Приверженцы этого взгляда обычно приравнивают информацию к организации, порядку, структуре. Считается, что внедренная информация, делающая объект тем, чем он является, имеет упорядоченную структуру. В 1940—50-е годы теоретики фокусировали свое внимание на концепции энтропии и поэтому были заняты использованием обратной связи для улучшения контроля. В настоящее время основное внимание уделяется концепции сложности. Поэтому главная задача теперь — координация сложных систем.

Согласно третьему взгляду, информация является основой физической реальности, так же как материя или энергия. Все физические объекты состоят не только из материи и энергии, но из информации. Спектр приверженцев данного взгляда достаточно широк. Одни считают, что информация является результатом поведения материи и энергии. Другие считают, что информация так же важна, как материя и энергия. Третьи вообще рассматривают информацию как более важный, чем материя и энергия, фактор⁴⁸. Согласно им, информация является физической величиной всех объектов, которая представляет организацию и структуру. Это применимо и к облакам, и к цепям ДНК. Вокруг этих идей возникли новые дисциплины, такие, как информационная физика или вычислительная (computational) физика.

Джемс Бенигер, дает исчерпывающую характеристику взгляда, согласно которому обработка информации является необходимой для всякой осмысленной деятельности:

Обработку информации труднее осознать, чем обработку энергии или материи, поскольку информация является более эфемерной. Она вытекает из организации материального мира, от которого она целиком зависит в своем существовании. Вне зависимости от того, является информация более высокой категорией или вытекает из материи или энергии, она является не менее критической для общества. Все живущие системы должны обрабатывать материю и энергию. Поскольку управление необходимо для такой обработки, а информация необходима для управления, обработка и передача информации являются неотъемлемой характеристикой всякой живой системы и отличают такие формы от неорганического мира⁴⁹.

Информация не имеет значения, если она не является сообщением или не влияет на процесс. Она рассматривается как что-то, что поступает в систему или покидает ее, в большей степени для целей получения, обработки и передачи другой информации, энергии или материи. С другой стороны, огромное количество информации может быть где-то, ни-

чего не делая для обработки, при этом определяя конкретную структуру, придавая ей конкретную форму (это может быть физическая, биологическая или общественная структура). Такая информация не вовлечена в обработку, а больше участвует в структурировании. Согласно одному исследованию, системы обработки информации зависят от "внутренней информации", неотъемлемого компонента каждой природной структуры, позволяющей обрабатывать внешнюю информацию. Более того, структурная информация является неотъемлемой частью всякой системы обработки информации.

Структура и процесс отличаются друг от друга. Теоретики в физике и общественных науках обращают особое внимание на структурный подход — структура атома или структура общества. В биологической науке, наоборот, особое внимание обращается процессам. Однако вне зависимости от того, является ли главным структура или процесс, всегда рассматриваются оба компонента.

Общественные науки изучают как демократический процесс или процесс модернизации, так и демократические институты. В общественных науках фокусирование внимания на структуре обычно означает изучение акторов (объектов) и организации их отношений друг с другом. Структуры включают акторов, процессы и взаимодействия. И структура, и процесс могут рассматриваться в системной теории. Во многих случаях структура перевешивает процесс или, по крайней мере, получает большее внимание. В других случаях, напротив, изучаются процессы, поскольку они приводят к созданию новых структур. В любом случае граница между структурами и процессами очень размыта.

Все структуры содержат информацию. Везде, где есть структура или организация, имеется и информация. Все формы организации зависят от информации. Они не могут принимать или сохранять форму без информации. Это не означает, что "все окружающее нас — это информация". Скорее, "все окружающее нас содержит информацию".

Таким образом, взгляд на информацию как на процесс ее обработки не является ложным. Однако он является недостаточным. Аналитические конструкции, которые включают в себя также структурный взгляд, являются более оправданными и показывают, что информация является гораздо более широкой и глубокой концепцией, чем принято думать. Взгляд, связанный с обработкой, обращает особое внимание на технологическую инфраструктуру. В результате этого часто считается, что организации могут быть усилены за счет использования новой информационной и коммуникационной технологии без изменения структуры

самой организации. Более того, если какая-то организация сопротивляется изменениям, в ней, скорее всего, будет преобладать взгляд на информацию, как на процесс обработки.

Структурный взгляд, напротив, обращает особое внимание на ценности, цели и принципы организации. Структурный взгляд связан с той частью информационной революции, которая оперирует "знанием", а не "данными", поскольку вовсе не данные определяют природу структуры. Сегодня необходимо, чтобы стратеги в области информации развивали структурный подход, идущий параллельно с подходом, основывающимся на процессе обработки информации.

Структурный взгляд на информацию в общественных науках включает в себя следующие уровни: идеальная надстройка, организационная структура, технологическая инфраструктура и лингвистическая субструктура.

- Идеальная надстройка — уровень идей, идеологий, мифов, ценностей, норм, обрядов и ритуалов, законов, правил и т.д. Структурный взгляд не должен игнорировать систему общественных верований по отношению к информации и коммуникаций.

- Организационная структура — уровень конкретных организаций в обществе. Говоря обобщенно, структурный подход исходит из того, что все организации зависят от информации и могут анализироваться как информационные структуры. В более узком значении, это уровень, где необходимо определить, какие организации в обществе в особенности зависят от работы с информацией.

- Уровень технологической инфраструктуры связан со всем программным и аппаратным обеспечением и их связью между собой, которые поддерживают потоки информации. Именно на этот уровень обращают внимание сторонники подхода к информации как к процессу информационной обработки.

- Уровень лингвистической субструктуры связан с тем, что то, что появляется и принимает конкретные формы на других уровнях (особенно на уровне идеальной надстройки) во многом зависит от лингвистики и эпистемологических ориентаций общества.

На всех этих уровнях информация остается центральной для анализа системы и ее изменений. В идеале должна быть согласованность как внутри каждого уровня, так и между ними. Информационная несогласованность ведет к нестабильности структуры, что в свою очередь часто приводит к разломам и радикальным реформам.

Четыре характеристики информации делают ее широкое распространение достаточно легким:

- нетребовательность к ресурсам;
- легкость транспортировки;
- проницаемость (несмотря на все попытки остановить это проникновение);
- необходимость делиться информацией — очень часто предоставление информации другим является выгодным.

Существуют три *взгляда на власть*. Некоторые считают ее материальной, некоторые — организационной (или системной), некоторые — нематериальной величиной.

Наиболее распространенный взгляд на власть — рассматривать ее в значении ресурсов и возможностей, которые могут быть использованы для принуждения, контроля или влияния на других действующих лиц. Обычно это вещественные материальные ресурсы и возможности, такие, как нефть, оружие, промышленный потенциал или живая сила. Однако они могут быть и менее вещественными, такими, как владение ликвидными финансовыми активами, или должностью, или инструментом легитимной власти. В более академическом значении этот взгляд представлен широко распространенным индексом композитных возможностей, состоящим из военных, промышленных и демографических факторов⁵⁰.

Второе направление рассматривает то, как нация или другое действующее лицо организованы для использования ресурсов и возможностей, имеющихся в их распоряжении. Этот взгляд обращает внимание на то, что власть является производной от структуры и производительности общественной системы вне зависимости от ее ресурсной базы. Поэтому даже страна, не обладающая богатыми природными ресурсами (например, Япония) могла в двадцатом веке стать перворазрядной державой. К тому же сегодня активно развивается новая форма организации — многоинститутные сети, не обладающие большим количеством материальных ресурсов и государственностью. Они все более часто используются различными акторами гражданского общества.

Третье направление рассматривает власть как нематериальную величину, зависящую от психологических, культурных и иных структур. Примером может служить национализм или иные идеологии, которые являются источником силы.

Существуют три *взгляда на взаимосвязь между стратегией и информацией*. Согласно первому, наиболее традиционному взгляду, информация является подчиненным аспектом трех основных измерений великой стратегии (политического, экономического и военного). Второй

ставляющего частные интересы технотопии в качестве общечеловеческих интересов, и одновременно возникновение новых форм консервативного фундаментализма в ответ на гегемонию виртуального класса⁵⁶.

Так же как развитие морских сил потребовало создания новых международных законов для разрешения конфликтов в открытом море, рост

Кибервласть — форма власти, которая структурирует культуру и политику в киберпространстве и в Интернет. Она состоит из трех взаимосвязанных областей: индивидуальной, общественной и воображаемой. Кибервласть индивида состоит в аватарах (Аватар — стабильная идентичность, которую создает кто-либо, использующий киберпространство Барлоу. Существование аватара означает, что кто-то использовал ресурсы киберпространства таким образом, что другие аватары признают стабильную онлайн-личность), виртуальных иерархий и информационном пространстве. Она выражается в киберполитике. Общественная кибервласть выражается в существовании виртуальной элиты. Власть в этом случае проявляется как форма доминирования. Кибервласть в воображаемой сфере состоит из утопий и дистопий (см.: Tim Jordan. *Cyberpower. The Culture and Politics of Cyberspace and the Internet*. Routledge, 1999, 208.). Несмотря на все разговоры о киберпространстве как эгалитарном пространстве бесплатного и легкого доступа, материальные факторы действуют и там. Биты информации передаются материальными системами по кабельным и беспроводным сетям. Рутеры и проводники находятся в собственности у небольшого количества людей, но арендуются и используются многими (См.: Timothy W. Luke. *Cyberspace as Meta-Nation: The Net Effects of Online E-Publicanism*. In *Alternatives* 26 (2001), P. 118.). Киберпространство развивается так быстро, что демократические государства, которым требуется значительное время для принятия соответствующего законодательства, просто не успевают за этим развитием. Виртуальные сообщества возникают в киберпространстве, когда несколько пользователей создают аватары, которые возвращаются вновь и вновь на то же информационное место. *Концепция информационного общества* (Johoka Shakai) является японским изобретением, привнесенным на Запад в 1978 году Симоном Нора и Аланом Минцем в заголовке их доклада французскому премьер-министру. Впервые же эта концепция была предложена еще в 1963 году Тадао Умесао в статье по эволюционной теории общества, основывавшейся на плотности «информационных индустрий» (см.: Manuel Castells. *End of Millennium*. Blackwell Publishers, 1998. P. 236-237.). Несмотря на исторически сложившиеся различия между концепциями гражданского и информационного общества, у них существует как минимум две общих черты: роль экономической деятельности является центральной для обеих концепций. Информационное общество не только не является тем же самым, что общество гражданское, оно может быть даже враждебно гражданскому обществу, поскольку высвобождает процесс принятия решений из-под политического контроля и делегирует его элитам, находящимся вне гражданского общества (см.: Slavko Splichal, Andrew Calbrese, and Colin Sparks (Eds.) *Information Society and Civil Society*. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 1994. P. 73.).

пространства создает кибербережья и регионы. В США, например, плотность Интернет наибольшая в Сан-Франциско, Сан-Диего, Чикаго, Ситле, Лос-Анджелесе, Вашингтоне.

"виртуальной силы" требует создания новых международных норм и законов. Для создания морского права потребовались столетия. Даже переговоры по Договору о праве морей заняли более десятилетия. Так же как морское пиратство потребовало создания специальных законов, пиратство в киберпространстве требует развития международных законов о защите авторских прав. Так же как рост морских сил привел к развитию приморских городов, развитие кибер-

Является ли развитие сетей настолько важным, что необходимо создавать специальные международные институты, так же как это произошло, когда в ответ на требования торговли и инвестиционной деятельности после Второй мировой войны были созданы ГАТТ, МВФ, ОЭСР и Мировой банк?

Информационная революция приводит как к стабильности, так и к нестабильности. С одной стороны, она затрудняет действия репрессивных режимов и способствует развитию гражданского общества. С другой стороны, она позволяет организациям, нацеленным на насильственные действия, формировать альянсы и делает их более опасными.

Информационная эпоха способствовала двум важнейшим тенденциям в развитии организаций: *росту влияния малых групп и развитию сетевых форм организации*. Две тенденции влияют друг на друга, поскольку сети малых групп получают больше влияния, чем они имели до сих пор.

В то время как институты (в особенности большие) традиционно строились по иерархическим принципам и стремились действовать самостоятельно, сети из нескольких организаций состоят из организаций или частей институтов, которые связаны между собой и действуют совместно. Информационная революция благоприятствует росту таких сетей, поскольку она делает возможным для разрозненных действующих лиц устанавливать связь, консультироваться, координировать действия и действовать на огромных расстояниях на основе большей и более качественной информации, чем до того.

Информационная революция ослабляет иерархические структуры в результате двух процессов. Сдвиг от сравнительной бедности к обилию информации позволяет индивидам обходить иерархии, контролирующие или ограничивающие информацию. Альтернативные формы организации показали себя более эффективными в обработке информации, чем иерархии. В информационно интенсивных процессах иерархические организации могут быть неконкурентоспособными.

Развитие сетевых форм организации уже влияет на общество. Например, на уровне государства эта тенденция способствует формированию межведомственных механизмов для решения сложных политических вопросов, затрагивающих юрисдикцию многих ведомств. В сфере рынка эта тенденция способствовала распространению японских кейрецу и подобных распределенных глобальных предприятий.

Действующие лица гражданского общества получают огромные преимущества от развития сетевых форм. Неправительственные организации, которые до недавних пор действовали в изоляции друг от друга,

теперь начинают объединяться. Эта тенденция видна наиболее наглядно среди многоорганизационных сетей малых неправительственных организаций по всему политическому спектру. В долгосрочной перспективе гражданское общество, скорее всего, укрепится в гораздо большей степени, чем другие сферы.

С другой стороны, развитие сетей создает новые конфликты. Сила переходит малым, как правило, негосударственным противникам, которые могут организовываться в сети гораздо легче, чем традиционные государственные акторы. Не только гражданское общество, но и такие группы, как террористы и преступники, также извлекают пользу из развития сетевых форм. К тому же иерархиям очень трудно противостоять сетевым формам. Для борьбы с сетями необходимы сети. В то же время многие институты современного государства (например, вооруженные силы) не могут обходиться без иерархий.

Борьба чеченцев против федеральных сил России показывает, как организованные по сетевому принципу силы мятежников, состоящие из банд по 12–20 человек, могут противостоять современной армии. Этот пример заставляет думать, что организованные по сетевому принципу силы могут воевать не только в партизанской войне, но и в конфликте средней или даже высокой интенсивности. Появление противников, организованных по сетевому принципу, ставит вопрос о том, являются ли современные вооруженные силы и специальные службы наиболее приспособленными структурами для противодействия таким противникам.

Иерархии — не отжившие структуры. Однако они должны приспособиться к новым условиям. Необходимо сочетать иерархическую и сетевую форму организации, что само по себе является сложнейшей задачей. В одних областях сетевая организация может сменить иерархическую. В других могут появиться новые виды иерархий, которые лучше приспособлены для информационной эпохи. В третьих областях наилучшим решением могут являться гибриды двух форм организации⁵⁷.

Четыре основные формы организации и развития обществ: племена, институты, рынки и сети. Каждому типу соответствует своя собственная информационная культура и типы информации. В случае племен наиболее ценная информация — информация о племенных связях. В случае институтов — информация о причинах иерархии. В случае рынка — информация о возможностях обмена. В случае сетей это может быть информация о способностях к совместной работе. Информационная культура каждой эпохи прививалась посредством процессов социализации, образования, исполнения законов и наказаний. Для информационной эпохи этот процесс только начинается, и пока не известно, к чему он приведет.

Необходимо проводить различие между "сетями организаций" и "сетевыми организациями". "Сеть организаций" состоит из множества акторов, которые могут принадлежать к разным организациям, и чьи взаимоотношения не являются иерархическими. "Сетевая организация" — формальная организация (например, корпорация), чья внутренняя структура сохраняет иерархию в своей основе, но принимает также и сетевые формы организации.

Информация и коммуникации всегда были важны для стратегии. Однако сейчас они из вспомогательного положения выступают на первый план. Причины этого не существовали еще 20 лет назад. Первая причина — обширная информационная инфраструктура — в первую очередь Интернет, но также и кабельное и спутниковое телевидение, мобильные телефоны и прочее. Вторая причина — резкий рост глобальной взаимосвязанности. Третья причина — организационная. Обширные группы негосударственных групп давления, которые связаны с информацией и коммуникациями (например, Electronic Freedom Foundation, Computer Professionals for Social Responsibility). Эти группы могут располагаться на разных концах политического спектра и иметь разные цели. Четвертая причина — распространение понимания, что информация и сила тесно связаны. Почти во всех политических, экономических и военных вопросах мы видим рост значения информационной "мягкой силы", в противовес традиционной материальной силе.

Сетевая логика влечет за собой появление социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, находящие свое выражение путем формирования подобных сетей: власть структуры оказывается сильнее структуры власти. Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой наряду с динамикой развития одних сетей по отношению к другим выступают в качестве важнейших источников власти и перемен в нашем обществе⁵⁸.

Общепринятый взгляд на силу исходит из того, что сила, в особенности государственная власть, связана с контролем. То есть усиление власти означает увеличение контроля. Однако это стандартное предположение только частично верно. Иногда сила может быть увеличена посредством гармонизирующего деконтролирования. Иногда, особенно в долгосрочной перспективе, при возникновении крупной новой системы, эта система функционирует наилучшим образом, когда она может функционировать по своим собственным правилам. Пример этого — рост рынков в Европе в XVI–XVIII веках. Абсолютистские государства того времени привыкли контролировать экономическую и иную деятельность. Их попытки продолжать это привели к возникновению меркантилизма.

Сегодня мир находится на пороге другого системного изменения. В наше время это рост сетевой формы организации, сопровождающее его усиление гражданского общества и других негосударственных акторов, а также последствия информационной революции. Это системное изменение может оказаться катализатором для появления информационной стратегии как раздела великой стратегии. В то же время большинство (если не все) государств действуют в направлении защиты своей власти по отношению к новому поколению негосударственных акторов. В какой-то степени рассвет эры сетей на пороге двадцать первого века является феноменом, похожим на развитие эры рынка в восемнадцатом веке. Многие государства стремятся к тому, чтобы продлить период сильного государственного контроля, период "информационного меркантилизма". Как и в восемнадцатом веке, государственная власть во многом связана с контролем, хотя долгосрочные тенденции должны вынудить ведущие государства перейти к сетевой форме организации и к более тесному сотрудничеству с акторами гражданского общества.

Может возникнуть *новая модель государства* (скорее всего, она будет линейной), которое черпает силу из своей способности координировать действия и действовать вместе с негосударственными акторами. В рамках этой модели, по мнению Питера Дракера, успех в посткапиталистическую эпоху будет требовать государства, отличного от мегагосударства двадцатого века, вобравшего в себя множество социальных, экономических и военных обязательств⁵⁹. Государства более компактны, чем империи, и имеют меньшее поле для ошибок. Для того чтобы успешно функционировать в будущем, они должны осознать, что природа информации и силы, а также взаимодействие между ними, могут меняться очень быстро.

Национальные государства во все большей степени теряют свою власть, поскольку информация становится доступной тем, кто проживает как внутри них, так и за пределами их границ. Те же великие державы, которые останутся, во все большей степени будут соперничать с негосударственными действующими лицами, которые получают власть через доступность информации. Иерархические структуры становятся жертвами информационного изобилия, в то время как сети в этих условиях расцветают.

Технология влияет на внешнюю политику посредством нескольких путей:

1. Наличие соответствующей технологии может способствовать достижению конкретной внешнеполитической цели. Отсутствие же такой технологии может помешать достижению цели.

2. Меры по облегчению или ограничению доступа, предпринимаемые государством, ведут к возникновению проблем между торговыми партнерами, союзниками, антагонистами и между промышленно развитыми и развивающимися странами.

3. Обещание предоставить доступ к технологии использовалось, особенно в последние годы, в качестве побуждения для других государств принять политическую позицию государства, предоставляющего технологию.

4. Иногда технологическое развитие рассматривается как угроза суверенитету государств.

5. Применение некоторых видов технологий может вызывать трансграничные последствия.

6. Некоторые технологические цели служат основой для международного взаимовыгодного сотрудничества⁶⁰.

Один из видов инноваций, которые Интернет привнес в политический процесс, были новшества в управлении. Некоторые исследователи связывают Интернет и демократизацию достаточно радикальным образом. Эта группа рассматривает в качестве идеала демократии прямую демократию. Если новые технологии могут позволить гражданам "встретиться" на виртуальном форуме, может оказаться возможным и восстановление более естественных форм демократии⁶¹. Думается, что подобный оптимизм пока еще преувеличен. Хотя и существуют исключения, но достаточно поверхностный характер общения в сети делает долгосрочное политическое сообщество в нем невозможным⁶².

Тенденция современных либеральных демократий впадать в крайний индивидуализм является их главной слабостью. Современное либеральное государство основывалось на принципе, что государство не должно принимать чью-либо сторону, основываясь на различных моральных требованиях, выдвигаемых религией и традиционной культурой. Однако функционирование либеральной демократии всегда зависело от определенных разделяемых ценностей⁶³.

Развитие информационной технологии в течение последних двух десятков лет создает новую стратегическую ситуацию, полную парадоксов. Например, война, скорее всего, станет менее кровопролитной, но более разрушительной для обществ. Наиболее развитые общества имеют большие технологические возможности. Однако они одновременно и более уязвимы. Новые государства образуются по всему миру. Одновременно сила переходит к негосударственным действующим лицам.

Таким образом, социальные движения, возникающие на основе сопротивления сообществ против глобализации, изменения структуры капитала, создания организационных сетей, неконтролируемого информационализма и доминирования мужчин, другими словами, экологисты,

феминистки, религиозные фундаменталисты, националисты, местные движения — все они (в настоящее время) являются потенциальными субъектами информационного века⁶⁴.

Мир глобальных корпораций также заметно изменился в результате технологической революции. Глобальные многонациональные корпорации встречают новые вызовы и пытаются воспользоваться новыми возможностями, создаваемыми глобальными рынками. Это приводит к невиданной до сих пор консолидации (и слияниям). Глобальные компании имеют цели и интересы, которые распространяются за пределы национальных границ. Глобальная информационная система, которая требуется для поддержки этих компаний, во многом ответственна за рост Интернет, международной телекоммуникационной и транспортной инфраструктуры.

Информационная революция меняет природу и формы международного конфликта и требует принятия инновационных стратегий. Пол Бракен отмечает, что для того, чтобы использовать военные революции, армия должна перейти от связанного, логичного и хорошо разработанного видения будущей войны к жизнеспособным операционным концепциям, которые вооруженные силы могут использовать в случае войны. Однако эти операционные концепции реализуемы только когда случаются практические и существенные организационные трансформации или адаптации, которые могут оптимизировать способность вооруженных сил использовать эти новые концепции⁶⁵. Государства, ищущие стратегического превосходства через превосходство технологическое должны предпринять существенные организационные преобразования. Сегодня государства идут от технологического к стратегическому превосходству путем достижения превосходства организационного.

Видение конфликта информационной эпохи должно включать в себя четыре составные части: концептуальные, организационные, доктринальные основы и соответствующую стратегию.

Концептуальная основа должна включать в себя широкий взгляд на информацию. Это достигается добавлением к широко распространенному взгляду на информацию как обработку информации менее распространенного взгляда на информацию как на информационное структурирование и структурную информацию. Согласно этому взгляду информация является тем, что позволяет структуре принимать ее форму.

Организационный взгляд обращает особое внимание на основное последствие информационной революции — развитие сетевых форм организации. Информационная революция усиливает малые формы, которые лучше приспособлены для того, чтобы воспользоваться преимуществами сетевой формы организации.

То, как определяется концепция, влияет на то, что люди считают наиболее важным. В большинстве случаев термин информация используется без вопросов в силу существующей традиции его использования. Обычно информация рассматривается как сообщение или проводник. Однако появляется новая идея, что информация является в какой-то степени материальной, что она лежит в основе всего и может быть даже более фундаментальной, чем материя и энергия.

Как писали А. и Х. Тофлеры, "мир иногда может быть достигнут экономическими мерами или обеспечен силой. Но это не все доступные инструменты. Мир на пороге двадцать первого века требует хирургического применения менее осязаемого, но более мощного оружия — знаний"⁶⁶.

Доминирование в информационной сфере реально означает не абстрактную возможность влиять на мировую инфосферу, а обладание вполне конкретными возможностями, позволяющими диктовать свою волю, то есть обеспечить глобальное доминирование. Что это конкретно означает, по крайней мере, в региональном измерении, человечество имело возможность убедиться в ходе известных локальных войн и "миротворческих операций"⁶⁷.

Определенную полезность для анализа новых форм конфликта имеют концепции сетевой войны и кибервойны. Хотя и сетевая война и кибервойна связаны с информационными технологиями, на более глубоком уровне они являются формами войны за знания — кто знает, что, когда, где и почему, и насколько безопасны общество или вооруженные силы в отношении знаний о себе и о противнике⁶⁸.

Сетевая война означает конфликт, связанный с информацией между государствами и обществами. Она означает попытки нарушить, повредить или модифицировать то, что население, на которое нападают, знает или думает о себе и мире вокруг. Сетевая война может быть нацелена на элитное или общественное мнение или на оба. Она может использовать народную дипломатию, пропагандистские и психологические кампании, политические и культурные подрывные действия, обман или создание помех работе СМИ, проникновение в компьютерные сети и базы данных, а также поддержку оппозиционных движений в компьютерных сетях. В своей основе сетевая война использует невоенные средства, хотя иногда могут быть и исключения⁶⁹.

Негосударственные акторы могут быть связаны с нациями или не быть. В некоторых случаях они могут быть организованы в транснациональные сети и коалиции. Один из типов сетевой войны может происходить между негосударственными акторами, в то время как правительство маневрирует с целью предотвратить сопутствующий урон и возможно

поддержать ту или иную сторону конфликта. Некоторые движения во все большей степени организуются в трансграничные коалиции и сети, идентифицируясь в большей степени с развитием гражданского общества (в том числе глобального гражданского общества), чем с национальными государствами. При этом они используют информационные технологии для поддержки своих действий. Со временем это может стать основой для нового идеологического конфликта⁷⁰.

Кибервойна заключается в проведении или подготовке к военным операциям согласно принципам, связанными с информацией. Это означает разрыв или разрушение информационных и коммуникационных

Восточный Тимор. Сразу после референдума о независимости этой провинции Индонезии общественная организация "East Timor campaign" провела с территорий Испании, Португалии и Франции атаку на государственные интернетовские сайты Индонезии. Поражены Web-страницы, принадлежащие правительственным организациям Индонезии, созданы и внедрены новые компьютерные вирусы, специально предназначенные для поражения индонезийских информационных объектов. Эти информационные операции, проведенные, отметим, с территории Европы (факт "трансграничности" информационного оружия", явились прямым применением информационного оружия для решения конкретных внутривнутриполитических задач (см. Крутских А., Федоров А. О международной информационной безопасности // Международная жизнь. 2000. № 2. С. 40-41.

систем, которые в широком смысле включают в себя даже военную культуру, на которые полагается противник. Это означает попытку знать о противнике все, в то время как он не знает ничего. Это означает попытки создать баланс информации и знаний в свою пользу, особенно если баланс сил складывается в пользу противника⁷¹.

Обе концепции (кибервойна и сетевая война) отражают два факта. Первый — конфликт будет во все большей степени связан с информацией и связью. Другой — информационная революция благоприятствует и укрепляет сетевую форму организации, делая в то же время более трудным функционирование иерархических форм⁷².

Термин "сетевая война" означает возникающий вид проведения конфликта (и преступлений) на общественном уровне, включающий меры, близкие к военным, в которых противники используют сетевые формы организации, доктрины, стратегии и коммуникаций. Этим сетевая война отличается от традиционных видов конфликта и преступлений, в которых противники предпочитают использовать иерархические организации, доктрины, стратегии. Примером может быть использование массовых ленинистских движений. Сетевая же война — это образ действий Хамаса, а не ООП. Действующие лица на протяжении всего спектра общественного конфликта и преступности развиваются в направлении сетевой войны. Это включает знакомых противников, которые модифицируют свои структуры и стратегии, чтобы воспользоваться

преимуществами сетевых форм организации (например, транснациональные террористические группы, распространители оружия массового поражения через черный рынок, фундаменталистские и этнонационалистические движения, пираты интеллектуальной собственности, контрабандисты). Однако помимо этого спектр сетевой войны может включать в себя новое поколение революционеров и активистов, поддерживающих постиндустриальные идеологии, которые только начинают появляться. В некоторых случаях идентичность может перемещаться от национального государства на транснациональный уровень глобального гражданского общества, на новые типы действующих лиц. Многие, если не большинство из них, являются негосударственными акторами. Некоторые могут быть агентами государства, другие сами могут превращать государства в своих агентов. Действующее лицо сетевой войны может быть одновременно субнациональным и транснациональным⁷³.

Сам термин "сетевая война" подчеркивает, что информационная революция больше связана с организационным строением, чем с технологическим развитием. Эта революция благоприятствует тем, кто овладел сетевой формой организации. Архитипический актер сетевой войны со-

Информационная война — информационное противоборство с целью нанесения ущерба критически важным структурам противника, подрыва его политической и социальной систем, а также дестабилизации общества и государства противника.

Информационное противоборство — форма межгосударственного соперничества, реализуемая посредством оказания информационного воздействия на системы управления других государств и их вооруженных сил, а также на политическое и военное руководство и общество в целом, информационную инфраструктуру и средства массовой информации этих государств для достижения выгодных для себя целей при одновременной защите от аналогичных действий своего информационного пространства.

Информационное воздействие — акт применения информационного оружия.

Информационное оружие — комплекс технических и других средств, методов и технологий, предназначенных для: установления контроля над информационными ресурсами потенциального противника; вмешательства в работу его систем управления и информационных сетей, систем связи и т.п. в целях нарушения их работоспособности, вплоть до полного выведения из строя, изъятия, искажения содержащихся в них данных или направленного введения специальной информации; распространения выгодной информации и дезинформации в системе формирования общественного мнения и принятия решений; а также совокупность специальных способов и средств воздействия на сознание и психику политического и военного руководства, личного состава вооруженных сил, спецслужб и населения противостоящего государства, используемых для достижения превосходства над противником или ослабления проводимых им информационных воздействий.

Информационная безопасность — состояние защищенности информационного пространства, обеспечивающее его формирование и развитие в интересах граждан, организаций и государства; состояние инфраструктуры системы (объекта, государства), при котором информация используется строго по назначению и не оказывает негативного воздействия на систему (объект, государство) при ее использовании; состояние информации, при котором исключается или существенно затрудняется нарушение таких ее свойств, как секретность, целостность и доступность (см.: Крутских А., Федоров А. О международной информационной безопасности // Международная жизнь. 2000. № 2. С. 42-43).

стоит из сети распределенных взаимосвязанных узлов (или центров активности). Эти узлы могут быть отдельными лицами, группами, формальными и неформальными организациями или частями групп или организаций. Факты свидетельствуют, что трудно выполнимой задачей является не только защита от информационной войны. Даже выработка эффективного плана сдерживания угроз в этой сфере может оказаться почти невозможной. Одной из основных проблем в сдерживании возможных информационных угроз является то, что нападающий может быть анонимным. Другая проблема заключается в том, что даже если источник информационной атаки идентифицирован, бывает достаточно трудно выработать эффективный путь для ответного удара (проблема порога). Следующий вопрос — кто будет отвечать за информационную войну. В прошлом наиболее частным ответом на появление новых угроз было создание новых организаций.

Для выработки и проведения эффективной информационной стратегии важное значение имеет вопрос об открытости. На протяжении 40 лет холодной войны "открытая система", богатая информацией (США) смогла предотвратить доминирование в мировой системе "закрытых систем", чья стратегия заключалась в том, чтобы предотвратить производство и распространение информации⁷⁴. Д. Сорос провозгласил: "Мы декларируем создание и защиту открытых обществ одной из целей внешней политики... Я предлагаю заменить рамки открытого и закрытого обществ старые рамки коммунизма против свободного мира"⁷⁵. Однако следует осознавать, что "открытая американская стратегия" времен холодной войны имела множество закрытых аспектов. К тому же декларируемая политика открытости, призванная в годы холодной войны снизить неопределенность, в будущем может снизить сдерживающий потенциал и ослабить стабильность в кризисных ситуациях.

Информационная эпоха может трансформировать международный свободный рынок в более конфликтную систему, вынуждая развивать способность противостоять неомеркантилистским сетям, которые предназначены для борьбы против рыночных конкурентов. Другой спорный аспект, связанный со свободным обменом информацией, затрагивает вопросы интеллектуальной собственности. Таким образом, стратегия открытости влечет за собой не только преимущества, но и серьезные угрозы.

В целом информационная революция размывает традиционные рамки, которые давали индивидам возможность самоидентификации в рамках семьи, деревни, церкви, места работы, региона, страны или нации. Эти ориентиры начинают заменяться другими.

Глава 3.

Международная организованная преступность

Международную организованную преступность часто называют важным фактором, который в двадцать первом веке будет влиять на мировую политику. Транснациональные преступные объединения (ТПО) становятся признанными акторами этой политики. На наш взгляд, существует несколько причин подобного усиления роли ТПО.

Во-первых, в случае, когда ТПО пытаются начать деятельность в конкретной стране, они не всегда встречают противодействие. Многие правительства обеспокоены не столько источником валютных поступлений, сколько собственным политическим выживанием. Кроме того, для организованной преступности возросшая международная торговля означает дополнительные возможности для проникновения в экономики отдельных стран и диверсификации преступной деятельности. Во многих странах, где приватизация шла одновременно с демократизацией, организованная преступность смогла завладеть бывшими государственными предприятиями.

Во-вторых, рост трансатлантической экономической деятельности облегчил сокрытие нелегальных сделок и перемещений, поскольку правоохранительные органы и таможенные службы могут проверять только небольшое количество грузов и людей, поступающих на их территорию.

Долгое время глобализация, взаимозависимость и повышение значения транснациональных негосударственных акторов рассматривались лишь как положительные тенденции в международных отношениях.

Однако глобализация и взаимозависимость не только привели к появлению т.н. "глобальных граждан", но и способствовали росту ТПО.

ТПО смогли ответить на новые возможности как на национальном, так и на глобальном уровне и смогли использовать такие ресурсы, как транснациональные этнические сети. Они во многом могут рассматриваться в качестве незаконного аналога ТНК в своем стремлении к извлечению прибыли, а также как аналог транснациональных профессиональных организаций. Они также являются отражением глубокого кризиса в управлении и долгосрочного упадка государств.

Появление ТПО является результатом долгосрочных тенденций и таких событий, как распад СССР и окончание холодной войны. Долгосрочные тенденции связаны с глобализацией, кризисом государственной власти и легитимности. Существует несколько компонентов глобализации, которые предоставляют ТПО новые возможности:

1. Рост мобильности и прозрачность границ способствуют преступным перемещениям, в то время как миграционные перемещения населения и существующие диаспоры привели к созданию этнических сетей, которые связаны с этническими преступными организациями.

2. Рост международной торговли дал новые возможности для вывоза незаконных товаров за законные, затруднив работу правоохранительных органов.

3. Рост глобальной финансовой системы предоставил новые возможности для отмывания денег.

4. Появление глобальных городов создало возможности для установления преступных контактов и созданию некоего "криминального космополитизма", в котором группы и индивиды из различных стран собираются вместе для конкретного преступного деяния.

5. Появление национальных и глобальной информационных инфраструктур дает преступным группам возможность переходить к компьютерным преступлениям⁷⁶.

По сути дела, государства потеряли контроль над глобальными рынками. Это находит отражение в развитии параллельных и неформальных экономик, росте серого и черного рынка, неспособности государств предотвратить потоки незаконных товаров через свои границы или остановить нелегальную иммиграцию. Это также выражается в краже интеллектуальной собственности, росте транснационального интеллектуального пиратства, изготовлении фальшивых денег и продуктов.

Слабость государства не является совсем новым явлением. Слабость итальянского государства позволила в девятнадцатом веке развиваться

мафии на Сицилии. В условиях, когда государство было неспособно обеспечить защиту и разрешение споров, мафия заполнила вакуум⁷⁷. Слабость колумбийского государства и отсутствие его контроля над территорией, номинально находящейся под его юрисдикцией, были главными факторами, предопределившими то, что Колумбия стала "столицей" южноамериканской кокаинопроизводящей индустрии. Слабость государства дала колумбийским преступным организациям сравнительное преимущество перед их перуанскими или боливийскими коллегами⁷⁸. Классическим примером ситуации, когда слабость государства создала идеальные условия для развития преступных организаций, являются государства бывшего Советского Союза.

Третья причина усиления роли ТПО — появление к концу двадцатого столетия нового типа государств. Роберт Джексон называл страны, где имеется недостаток государственности, квазигосударствами⁷⁹. Хотя эти государства и обладают юридическим суверенитетом в международной системе, во внутренней политике они не имеют институтов, способных сдерживать лиц, занимающих официальные должности, от коррупции. Они не могут гарантировать общественный порядок, а потому и свободу для большинства своих граждан. В подобных условиях преступные элементы способны склонять правительственных чиновников к сотрудничеству путем либо взяток, либо угроз. По сути, эти преступные элементы становятся теневым правительством. В некоторых странах (например, в Колумбии) повстанцы и наркоторговцы заменяли государство на протяжении длительных периодов.

Хотя граждане многих стран и имеют права, зафиксированные в конституциях, на неформальном уровне они попадают под действие законов, которые не менее суровы, чем законы авторитарного государства. Недостаток свободы и опасения за собственную безопасность, которые являются характеристикой авторитарного государства, присутствуют и в квазигосударствах. Единственное различие состоит в том, что принуждение осуществляется не правительством, а различными группировками. Организованная преступность не ограничивает свою деятельность территорией собственных стран. Они осуществляют свою деятельность за рубежом, прикрываясь при этом суверенитетом страны базирования. Поэтому с такими группировками достаточно тяжело бороться, уважая принцип невмешательства во внутренние дела государств.

Четвертой причиной развития ТПО является так называемая общественная исключенность. М.Кастельс определял общественную исклю-

ченность как процесс, в ходе которого отдельные граждане и группы систематически отстраняются от доступа к возможностям, позволяющим им получать автономные средства к существованию в рамках общественных стандартов, определяемых институтами и ценностями данного контекста⁸⁰.

Процесс общественного исключения в сетевом обществе затрагивает как людей, так и целые территории. При определенных условиях целые страны, регионы, города и районы становятся исключенными, вовлекая в эту исключенность их население. Зоны, которые не имеют ценности для информационного капитализма и не вызывают существенного политического интереса со стороны великих держав, обходятся потоками богатства и информации и в конечном итоге остаются без элементарной технологической инфраструктуры⁸¹.

Информационный капитализм характеризуется формированием глобальной криминальной экономики, ее растущей взаимозависимостью с формальными экономическими и политическими институтами. Целые сегменты общественно исключенного населения, а также граждане, выбирающие более прибыльные, хотя и более рискованные способы заработка, составляют все более растущее в количественном отношении "подполье"⁸².

В США взрывной рост кокаинового трафика и потребления в черных гетто в 1980-х годах был поворотным пунктом в развитии многих сообществ. Банды стали важными формами организации молодежи и моделями поведения. Экономические транзакции в этих внутригородских зонах стали связываться с криминальной экономикой как источником работы и доходов, как источником спроса и как операционной единицей защиты/налогообложения в этой неформальной экономике⁸³.

Наиболее наглядным выражением общественной исключенности является количество граждан США, находящихся в заключении или под надзором системы исправления и коррекции (условно освобожденных или амнистированных). На 1 января 1996 года в тюрьмах находилось почти 1,6 миллиона человек. В сочетании с 3,8 миллиона условно освобожденных это составляло 2,8 процента взрослого населения страны. Количество осужденных увеличилось в четыре раза в период с 1980 по 1991 год. Общая доля заключенных в середине 1990-х годов составляла 626 человек на 100000 населения, что было почти в два раза больше, чем в Южной Африке или России⁸⁴.

Пятая причина уходит своими корнями во времена холодной войны. Во многих отношениях холодная война была "инкубатором" для меж-

дународной организованной преступности на Западе. Одним из последствий постоянного внимания западных правительств к советской угрозе была их поддержка политических партий, тесно связанных с преступными организациями, но при этом демонстрировавших свой антикоммунизм. На преступные связи, особенно заметные в Италии и Японии, не обращали внимания. Коррупция была предпочтительнее коммунизма. Хотя антикоммунизм и не был синонимом поддержки организованной преступности, он смягчал оппозицию криминальным организациям во многих странах. Создавались прочные связи между организованной преступностью и политической и экономической элитами. С этой точки зрения окончание холодной войны было важно не столько потому, что оно было причиной роста международной организованной преступности, сколько потому, что оно "открыло глаза" многих правительств на это явление. В дополнение к этому окончание холодной войны подорвало основы существования ведомств, связанных с безопасностью, и разведывательных служб. Они были вынуждены начать поиски новых врагов, одним из которых и стала организованная преступность.

Наконец, в-шестых, растет значение этнического фактора в формировании ТПО. Представители чешской уголовной полиции, например, заявляли, что 90 процентов югославов в Чешской республике заняты в торговле наркотиками, оружием и проституции, 90 процентов албанцев — в торговле героином и оружием, 90 процентов вьетнамцев уклоняются от налогов. Китайские же рестораны отмыывают деньги. Болгары заняты наркоторговлей и угонами автомобилей⁸⁵. При этом, хотя не существует единого глобального преступного картеля, появляются признаки растущей взаимозависимости этнических преступных групп. Некоторые исследователи говорят о формировании *raja mafiosa*⁸⁶.

Структура самих ТПО значительно изменилась в 1990-е годы. Международные преступные группы становятся безличными и анонимными. Благодаря новым коммуникационным технологиям и оффшорной банковской деятельности они смогли приспособить свою структуру к новой действительности. Хотя некоторые группы и сохранили иерархическую структуру, многие от нее отказались, поскольку новые технологии позволяют отказаться от сложных силовых структур. Другие в ответ на усилия правоохранительных органов разделились на более мелкие ячейки (например, колумбийские картели Медельин и Кали).

Фактором, влияющим на структуру ТПО, является то, что в эпоху глобализации преступная деятельность часто не требует территориаль-

ной базы. Примером таких преступлений являются преступления в киберпространстве.

В настоящее время транснациональные преступные организации имеют различную структуру и принципы членства. Общим для них является то, что они очень мобильны и способны действовать сквозь национальные границы. Частичным объяснением этому является то, что они скорее являются сетями, чем формальными организациями. Интересно, что многие законные транснациональные корпорации также взяли на вооружение сетевую структуру, позволяющую им легче приспособиться к меняющимся местным условиям.

Другой тенденцией является то, что транснациональные корпорации стали активно формировать альянсы между собой. Корпорациями такие альянсы помогают развивать производство в тех местах, где оно является более дешевым, и использовать местный опыт маркетинга. Транснациональные криминальные организации формируют альянсы по сходным причинам. Кроме того, подобные альянсы помогают бороться с усилиями правоохранительных органов, делить риск и использовать различные каналы распространения.

Хотя не существует общепринятого определения ТПО, "Тенденции мировой преступности" определяют их как любую группу лиц, организованную для извлечения прибылей из незаконной деятельности на постоянной основе⁸⁷. Обычно это достаточно большая группа, которая на постоянной основе контролирует преступные группировки, которая привлекает из своих преступлений прибыль и которая стремится создать защитную систему против общества, используя такие способы, как насилие, принуждение, коррупцию и воровство⁸⁸.

Так же, как и законные предприятия, транснациональные преступные организации различаются по своему размеру, структуре, видам деятельности. Некоторые, как колумбийские группы, специализируются на одной категории товаров. Другие более диверсифицированы. Несмотря на все свое многообразие, эти организации имеют ряд общих черт, включая готовность использовать насилие и коррупцию для защиты и развития своих предприятий⁸⁹. В то же время международные преступные организации в некоторых отношениях похожи на транснациональные корпорации. Одной из схожих черт является то, что они действуют из одного государства и активны в одном или нескольких государствах.

Формальную организационную структуру для китайской организованной преступности, например, дают триады, тонги и уличные банды. С другой стороны, большая часть китайской организованной преступ-

ности строится на основе конкретных транзакций, а не на основе организаций. Индивиды и небольшие группы собираются вместе для проведения конкретных операций, распадаются и организуются вновь в соответствии с возникающей необходимостью. Триады выступают в роли неких профессиональных ассоциаций. Членство в триаде дает некоторую степень доверия и позволяет членам триад работать вместе, даже когда они не знакомы лично. Подобная смесь формальной структуры и неформальной деятельности затрудняет работу правоохранительных органов. Затрудняется и различие между законными и незаконными предприятиями⁹⁰.

Не все транснациональные преступные организации в одинаковой степени используют насилие. Имеется существенное отличие между Медельинским картелем, который являлся доминирующим до конца 1980-х годов, и картелем Кали, который занял его место в качестве лидера наркоиндустрии. Медельинский картель потерял свое главенствующее положение в результате прямой конфронтации с правительством, нарушения договоренности о разделе рынка с картелем Кали и гибели или захвата части его лидеров (в частности, гибели П.Эскобара). Картель Кали, наоборот, предпочел сотрудничество конфронтации. Его лидеры стали частью местного и регионального политического и экономического истеблишмента, сочетая незаконную деятельность с законным бизнесом. Кроме того, картель Кали проводит свою деятельность в соответствии со здоровыми экономическими принципами и системами управления.

Скорее всего, производство и сбыт наркотических веществ станет наиболее распространенным видом деятельности ТПО в будущем. Нестабильность, появившаяся в результате окончания холодной войны, возобновление этнических и региональных конфликтов и рост субнациональных групп, бросающих вызов существующим государствам, означают рост спроса на вооружения. Участие в незаконной деятельности, в особенности, связанной с оборотом наркотиков, является наиболее распространенным путем получения средств для закупок вооружений. Поэтому в будущем рост торговли наркотиками будет стимулироваться не только экономическими, но и политическими причинами.

Хотя производство наркотиков обычно и основывается на примитивной технологии, оно способно к инновациям на всех уровнях, включая разработку новых продуктов и освоение новых рынков. Освоение производства крэка и его продвижение на рынке США является наглядным свидетельством этому.

Вероятно, наиболее значимая из организаций, которые доминируют в торговле героином — китайские триады. Базирующиеся в Гонконге и Тайване триады изначально были патриотическими организациями, которые затем стали использовать преступные методы. Одна из наиболее могущественных триад в Гонконге состоит из более 30 подгрупп с 20000 членов — 14K⁹¹. Гонконгские триады имеют тесные связи с различными торговыми организациями, существующими в любом чайна-тауне США.

Героин, поступающий в Западную Европу, преимущественно поступает из Афганистана и Пакистана. Разветвленные турецкие общины Германии, Голландии и Италии предоставляют отличное прикрытие для такой деятельности.

Растет производство амфитоминов в Польше. Имеются также свидетельства того, что колумбийские картели используют Центрально-Европейский регион как транзитный маршрут.

Транснациональная деятельность столь же доступна для криминальных групп, как и для законных многонациональных корпораций. Более того, именно природа криминальных организаций делает их особенно приспособленными для того, чтобы воспользоваться новыми возможностями. Поскольку криминальные группы и в прошлом действовали, не считаясь с правилами и законами государств, они не имеют особых трудностей с нелегальным пересечением национальных границ. Во многих отношениях международные преступные организации являются транснациональными по своей природе. Они действуют вне существующих в мировой политике структур власти и имеют хорошо развитые и опробованные стратегии по обходу правоохранительных органов как на уровне отдельных государств, так и на уровне мировой системы.

Следует отметить, что ТПО проявили достаточную эффективность в борьбе против рисков, в том числе и связанных с деятельностью государственных структур. При этом используются разнообразные стратегии для снижения этих рисков. Например, борьба против картеля Кали принесла некоторые успехи. Однако картель показал себя как крайне жизнеспособная и гибкая организация. Многие виды его деятельности были отделены от самой организации. Такая деятельность, как отмывание денег, проводилась поддерживающими организациями. В основном картель Кали действовал скорее как среднее деловое предприятие, а не как выдающаяся криминальная организация, ищущая конфронтации с колумбийским правительством. Медельинский картель, напротив, не только проявил готовность использовать насильственные средства, но и

показал опытность в их использовании. Картель даже нанял израильскую компанию для тренировки своих сил безопасности. Он также импортировал в Колумбию существенные объемы оружия⁹².

Конечно, нестабильность и конфликты могут создавать проблемы для международных преступных организаций, вынуждая их, например, находить новые пути транспортировки. Однако большинство организаций прекрасно действуют в подобных условиях. Примером могут быть Афганистан и Мьянма, где происходят этнические и межплеменные конфликты, но тем не менее существуют крупные наркоорганизации.

Практически все преступные организации заинтересованы в управлении и контроле рисков, связанных с правительственными правоохранительными органами. Используются три вида стратегий: превентивные стратегии, контроль или защита, абсорбция. Наиболее мощные организации способны путем подкупа и коррупции создавать благоприятное окружение для своей деятельности. Иногда для этого используются различные формы патронажа, создающие общественную симпатию. В этом заключается использование превентивных стратегий. В случае более решительных действий правительств против организованной преступности используются оборонительные действия. К примерам можно отнести использование картелем Кали израильского электронного оборудования для прослушивания телефонных разговоров и инфильтрация в правоохранительные органы. Третья группа стратегий связана с ограничением ущерба. В случае картеля Кали эти меры включали использование подставных фирм, активы которых не могли быть конфискованы правоохранительными органами.

Российские ТПО также участвуют в "международном разделении труда" в сфере незаконных операций. Российские источники часто сообщают о тысячах организованных преступных группировках. Частично такая ситуация отражает применяемое российскими правоохранительными органами определение организованной преступности, как отличающейся от иных форм преступности вовлечением более чем одного человека и наличием преступного умысла. Однако, учитывая сравнительно аморфную и базирующуюся на сетевых формах структуру российского преступного мира, подобные цифры учитывают все компоненты преступности, а не основные ее сети и составные части. Учитывая это, можно говорить, что Россия имеет от 12 до 15 основных организованных преступных структур, что вполне сопоставимо, например, с шестью китайскими триадами или четырьмя или пятью основными преступными организациями Италии.

Российская организованная преступность является набором гибких сетей полунезависимых преступных предприятий. В последнее время она не только установила контроль за большей частью российской экономики и политической жизни, но и стала международным феноменом. Считается, что она напрямую действует в 60-65 странах. Учитывая растущую глобализацию, трудно найти часть мира, где ее влияние не ощущается. Российская организованная преступность не имеет вертикальной структуры, подобно сицилийской мафии или китайским триадам. Вместо этого она является набором группировок, команд и индивидов, которые большей частью действуют независимо, но при этом связаны между собой в сети, где доминируют воры в законе.

Организованные преступные группировки занимаются не только незаконной деятельностью. Они также вовлечены в разнообразный законный или почти законный бизнес. Эти группировки продолжают незаконно вывозить деньги, природные ресурсы и оружие из России. Этот процесс, однако, является двусторонним. Великий объем незаконного импорта (от краденых автомобилей до компьютеров). Россия также является важным центром незаконного оборота наркотиков.

В Европе первая волна экспансии российских преступных группировок началась с бывших участников Варшавского договора. Балтийские республика, Польша и Венгрия были первыми целями. Затем началось проникновение в Германию и Австрию. В большинстве стран они сосуществуют с местными преступными группировками. В Венгрии и Австрии они являются доминирующей преступной силой⁹³. В Германии различные преступные группировки от солнцевской (особенно сильное влияние в Берлине и Франкфурте) до чеченской (Франкфурт и Гамбург) находят благоприятную почву в лице многоэтнического преступного мира самой страны. В Балтийских же республиках велико сопротивление местных преступных группировок и местной полиции, которые сформировали своеобразный альянс. В Италии местные преступные группировки и полиция, имеющая большой опыт борьбы с организованной преступностью, также создают препятствия для проникновения. Франция, Испания, Португалия и Греция также являются местами медленно растущей преступной деятельности и инвестиций. Кипр стал ключевым центром отмывания денег. Великобритания имеет репутацию безопасного места для членов семей и капиталов членов организованных преступных группировок.

В Соединенных Штатах существующие русскоязычные преступные группировки, хотя и не подчиняясь напрямую российским, влились с

1992 года в транснациональные сети таких организаций, как солнцевская.

Российская и постсоветская организованная преступность менее влиятельны, чем, например, итальянская мафия, якудза или триады. Однако более гибкая структура этих организаций делает их более подготовленными как к новым угрозам, так и к использованию новых возможностей. Нет оснований предполагать, что основы деятельности этих группировок в самой России будут уничтожены в обозримом будущем. Уже сейчас эти организации являются действительно транснациональными. Они будут расширять географическую сферу своей деятельности, если возникнут новые возможности для извлечения прибыли. Их сила будет расти. При этом в случае возможности они будут сосуществовать с местными преступными группировками. В настоящее время в России именно организованная преступность выступает в отношениях с государством доминирующим партнером⁹⁴.

Согласно определению Интерпола, ТПО представляет собой "любую группу, имеющую корпоративную структуру, чьей главной задачей является получение денег посредством незаконной деятельности". Думается, что в нашей стране это определение ТПО должно быть несколько шире. С чем это связано?

Во-первых, масштаб операций является беспрецедентным. По оценкам Всероссийского НИИ МВД в августе 1995 года организованной преступностью контролировалось более 400 банков и 47 бирж⁹⁵. Согласно некоторым оценкам, в 1997 году 40—50 процентов российской экономики контролировалось организованной преступностью⁹⁶. Ежегодные же инвестиции российской организованной преступности в экономику, например, Великобритании достигали 2,5 млрд. фунтов⁹⁷.

Во-вторых, генезис нынешней организованной преступности также не имеет аналогов в других странах. Нынешняя организованная преступность России ведет свою историю к последним дням существования Советского Союза. Уже в 1991 году проблема стала настолько серьезной, что рассматривалась на специальной коллегии КГБ. Из-за недостатка ресурсов проблема не была решена в то время. В 1992 году количество организованных преступных группировок достигло 2600, из которых правоохранительные органы сумели уничтожить лишь 56. Уже на ранних этапах своего развития организованные преступные группы сумели во многом обеспечить собственный контроль на рынках собственности, цветных металлов и нефти. Около 40 процентов российских бизнесменов имеют те или иные связи с организованной преступностью.

Около 500 групп сумели установить связи с государственными служащими, предоставлявшими прямую поддержку их деятельности⁹⁸. К 1993 году их количество выросло до 3000. Большинство существовавших групп находились под контролем одного из 150—200 сообществ, организованных по этническому или местному признаку или в соответствии с их специализацией (например, компьютерные преступления или преступления, совершенные военнослужащими).

В-третьих, российская организованная преступность имеет уникальную структуру. Российская организованная преступность не является подобно, например, итальянской мафии единой криминальной сетью. Она, скорее, представляет собой достаточно аморфный и динамично развивающийся набор группировок от городских банд до развитых коммерческих предприятий, осуществляющих свою деятельность в международных масштабах. К январю 1997 года в России насчитывалось около 4 тысяч бандформирований, из которых десятая часть осуществляла операции в международных масштабах⁹⁹. Российская организованная преступность с успехом использует преобладающую в России политическую культуру недоверия к властям. В результате организованная преступность оказывает влияние практически на все аспекты политической и экономической жизни страны. Войны бандформирований 1990—1994 годов консолидировали российскую организованную преступность. Общее число преступных группировок снизилось с 1995 года. Однако это снижение отражает не успехи правоохранительных органов, а подчинение более крупными формированиями менее конкурентоспособных. Ведение дел за гранью закона признается и российскими иностранными партнерами. Согласно проведенному в 1993 году опросу, 80 процентов американских фирм, ведущих дела в России, хотя бы раз нарушали положения американского закона об иностранной коррупционной практике 1977 года, платя взятки и ведя дела с организованной преступностью¹⁰⁰.

В-четвертых, методы действий российской организованной преступности за рубежом также во многом являются уникальным явлением. Российская организованная преступность действует за рубежом в трех основных формах: жесткое проникновение путем прямой инфильтрации; мягкое проникновение с использованием экономической деятельности; использование стратегических альянсов с другими криминальными сетями.

Жесткое проникновение наиболее заметно в Северной и Центральной Европе, Израиле и некоторых частях США. Мягкое проникновение

в таких странах, как Кипр, Швейцария и Великобритания, менее заметно. Однако масштабы его гораздо шире. Кроме того, такую деятельность достаточно трудно отличить от законных инвестиционных практик и финансовых операций. Стратегические альянсы включают перемирие с сицилийской мафией, дающее российским группировкам свободу действий в Северной Европе, а также сотрудничество с колумбийскими наркокартелями. Однако в Европе российские и итальянские группировки конкурируют друг с другом. Сохраняется и возможность обострения конфликта на Дальнем Востоке с китайскими триадами и японской якудза.

Основное же отличие организованной преступности в России от преступности в других странах заключается в ее социально-экономической роли. В России организованная преступность является заменителем несформировавшегося гражданского общества. Вполне возможно, что в условиях "слабого государства" она является единственным социальным агентом, способным обеспечивать экономическое развитие и предоставлять гражданам услуги, которые традиционно предоставляет государство. Естественно, что такое образование в условиях вакуума власти не может ограничить сферу своей деятельности лишь территорией страны своего базирования. Организованная преступность имеет внешнеполитические интересы, имеет возможности для их защиты, имеет политическую волю для этого. Другим фактором, способствующим достаточно эффективной внешнеполитической деятельности неформальных структур, является то, что зачастую интересы (в том числе внешнеполитические) основной массы населения совпадают с интересами неформальных структур в большей степени, чем с так называемыми государственными интересами (то есть интересами узкой группы московской политической элиты).

Учитывая все это, следует ожидать усиления влияния организованной преступности на внешнюю политику России. Причем если сейчас это влияние оказывается преимущественно через коррумпированных государственных деятелей, то в будущем, с дальнейшим ослаблением государства и легитимизацией неформальных структур, можно ожидать усиления прямого влияния организованной преступности на то, какое место Россия будет занимать в мировой системе. Наряду с государственной российской внешней политикой, с которой в мире будут считаться во все меньшей степени, можно ожидать появления "параллельной внешней политики", формулируемой и эффективно проводимой в жизнь так называемыми организованными преступными организациями

без какого-либо участия Российского государства. Причем эта "параллельная внешняя политика", как это ни парадоксально, может быть гораздо более предпочтительной как для населения самой страны, так и для других стран.

Оценки роли ТПО в мировой экономике и политике, а также того, представляют ли они угрозу безопасности, крайне неоднозначны. В отличие от революционеров или террористических организаций транснациональные преступные организации имеют, в первую очередь, экономические цели. Даже незаконные предприятия зачастую увеличивают национальный доход, создают новые рабочие места и предоставляют социальные гарантии. Они используют навыки в области управления, которые в противном случае просто пропали бы. Доходы от деятельности этих организаций очень велики, и, по крайней мере, часть этих доходов реинвестируется в национальные экономики. Тем не менее считается, что эти организации являются угрозой безопасности. На уровне личности безопасность обычно означает достаточно безопасное окружение, в котором личность не является объектом насилия и устрашения. Преступные организации оказывают влияние на безопасность, определяемую подобным образом. Поскольку распространение наркотиков увеличивает уровень преступлений против личности, безопасность личности ставится под угрозу. На государственном уровне транснациональные преступные организации также являются угрозой безопасности. В некоторых случаях их сила превосходит силу государств. Их готовность использовать силу против государства и правоохранительных органов ставит под сомнение государственную монополию на организованное насилие и поэтому может быть более дестабилизирующей, чем деятельность революционных или террористических групп. Примерами могут служить Колумбия и Италия, где транснациональные преступные организации вошли в конфликт с существующими государствами. В силу самой своей природы транснациональные преступные организации подрывают гражданское общество (или заменяют его), дестабилизируют политическую обстановку в различных странах и подрывают власть закона.

Традиционные транснациональные преступные организации зачастую создают хаос сами. Чаще же они используют неопределенность, создаваемую другими внутренними или международными событиями. Поэтому такие организации наиболее сильно развиты в странах со слабыми государственными структурами, проблемами с легитимностью существующего строя. В этих условиях развитие параллельных власт-

ных и экономических структур почти неизбежно. Существует связь между развитием транснациональных преступных организаций, с одной стороны, и кризисом управления и упадком гражданского общества, имеющими место во многих странах с окончанием холодной войны - с другой стороны. Политический хаос является естественной средой для криминальной деятельности. Одна из ключевых характеристик транснациональных преступных организаций заключается в том, что они соединяют "зоны мира" и "зоны нестабильности", существующие сейчас в мировой системе. Угрозы целостности государств создают угрозы самой международной системе, состоящей из государств. Хотя традиционно политика в области безопасности и исследования в этой области имели дело с отношениями между государствами, в будущем придется рассматривать и отношения между государствами и могущественными негосударственными акторами. Доминирование государств было поставлено под сомнение возникновением таких акторов, действующих как на региональном, так и на глобальном уровнях. Отсутствие традиционных атрибутов суверенитета является скорее не недостатком, а преимуществом этих акторов, которые могут использовать свою относительную свободу для деятельности, которую государства практически не могут контролировать. Хотя государства формально и обладают атрибутами суверенитета, они уже не могут, например, контролировать импорт оружия, людей и наркотиков на свою территорию. Суверенитет в этих условиях остается важной основой для межгосударственных отношений, но уже не отражает, как ранее, реальный контроль над территорией. При этом далеко не все государства выступают против усиления транснациональных преступных организаций. Альянсы между этими организациями и так называемыми государствами-париями могут представлять серьезную угрозу, особенно при распространении ядерных вооружений. Государства обычно достаточно хорошо подготовлены для противодействия угрозам, исходящим от других государств. Однако когда угроза исходит от "несуверенного" действующего лица, очень трудно подобрать эффективные инструменты и стратегии противодействия.

Незаконные предприятия не только ставят под угрозу государственный суверенитет и государственную безопасность, но и указывают на прозрачность межгосударственных границ и уязвимость государственных институтов. Угроза является не прямой, а опосредованной. Организованные преступные группировки не угрожают государству, как, например, вооруженные силы противника. Скорее, они ставят под вопрос

прерогативы государства и его контроль над собственной деятельностью.

Существует соблазн охарактеризовать угрозу со стороны транснациональной организованной преступности как прямую угрозу политической стабильности, общественному благополучию, а также существующим финансовым институтам. Хотя это и привлекает общественное внимание к проблемам преступности, это является преувеличением. К тому же это дает основания критикам заявлять, что после холодной войны аппарат национальной безопасности нуждается в новой угрозе и врагах и дает преступным организациям статус, которого они не заслуживают. На самом деле, как заявляют многие исследователи¹⁰¹, лидеры преступных организаций выполняют не столько функции главы предприятия, сколько функции управления и арбитража в спорах. Кроме того, рассматривая организованную преступность безоговорочно в качестве негативного явления, можно не заметить те блага, которые организованная преступность предоставляет населению (причем не только вовлеченному в организованную преступность). Деньги, заработанные преступным путем, инвестируются в экономику, иногда вызывая подъем в целых регионах. Торговля незаконными товарами для некоторых стран может быть главным источником валютных поступлений. Иногда организованная преступность дает единственную возможность получить работу. В обществах, где более традиционные пути продвижения по общественной лестнице недоступны большим группам населения, участие в структурах организованной преступности может быть достаточно привлекательным. Говоря об угрозе со стороны международной организованной преступности глобальной финансовой системе, можно отметить, что преступные группировки вовсе не нацелены на разрушение этой системы. Напротив, они заинтересованы в ее использовании и продолжении ее существования.

Глава 4. Приватизация вооруженных сил

Важной тенденцией в мировой политике, проявившейся на рубеже двенадцатого и двадцать первого веков, является приватизация государственных функций, связанных с использованием военной силы.

Хотя об этой тенденции и стали активно говорить лишь к концу 1990-х годов, она не является совсем новой. Достаточно вспомнить о роли финансовых домов, торговых фирм и наемников в определении исхода войн и образовании государств¹⁰², чтобы понять, что транснациональные акторы имели важное значение в использовании организованного насилия достаточно давно. На протяжении истории участниками боевых действий часто были частные объединения, воевавшие для извлечения прибыли и не лояльные ни одному правительству. При этом небольшие профессиональные армии, использовавшие наемников, побеждали в войнах¹⁰³. Небольшая профессиональная армия была жизнеспособной альтернативой народным армиям, могла выигрывать войны и показывала достаточную эффективность. Некоторые даже считают, что государственная монополия на использование вооруженных сил была скорее историческим исключением, чем правилом¹⁰⁴. Даже в Новое время, когда государства стали доминировать в мировой политике, частные вооруженные силы оставались активными участниками конфликтов. Например, подавляющее большинство воинов, участвовавших в тридцатилетней войне (1618-1648), были наемниками, так же как и генералы, которые ими руководили¹⁰⁵. Так же как и период после холодной войны, семнадцатый век был временем системного перехода, когда правительства были слабы, а военная сила была доступна на открытом

рынке. Во время последовавшей эпохи колониальной экспансии торговые компании, такие, как Голландская и Британская Восточная Индийская компания, действовали как суверенные силы, имея собственные армии и флоты, большие, чем армии и флоты некоторых стран Европы, самостоятельно заключая договоры, управляя собственными территориями и даже выпуская собственные деньги¹⁰⁶. Эти фирмы доминировали на неевропейских территориях, которые рассматривались как лежащие вне признанных границ системы суверенитета (например, на индийском субконтиненте), где возможности местных властей были незначительны, а транснациональные компании были наиболее организованными объединениями.

Материальные сдвиги привели к возникновению вызовов традиционным путям ведения войн. Новые идеи предоставили возможность переосмыслить старые практики. Либеральные идеи, связанные с Просвещением, позволили конституционным реформаторам выступать за нагродные армии, как часть новых взаимоотношений между обществом и государством. Внутриполитические условия в ведущих странах повлияли на выбор в пользу создания народных армий (исключавших использование наемников), а не небольших профессиональных сил. Однако все не является бесспорным фактом то, что крупная и плохо снабжаемая армия будет более эффективна, чем небольшая и хорошо снабжаемая. Обучение малой армии также менее дорогостояще. Сами технические новшества должны были привести к созданию небольших профессиональных, а не массовых армий. Французская революция просто прервала наметившуюся тенденцию. Пруссия в конце концов вернулась после этого к профессиональной организации. Профессиональные армии использовали наемников. Офицеры во многих армиях конца восемнадцатого века были иностранными наемниками или их местными эквивалентами¹⁰⁷. Военные руководители верили, что наемники воевали лучше, чем собственные жители. Наконец, наемники зарекомендовали себя достаточно хорошо во время наполеоновских войн. Однако профессионализация и рационализация часто вступали в противоречие с демократическими процессами. Например, комитет генералов предложил в Франции с 1780 по 1784 год ряд военных реформ, основывающихся на подходе к рациональности Просвещения. Эти предложения были основаны на профессионализации и создании подобия военной касты. Эти предложения были далеки от демократических идей революционной Франции и были отвергнуты. Практически все члены комитета присоединились в итоге к контрреволюционным силам¹⁰⁸.

С развитием частной военной индустрии с начала двадцать первого века мы можем наблюдать постепенное ослабление веберовской монополии на насилие¹⁰⁹. Для многих бывших колоний суверенитет являлся удобной юридической фикцией. Вызываемая логикой холодной войны массивная военная помощь, позволяла этим государствам выживать даже при отсутствии внутренней легитимности. С окончанием холодной войны и прекращением военной помощи многие из этих государств оказались неспособны (в силу отсутствия легитимности и ресурсов) противостоять вызовам своей власти¹¹⁰ и обратились к услугам частных подрядчиков.

Существует два источника индустрии безопасности.

Во-первых, появление частных служб безопасности является результатом приватизации общественной и экономической деятельности, осуществлявшейся ранее государствами.

Конец холодной войны привел к крупномасштабной демобилизации вооруженных сил. Между 1987 и 1996 годами количество личного состава в вооруженных силах стран мира сократилось на несколько миллионов. Меньшие вооруженные силы означают меньшие шансы карьерного роста, что является дополнительным фактором для увольнения из них. При этом многие бывшие военные продолжают использовать навыки, полученные на службе¹¹¹.

Во-вторых, следует осознавать, что наем солдат или другого персонала, связанного с безопасностью, является экономической трансакцией. Условия, влияющие на спрос и предложение, являются основой для любого анализа найма и использования их для обеспечения безопасности.

К середине 1980-х годов произошли изменения рынка. Личный состав, имевший опыт колониальной службы или войны во Вьетнаме, достиг предельного возраста. В то же время четыре фактора ограничивали возможности независимых поставщиков: неоднозначная эффективность наемников на последних фазах конфликтов в Конго, Нигерии и Анголе; неудачи большинства переворотов с участием командос; вопросы легитимности, связанные с использованием «чужаков» во внутренних конфликтах; программы военной помощи для государств, считавшихся стратегически важными¹¹². В настоящее же время предложение не является недостаточным. Наемники участвовали почти во всех конфликтах последних десяти лет.

Совпадение во времени трех событий — (1) окончания холодной войны (и обвала рынка безопасности), (2) трансформации природы вой-

ны, (3) роста нетерпимости к людским потерям в ведущих промышленно развитых странах, приводящего к нормативному распространению приватизации, – создало *потребность в частной военной индустрии*. Поэтому частная военная индустрия является отражением изменившегося глобального стратегического окружения в начале двадцать первого века¹¹³.

(1) В 1990-х годах армии мира сократились на более чем 6 млн. человек. В результате огромное количество профессионалов, чьи навыки были бы востребованы частной военной индустрией, оказались без работы. Иногда в частный сектор переходили целые воинские части. Так было в случае Южноафриканского 32-го разведывательного батальона и советской группы "Альфа", которые, сохранив свою структуру, просто сформировали свои собственные частные компании¹¹⁴.

В то же время способность государств отвечать на многие современные угрозы ослабла. Многие государства, лишенные в результате окончания холодной войны поддержки сверхдержав стали практически неуправляемыми. Принимая во внимание слабость местных вооруженных сил и полиции, аппарат безопасности этих государств практически отсутствовал. Более того, практически полное отсутствие функционирующих государственных структур означало, что посторонние силы стали во все большей степени выполнять функции, обычно зарезервированные за государством. Одной из этих функций и было обеспечение безопасности¹¹⁵.

(2) В области конфликтов малой интенсивности основные военные инструменты не только диверсифицировались, но и стали доступны более широкому кругу акторов. Мотивации все большего количества конфликтов в развивающемся мире были связаны с криминалитетом или в той или иной степени с извлечением прибыли¹¹⁶.

В современных условиях стратегические последствия могут быть достигнуты сравнительно небольшим количеством персонала, который может быть на поле боя. В соответствии с концепцией так называемой революции в военном деле, природа профессионального солдата и ведения высокоинтенсивных боевых действий изменяется. Потребности высокотехнологичной войны увеличили нужду в специалистах со специальной подготовкой, которые очень часто могут быть найдены в частном секторе. Растущее значение доминирования в информационной сфере также требует большего вовлечения в боевые действия гражданских (и частных) специалистов. Распыление силы и знаний, которое является следствием информационной революции, а также снижение

легитимности вооруженной силы ведут к так называемой приватизации в области безопасности. В Соединенных Штатах, например, многие функции, до этого выполнявшиеся военными, выполняются частными субподрядчиками. К этим функциям относятся не только административные, но и планирование, анализ, военные симуляции, обучение и боевая подготовка. В ближайшие годы другие страны, вероятно, последуют примеру США.

(3) Поскольку США и другие развитые страны стремятся избежать потерь своего личного состава, стремление к интервенционизму пошло на убыль. Поэтому многие конфликты не получают должного внимания. В других случаях интервенция предпринимается ускоренными темпами и без достаточной подготовки, чтобы обеспечить должный отклик на внутривнутриполитическом фронте.

В дополнение к этому нежелание предпринимать такие интервенции значительно возросло после событий в Сомали. Геноцид в Руанде был доказательством этой тенденции. В эпоху всеобщей приватизации частные компании вполне могут заполнить эту брешь. К тому же частные военные компании и службы безопасности могут быть призваны и размещены на театре военных действий гораздо быстрее, чем обычные вооруженные силы.

Потери среди персонала частных военных компаний привлекают гораздо меньше внимания, чем потери в армиях. Например, потери DynCorp (фирма с 17500 служащими и 550 офисами по всему миру и ежегодным доходом в 1,3 млрд. долл.) в Колумбии получили гораздо меньше внимания, чем смерть пяти американских военнослужащих, погибших в авиакатастрофе в той же стране в 1999 году¹¹⁷.

К сожалению, несмотря на успех компаний в Анголе и Сьерра-Леоне, мировое сообщество пока еще редко использует их в операциях по установлению и поддержанию мира. Подробнее использование частных компаний в операциях ООН будет рассмотрено далее.

Частично процессу роста частных военных компаний способствовала и дерегуляция финансов и прямых иностранных инвестиций, которые сделали совместные предприятия возможными¹¹⁸. Другой источник приватизации связан с ситуациями, когда сильные компании не верят в способности государства защитить их интересы. В итоге они приходят к необходимости формирования своих собственных частных армий. История знакома с такими примерами. Британская Восточная Индийская компания в свое время имела одну из крупнейших на земле армий. Если в ближайшие годы мир столкнется с формированием действительно

транснациональных и ненациональных корпораций, этот процесс может повториться. Тогда корпоративные армии, ВВС, ВМФ и разведывательные службы станут главными акторами вооруженных конфликтов двадцать первого века.

Нынешние частные военные компании являются продуктом эволюции других частных действующих лиц военных конфликтов. Однако они имеют ряд *существенных отличий*. Наиболее важным является современная *корпоративная форма* частных военных компаний. Они иерархически организованы в инкорпорированные и зарегистрированные предприятия, которые открыто конкурируют на международном рынке, связаны с внешними финансовыми холдингами, рекрутируют сотрудников более эффективно, чем их предшественники, и предоставляют более широкий спектр военных услуг более широкому кругу клиентов¹¹⁹. Кроме того, такие компании чаще всего стремятся отказать в услугах клиентам, которые подвергаются осуждению международного сообщества, поскольку это может отрицательно повлиять на их долгосрочную работу¹²⁰. В этом состоит их отличие от индивидуальных наемников. Чаще всего наемничество процветает именно в тех отраслях, где не задействованы законные частные военные компании. Законодательство может повлиять на поведение частных военных компаний, но вряд ли существенно изменит поведение частных наемников¹²¹.

Корпоративная форма дает частным военным компаниям определенные преимущества в плане эффективности. Как частные предприятия они связаны посредством сложных финансовых механизмов с другими фирмами как в пределах собственной отрасли, так и вне ее. Многие наиболее активные фирмы, такие, как MPRI, Armorgroup и Vinell, являются отделениями более крупных корпораций, зарегистрированных на биржах. Для ориентированных на военный сектор корпораций, таких, как Dyncor или TRW, добавление военных услуг к списку предлагаемых ими помогает сохранять прибыльность во времена уменьшения государственных заказов¹²².

Многие частные военные компании действуют как виртуальные компании. Подобно Интернет-фирмам, которые ограничивают свои затраты на основные фонды, большинство частных военных компаний не содержат постоянных вооруженных сил, а подбирают соответствующий персонал и субподрядчиков для каждого контракта¹²³. Такая глобализация расположения ресурсов приводит к большей эффективности.

Д.Брукс проводит различие между частными службами безопасности и частными военными компаниями. *Частная служба безопасности*

— компания, предоставляющая пассивную безопасность в конфликтном окружении. Чаще всего такие услуги предоставляются частным компаниям. *Частная военная компания* — компания, предоставляющая более активные услуги, такие, как военное обучение, наступательные военные операции. Чаще всего такие услуги предоставляются государствам или международным организациям, таким, как ООН¹²⁴.

Компании, специализирующиеся на разминировании и тыловом обеспечении, хотя и используют тех же специалистов, что и остальные военные компании и службы безопасности, имеют более узкую специализацию. Компании по разминированию обычно рассматриваются как гуманитарные предприятия. Большинство своих контрактов они получают от НПО, государств и международных организаций, например ООН.

Частные военные компании ассоциируются с деятельностью, имеющей военные (и политические) последствия, в то время как частные службы безопасности занимаются защитой людей и собственности. В настоящее время частные военные компании и службы безопасности использовались международными миротворческими организациями только для снабженческих функций и обеспечения безопасности¹²⁵.

Растущие *возможности частных служб безопасности* видны из рассмотрения тенденций их роста как в развитых, так и в развивающихся странах. Прогнозируется, что ежегодный объем услуг, предоставляемый этими компаниями вырастет с нынешних 56 млрд.долл. до 200 млрд.долл. — в 2010 году¹²⁶.

Такие компании, как WatchGuard International (Великобритания) или Vinnell Corporation (США) получили контракты на подготовку военных на Ближнем Востоке еще двадцать пять лет назад¹²⁷.

Перед распадом Executive Outcomes как корпорации в декабре 1998 года, отмечалось, что компания контролировала одну из наиболее эффективных частных армий в мире¹²⁸. Ее операции в Центральной Африке показали, что компактные, но дисциплинированные силы могут иметь огромное воздействие в ситуациях, когда правительство сталкивается с вызовами со стороны повстанцев, которые могут обладать современным оружием, но не имеют профессиональных навыков, дисциплины и организации.

В Саудовской Аравии военные полагались на множество фирм для предоставления самых различных услуг — от использования систем ПВО до обучения сухопутных сил, ВМФ и ВВС. Даже Конго, которое имеет гораздо меньшее стратегическое значение, в свое время использовало

зарубежную корпорацию (израильскую фирму Levadan) для обучения и поддержки своих вооруженных сил. Частные военные фирмы влияли на исход множества конфликтов. В частности, они были определяющими действующими силами в войнах в Анголе, Хорватии, Эфиопии-Эритрее и Сьерра-Леоне¹²⁹.

Общее количество частных военных фирм составляет несколько сотен.

Базирующаяся в Джексонвилле (Флорида) компания Armor Holdings изначально специализировалась на производстве бронжилетов, промышленных системах безопасности и несмертельном оружии. Она была основана в 1969 году. Хотя на протяжении ее истории у компании случались и застойные годы, сейчас она находится на подъеме. Между 1996 и 1998 годами ей было приобретено более чем 15 меньших компаний, включавших конкурентов на рынке несмертельного оружия и консультативных фирм в области безопасности. В результате доходы от услуг в области безопасности между 1996 и 1999 годами увеличились в четыре раза и достигают более 150 млн. долл. в год. Приобретения других компаний позволили Armor Holdings выйти за пределы Америки и предлагать полный спектр товаров и услуг, связанных с безопасностью.

Приобретение лондонской Defense System Limited (DSL) в апреле 1997 года было особенно важным. Defense System Limited была основана бывшими сотрудниками специальной воздушной службы (SAS) и ее считали тесно связанной с британским правительством. Приобретение ее американской компанией вызвало множество вопросов в обеих странах. Считалось, что тяготеющая к секретности природа многих фирм такого рода не выдержит требований к открытости Нью-Йоркской фондовой биржи, где зарегистрирована головная фирма. Однако опасения не подтвердились. Более того, в настоящее время Defense System Limited — одна из немногих фирм, имеющих контракты с выступающей против приватизации военных услуг ООН. (См.: Doug Brooks. "Messiahs or Mercenaries? The Future of International Private Military Services" in *International Peacekeeping*. Vol. 7. № 4. P.133-134.) Две крупные военные компании Sandline и Executive Outcomes были созданы как часть Brach Heritage Group для охраны минеральных разработок Heritage Oil&Gas Inc. (См.: O'Brien, Kevin. "Private Military Companies and African Security, 1990-8" in Abdel-Fatah Musan and Kayode J. Fayemi (Eds.) *Mercenaries: An African Security Dilemma*. London: Pluto Press, 64-71.)

году¹³⁰. При этом эта была одна из немногих фирм в этом списке, не связанных с высокими технологиями¹³¹.

Деятельность современных частных военных компаний вызывает множество *вопросов и дискуссий*. Во-первых, основной упрек частным службам безопасности связан с тем, что, руководствуясь стремлением к прибыли, они не всегда следуют установленным правилам ведения боевых действий. В январе 1999 года Энрике Болестрос, специальный док-

Их рыночная капитализация варьируется от сотен тысяч до 20 млрд. долл. В настоящее время происходит стремительная концентрация индустрии. Эту тенденцию иллюстрируют слияние лондонской Defense System Limited и американской Armor Holdings, а также покупка фирмы MPRI компанией L-3 в 2000 году. Сделав двадцать глобальных покупок за последние три года, Armor Holdings вошла в число 100 наиболее быстро растущих фирм журнала Fortune как в 1999, так и в 2000

ладчик ООН по наемничеству, заявил, что "конкурентное преимущество наемников основывается на том, что они не придерживаются уважения к гражданским правам и международного гуманитарного права. Большая жестокость считается эффективным инструментом победы"¹³². Это ставит под вопрос качество других наемнических по своей сути сил, которые международное сообщество считает вполне законными. К ним относятся Французский иностранный легион, гурки на службе в индийских и британских вооруженных силах, швейцарские гвардейцы в Ватикане.

Частные военные компании пытаются исправить такой негативный имидж. В частности, Sandline предложила внешнее независимое регулирование вопросов, связанных с соблюдением частными службами безопасности гражданских прав. Executive Outcomes сделала 36 предложений для южноафриканского закона о регулировании иностранной военной помощи, 28 из которых вошли в закон¹³³.

Во-вторых, современная политическая мысль рассматривает внутреннюю и внешнюю безопасность в качестве коллективного блага, представляемого государством. Суверенное государство по определению стремится монополизировать легитимное использование насилия и установить систему коллективной безопасности для своих граждан. Современная модель военной службы ассоциируется с призывами суверенного государства к профессионализму и патриотизму. Согласно общераспространенному мнению, защита государств-наций от внешних угроз должна опираться на граждан самого государства. Оплата услуг посторонних граждан, обеспечивающих оборону, является худшим вариантом, поскольку их интересы не всегда совпадают с интересами нанимателей. В современной мировой политике тенденция к недоверию наемникам усиливается их предшествующей деятельностью в Африке, которая значительно затянула конфликты и не привела к ожидаемым результатам.

Начиная с начала 1970-х годов африканские страны начали движение за запрещение наемничества. Их усилия привели к четырем конвенциям. Статья 47 дополнительного Женевского протокола¹³⁴ содержит определение наемничества. Согласно ему, наемник должен быть нанят для конкретного конфликта, не должен быть гражданином или жителем страны — участника конфликта, должен выступать в качестве частного лица, должен напрямую участвовать в боевых действиях и должен быть мотивирован частной выгодой. Частная выгода определяется как компенсация за службу, превышающая ту, что выплачивается участникам

кационных системах, глобальной культуре, создало сеть широких общественных взаимодействий, пересекающих границы наиболее активных участников международного общества (великих и средних держав). Процесс глобализации также вызвал появление новых угроз безопасности, связанных с

Сегодня очень многие политологи говорят о глобальном мире, но при этом нередко «стесняются» задать вопрос, а работают ли так настойчиво пропагандируемые демократические принципы в этом мире, подтверждаются ли в нем классические демократические презумпции или ему суждено стать олигопольным и олигархическим? (см.: Панарин А.С. Политология. Москва: Гардарика, 2000, С. 11).

В отношении формулы «двух миров» (зоны мира и зоны конфликта) современные дискуссии группируются вокруг «логики сотрудничества» или «логики конфликта». Зона мира ассоциируется с вопросами «космополитического управления», в то время как зона конфликта связывается с такими явлениями, как «новые войны» и «конфликты постмодерна» (см.: Dietrich Jung. "The Political Sociology of World Society" in *European Journal of International Relations*. Vol.7, No.4, December 2001, 444.). У «себя дома» Запад признает принцип неделимости сложившихся единых политических систем и категорически осуждает всякие поползновения к «этносуверенитетам». Напротив, применительно к Югославии, к постсоветскому пространству, даже к самой Российской Федерации Запад нередко склоняется к политике поддержки этнического сепаратизма. Применительно к Западу признается принцип национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела; применительно к не-Западу этот принцип объявляется целиком устаревшим, противоречащим новым реалиям глобального общества. (см.: Панарин А.С. Политология ... С.15)

Прогресс как мировая игра «с положительной суммой» стал явно обретать черты игры «с нулевой суммой». По мере утверждения принципа плюрализма цивилизаций представители других культур стали рассматриваться не как партнеры по совместному будущему, а как неисправимые упрямцы традиционализма, перевоспитать которых невозможно. Столь неэластичный человеческий материал только занимает дефицитное пространство нашей маленькой планеты, но не годится для того, чтобы быть введенным в «машину времени», выносящую к светлому будущему. С позиций победителей планета поделена на две неравные части на одной мы имеем дефицит пространства при огромном временном потенциале, на другом — безграничное пространство вне исторического времени. Отсюда — чисто «военный» взгляд на мировую перспективу: для того чтобы обрести ее, Западу предстоит отвоевать пространство у тех, кто не умеет конвертировать его во временной потенциал, в технологию обретения будущего (см.: Панарин А.С. Политология ... С. 290)

ропейской безопасности. Однако, в отличие от Ялты, никаких, даже самых базовых соглашений между основными действующими лицами достигнуто не было. Можно проследить и возникновение нового деления мира на "зону мира" и "зону конфликта".

вопросами защиты окружающей среды, бедностью, оружием массового поражения, этническими и национальными конфликтами. Поэтому глобалисты считают, что необходимо большее внимание уделять безопасности граждан и групп в рамках глобального общества. Для них традиционные концепции национальной безопасности не могут решить подобные вопросы. Окончание холодной войны требует нового определения основных параметров ев-

Одним из новых подходов, который вызывает все больший интерес как на Западе, так и в России, является так называемое *обеспечение личной безопасности*⁷⁶. Однако механизмы обеспечения этой безопасности все еще не отработаны. Даже в официальных российских документах внешнеполитического планирования и планирования политики в области безопасности, хотя и присутствует упоминание безопасности личности (в значении личной безопасности), отсутствует проработка механизмов ее обеспечения. На практике же доминирующим подходом остается обеспечение государственной безопасности.

Идея личной безопасности в новых условиях привлекает растущее внимание как альтернативный подход к разрешению новых проблем. Эта идея не является новым изобретением. Ее истоки могут быть прослежены от сотрудничества Канады и Норвегии в области миротворческих операций ООН в 1960-е годы (так называемая "ось Осло-Оттава")⁷⁷. Однако развитие она получила с окончанием холодной войны. Концепция позволяет связать процессы глобализации и проблемы, с ней связанные, и индивидов, которым, как предполагается, она должна служить.

Согласно определению ООН, личностная безопасность включает в себя "защищенность от хронических угроз, таких, как голод, болезни, репрессии, а также защиту от неожиданного и пагубного нарушения образа повседневной жизни"⁷⁸. Истоки концепции личной безопасности можно найти в теориях международного развития и особенно в концепции "мировой системы".

Согласно этим идеям развитое ядро социэкономических элитных групп и маргинализованные группы, находящиеся на мировой периферии, взаимодействуют таким образом, что последние обрекаются на постоянную экономическую и социальную эксплуатацию. "Структурное насилие" укоренено в международной системе и опровергает понятие комплексной взаимозависимости. Процесс принятия решений регулируется достаточно жесткими режимами, которые укрепляют эту эксплуатацию. Поэтому считается, что необходимо уделять большее внимание не безопасности государств, которая поддерживается военным путем или проведением политики сдерживания, а гражданским правам и большему равенству в распределении ресурсов, охране окружающей среды и здравоохранению. В более поздних исследованиях концепция личной безопасности включает в себя также экономические и природоохранные соображения, а также физическую безопасность отдельного индивида (или безопасность личности).

С начала 1996 года СБ ООН во взаимодействии с группой неправительственных организаций пытается обеспечить личностную безопасность посредством Форума глобальной политики, который включает в себя такие группы, как Oxfam, Amnesty International, Cooperative for Assistance and Relief Everywhere (всего более 30 организаций), и где представители этих организаций дают консультации о том, как лучше всего включить вопросы личностной безопасности в повестку СБ ООН. К примерам тем, обсуждаемых на Форуме, можно отнести обсуждение последствий санкций ООН для гражданских лиц в стране — объекте санкций⁷⁹, права женщин, глобальное разоружение. Проблемы, с которыми сталкивается Форум в своей деятельности, будут более детально рассмотрены в третьем разделе настоящей работы.

Приверженцы концепции личностной безопасности заявляли о необходимости пересмотра традиционных взглядов на безопасность. Во-первых, указывалось, что подход национальной безопасности уделяет недостаточное внимание культурным различиям и в силу этого не может объяснить решение некоторых государств о начале войны. Вторая причина — возросшее количество чрезвычайных ситуаций в гуманитарной сфере, которые не могут быть ликвидированы с соблюдением традиционного принципа невмешательства во внутренние дела. На глобальном уровне наиболее серьезное последствие комплексных гуманитарных чрезвычайных ситуаций — создаваемая ими региональная нестабильность. Она вызывается большим количеством беженцев, ростом региональной торговли вооружениями, транспортировкой наркотических веществ, развитием антисоциальных сетей как средства извлечения дополнительного дохода. Третья проблема связана с предсказательной силой теории. Традиционные подходы к безопасности не только не смогли предсказать окончание холодной войны, но и показывают неспособность выполнения прогностической функции во многих ситуациях после ее окончания. Причина этого, по мнению сторонников нового подхода, заключается в том, что помещение государства в центр парадигмы безопасности уже не отвечает реальной роли государств в мировой системе.

Концепция личностной безопасности может дополнять концепции национальной и международной безопасности, но не заменять их. Конечно, стратегия, политика и деятельность в области личностной безопасности необходимы для преодоления гуманитарных кризисов, которые могут привести к конфликтам. Однако обеспечение личностной

безопасности не должно подрывать национальную и международную безопасность.

Традиционно международная безопасность определялась как военная защита территории. Ее приходится обеспечивать в условиях анархической государственной системы, чья основная характеристика — постоянное соперничество за безопасность, основывающуюся на силе (чаще всего военной). Согласно постулатам структурного реализма, даже если происходят изменения внутри самих государств, система остается анархической системой, которая влияет или даже определяет поведение ее структурных единиц⁸⁰. Поэтому национальная безопасность, прежде всего, связана с защитой территории от внешних военных угроз. Однако для большинства населения мира гораздо более актуальны угрозы, связанные с голодом, ухудшением состояния окружающей среды, преступностью и т.д. Для других основная угроза исходит от самого государства, а не от внешнего противника. Это вовсе не означает, что личностная безопасность обязательно противоречит государственному суверенитету. Государство остается главным механизмом обеспечения безопасности. Однако традиционно определяемая международная безопасность не всегда совпадает с личностной безопасностью. Традиционные концепции государственной безопасности являются необходимыми, но неисчерпывающими для личностной безопасности.

Традиционные концепции безопасности особое внимание обращают на порядок и стабильность, в то время как концепция личностной безопасности нацелена на защиту ценностей, особенно гражданских прав, демократии, рыночной экономики. Однако сам набор таких ценностей (а также их взаимосвязь между собой) может оказаться достаточно спорным.

Между традиционными подходами к безопасности и личностной безопасностью существует множество связей.

Во-первых, и тот и другой подход занимаются предотвращением конфликтов. Традиционная безопасность проявляла интерес к этому вопросу, поскольку государства предпочитают реализовывать свои интересы посредством более дешевых средств, чем войны. Личностная безопасность также не может быть обеспечена в условиях вооруженного конфликта.

Во-вторых, при любых подходах задачей является снижение уязвимости субъекта безопасности. Традиционные подходы использовали для обеспечения порядка такие концепции, как государство, территориальный суверенитет, социальный контракт. Личностная безопасность рас-

считает государство лишь как один из многих агентов, которые и составляют окружение, определяющее состояние безопасности.

В-третьих, в случае обеспечения личной безопасности, так же как и для обеспечения традиционной безопасности, очень трудно создать работоспособную коалицию. Это связано с кризисом коллективной безопасности как на региональном, так и на глобальном уровне.

Вопрос о том, кто будет (или кто должен) обеспечивать личностную безопасность является центральным для определения ее воздействия и эффективности. Обеспечивается ли личностная безопасность в рамках исключительно многостороннего окружения, или двусторонние связи могут помочь в ее обеспечении? Является ли личностная безопасность более всеобъемлющей по своей природе, делая идеи гражданского общества, взаимозависимости и традиционного для демократий разграничения между внутренней и внешней безопасностью менее значимыми?

Можно заявить, что суверенитет и личностная безопасность являются несовместимыми идеями. На самом деле государства часто управляются элитами, чья легитимность подвергается сомнению и чья политика угрожает существующей политической системе больше, чем любая внешняя угроза. Идея "падших государств" часто не принимается во внимание традиционными подходами к безопасности, которые обращают внимание на государствоцентричные соотношения сил и рассматривают государство как единственную единицу анализа. В этих условиях неправительственные организации могут стать связующим звеном между потребностями индивидов и возможностью государства удовлетворять их.

Основная задача сейчас — определить концепцию и представить ее таким образом, чтобы она могла быть операционализирована в международном окружении, не готовом к радикальному пересмотру концепций безопасности. Приверженцы концепции личной безопасности часто отвергают "старую геополитику" из-за ее тенденции строить расчеты вокруг отдельных национальных государств. Необходимость адаптации к изменениям межгосударственной системы не удовлетворяется рассмотрением таких факторов, как военный конфликт, соотношение сил и анархия. Приверженцы концепции личной безопасности считают, что их нормативный кругозор шире, чем узкие предрассудки реалистов⁸¹.

Концепция личной безопасности включает в себя концепцию свободы, которая основывается на "способности и возможности, которые позволяют каждой личности жить, не ограничивая других". Таким

образом, личностная безопасность связана с качеством жизни людей, общества, политического процесса. Предполагается, что все, что снижает это качество, является угрозой безопасности. Напротив, все, что может повысить это качество (экономический рост, доступ к ресурсам и т.д.), увеличивает безопасность личности.

Личностная безопасность включает множество аспектов всеобъемлющей безопасности. И личностная безопасность, и всеобъемлющая безопасность имеют дело с различными невоенными вопросами, включая политические, экономические, общественные, природоохранные факторы. Однако единица анализа в этих подходах различна. В то время как личностная безопасность рассматривает такой единицей отдельного индивида, всеобъемлющая безопасность считает такой единицей национальное государство. Хотя концепцией личной безопасности и признается, что интересы личности являются важными для общества, национальная безопасность может быть обеспечена и без защиты этих интересов.

Требуются действия на множестве уровней: национальном, региональном и глобальном. Основную ответственность за предотвращение гуманитарных чрезвычайных ситуаций должны принять на себя национальные правительства. Однако для решения многих вопросов личной безопасности требуются консультации и координация усилий на наднациональном уровне. Институты, призванные решать эти проблемы, должны выполнять три функции: (1) обеспечивать раннее предупреждение о возможных гуманитарных чрезвычайных ситуациях; (2) обеспечивать консультации между членами и заинтересованными акторами; (3) обеспечивать управление кризисами и постоянный надзор за выполнением принятых решений⁸².

Очень часто, особенно в развивающихся странах, безопасность государства не совпадает с безопасностью нации. Очень часто нация приноравливается в жертву выживанию государства. Государство поэтому само становится причиной опасности для нации. Для доминирования же нации над государством требуется полная переориентация международной системы. При этом такая переориентация может привести к хаосу. К тому же сама идея нации не свободна от концептуальных аномалий. Учитывая то, что международное сообщество состоит из более 2000 национальностей, привести в соответствие нации и государства достаточно трудно. Осложняет этот процесс и то, что с государством обычно ассоциируется правительство, элита, бюрократия или конкретная идеология. Концепция государства не принимает во внимание существова-

ние народа. Народ, согласно этой концепции, существует для государства, а не наоборот. Концепция личной безопасности, концентрируясь на людях, лишает государство и даже нацию высших приоритетов.

Граждане, которые угнетались в прошлом, теперь могут получить поддержку от неправительственных организаций. Они являются альтернативой государству в выполнении многих функций, связанных с безопасностью личности. Они обладают сетевой структурой (см. главу 2), которая может быть полезна при проведении политики обеспечения личной безопасности.

Для приверженцев парадигмы личной безопасности глобализация имеет парадоксальное значение. С одной стороны, она подтверждает необходимость пересмотра политических приоритетов. Делая мир более интегрированным и взаимозависимым, глобализация делает классическую угрозу межгосударственной войны менее вероятной⁸³. С другой стороны, глобализация усиливает чувство опасности, исходящей от явлений, казавшихся до этого слишком далекими и не затрагивающими повседневную жизнь (конфликты в других частях мира, неурожаи, эпидемии, флуктуации обменных курсов)⁸⁴.

К концу 1990-х годов личная безопасность выдвинулась на центральное место в дискуссиях о внешней политике. Например, на встрече министров иностранных дел "большой восьмерки" в июне 1999 года было заявлено, что они "настроены бороться с причинами множества угроз личной безопасности"⁸⁵.

В 1990 году М.Уль-Хак начал публикацию Докладов ООН по развитию. В первом докладе Программа ООН по развитию постулировала, что развитие должно быть нацелено на людей, а не на безопасность их национальных границ, на развитие здравоохранения, образования и политической свободы в дополнение к экономическому благосостоянию. Программа ООН по развитию ежегодно публикует "Индекс человеческого развития", являющийся композитной мерой душевного дохода, ожидаемой продолжительности жизни и уровня образования⁸⁶.

Идея личной безопасности привела к пересечению интересов сообщества, занятого проблемами развития, и сообщества, занятого безопасностью. Специалисты в области развития увидели в этой концепции возможность привлечь более значительный политический интерес и дополнительное финансирование, ассоциируемые обычно с военной безопасностью и внешней политикой, к проблемам развития. Специалисты в области безопасности также были заинтересованы в расширении сферы своей ответственности.

Канада, Норвегия и Япония одними из первых включили концепцию личной безопасности в свою внешнюю политику. Согласно канадскому департаменту внешних дел и международной торговли, личная безопасность не заменяет национальную безопасность. Скорее личная безопасность и безопасность государства являются взаимодополняющими концепциями⁸⁷.

Личная безопасность в формулировке Программы ООН по развитию критиковалась за слишком широкое определение. Общераспространенный подход к личной безопасности, заключающийся в составлении списка прошлых гуманитарных кризисов и угроз, является полезной первой стадией, но не является достаточным определением концепции. При отсутствии консенсуса по теоретическому определению, цель защиты личной безопасности становится недостижимой.

Личная безопасность населения является суммой личной безопасности отдельных индивидов⁸⁸.

Оценка риска личной безопасности важна по нескольким причинам:

1. Само по себе совершенствование методов оценки риска является важным исследованием. Подобный тип знаний может рассматриваться как общественное благо.

2. К тому же лучшее понимание конкретных рисков может быть использовано международным сообществом для более эффективной общественной политики.

3. Усилия по предотвращению угроз также требуют оценки риска.

4. Распространение информации об оценке рисков среди населения само по себе может укрепить личную безопасность. В случае недооценки населением угроз, такие оценки позволяют предпринимать действия по снижению последствий этих рисков, в случае их реализации⁸⁹.

Пока не ясно, может ли концепция личной безопасности быть ориентиром для практиков или для проведения академических исследований. Полезность концепции ограничивается двумя проблемами. Во-первых, концепция не имеет точного определения. Существующие определения личной безопасности обычно являются слишком широкими и туманными, включая в себя все: от физической безопасности до психологического комфорта, что не дает возможности политикам выстроить приоритеты, а ученым понять, что собственно является предметом исследования. Целью одного исследовательского проекта было "убедить специалистов в области общественного здравоохранения, международных отношений и статистики в том, что необходимо рассмат-

ривать военный конфликт в качестве проблемы общественного здравоохранения"⁹⁰. Во-вторых, сами приверженцы личностной безопасности заинтересованы в широте и туманности термина. Личностная безопасность, по их мнению, может стать тем связующим материалом, который связывает вместе коалицию средних по величине государств, агентств по развитию и НПО, всех тех, кто пытается перераспределить ресурсы с вопросов традиционной безопасности на цели, традиционно попадавшие под определение международного развития⁹¹.

Авторы доклада Программы ООН по развитию, например, выделяли шесть составляющих личностной безопасности:

- 1) экономическая безопасность;
- 2) продовольственная безопасность;
- 3) медицинская безопасность (доступ к системе здравоохранения и защита от болезней);
- 4) экологическая безопасность;
- 5) безопасность личности (безопасность от таких угроз, как пытки, войны, преступные нападения, использование наркотиков, суициды и даже ДТП);
- 6) безопасность сообществ (сохранение традиционных культур этнических групп), политическая безопасность (политические права и отсутствие политического угнетения)⁹².

Различные представители так называемой "коалиции за личностную безопасность" модифицировали определение для собственных интересов. Согласно определению правительства Японии, например, личностная безопасность "включает все угрозы человеческому выживанию, ежедневной жизни и достоинству, а также предпринимает шаги для борьбы с этими угрозами"⁹³. Другие государства, например Канада, используют более ограниченное определение личностной безопасности как "свободы от угроз правам людей, безопасности и жизни".

Многими предпринимаются попытки сузить определение личностной безопасности. Кинг и Мюррэй, например, пытаются дать определение, которое включает только "необходимые" элементы⁹⁴, то есть элементы, которые достаточно важны для людей, чтобы они сражались за них и рисковали за них своими жизнями и собственностью. Однако авторы выделяют некоторые ценности как более важные, чем другие, без объяснения причин этого.

Личностная безопасность не дает рамок для анализа или принятия политических решений. Однако она может внести вклад в изучение международных отношений и безопасности. Р. Пэрис, например, предло-

жил использовать термин в качестве "ярлыка" для широкой категории исследований в области безопасности, которые связаны с невоенными угрозами безопасности обществ, групп, индивидов в противовес более традиционным подходам, которые уделяют основное внимание защите государств от внешних угроз⁹⁵.

Из всего многообразия взглядов на личностную безопасность можно выделить четыре основных подхода.

Подход, основанный на основных человеческих потребностях, представлен программой ООН по развитию и основывается на нескольких основных положениях:

1. Личностная безопасность ориентирована на людей.
2. Хотя интенсивность различных угроз личностной безопасности и варьируется, они остаются угрозами для всех.
3. Компоненты личностной безопасности взаимозависимы.
4. Основной упор эта концепция делает на безопасность и свободу, а не на более широкую концепцию развития.

Интервенционистский подход постулирует, что безопасность государства не обязательно обеспечивает безопасность его граждан. Тенденции современного конфликта, связанные с гражданскими войнами и распадом государств, привели к высокой пропорции жертв среди мирного населения. Поэтому должны предприниматься действия с целью уменьшить последствия для населения, даже если эти действия затрагивают суверенные прерогативы. Отсюда вытекает необходимость гуманитарных интервенций для обеспечения личностной безопасности. Убеждение, что государственный суверенитет не является непреодолимым препятствием для силовых акций в ситуациях, требующих того, отражено в решениях СБ ООН по Сомали и Боснии, в создании криминальных трибуналов. Все это связывает гражданские права и поддержание международного мира и безопасности⁹⁶.

По мнению канадского дипломата Л.Эксуорта, безопасность людей в настоящее время становится все менее гарантированной, особенно из-за растущего числа внутренних конфликтов. Новые гражданские конфликты и массовые нарушения прав человека, рост насилия, распространение наркотиков, терроризм, эпидемии и экологические проблемы требуют новой стратегии в области безопасности в целом. Ее исходным пунктом должно стать опровержение гипотезы, согласно которой безопасность личности зависит от безопасности государств. Автор предлагает шесть составляющих новой стратегии: 1) система индивидуальной безопасности требует энергичного вмешательства для защиты челове-

ческой жизни, включая использование принудительных мер, в т.ч. санкции и военное вмешательство, как в Боснии или Косово; 2) важно оценить человеческие "издержки" стратегий безопасности — как международных, так и связанных с безопасностью отдельного государства; 3) политика безопасности должна быть тесно интегрирована в стратегию поддержки прав личности, демократии и развития; 4) принимая во внимание сложный характер современных вызовов личностной безопасности, инициативы в этой области должны быть обращены ко всем акторам мирового сообщества, включая государства, многосторонние организации и группы гражданского общества, а поскольку проблемы безопасности личности имеют транснациональную природу, только многостороннее сотрудничество позволит найти эффективные решения; 5) результативность этих решений будет зависеть от усиления операциональной координации, т.е. от четко согласованных усилий самых разных акторов, включая политических переговорщиков, "голубые каски", наблюдателей за правами личности и ответственных за гуманитарную помощь; 6) возрастающую роль в концепции человеческой безопасности играют НПО — организации гражданского общества, которые во многих случаях были в высшей степени эффективными партнерами в усилиях по защите личностной безопасности⁹⁷.

Модель развития рассматривает развитие как основную ценность, на основе которой можно достичь всех других свобод и общественных благ. Хотя эта модель и близка подходу, основанному на основных человеческих потребностях, она не ограничивается минимумом, необходимым для выживания. Развитие рассматривается в качестве средства, а не цели. Центральным для дебатов в рамках этой модели является идея партнерства между различными типами акторов (правительства, НПО, частный сектор). В отношении глобализации модель постулирует, что ее последствия не должны быть предоставлены рыночным силам. Необходим определенный минимум регулирования и институционализации для более равного распределения плодов глобализации и минимизации ее отрицательных последствий.

Четвертый подход уделяет особое внимание "нетрадиционной безопасности", включая вопросы распространения наркотиков, терроризма, эпидемий, кибервойн и т.д. Предполагается, что побочные действия глобализации иногда могут создавать серьезные проблемы для демократии, развития и безопасности. Объектом защиты этого подхода чаще всего является государство. Однако иногда внимание смещается на индивида. Поскольку чаще всего угрозы возникают в контексте сла-

бости государственных институтов, выход частично лежит в их укреплении. Рассмотренные же выше концепции рассматривают в качестве объектов индивидов или народы вне всякой привязки к суверенитету государств.

Концепция личностной безопасности отличается от традиционных концепций безопасности, где основным объектом анализа являются государства. Вместо этого граждане и их экономические и социальные взаимоотношения становятся главным объектом политики в области безопасности. По мнению Хейнбекера, "личностная безопасность связана с возможностью защиты людей в такой же степени, как с защитой государств"⁹⁸. Рост значения личностной безопасности связан и с тем, что после окончания холодной войны внутригосударственные конфликты стали более распространенными, чем межгосударственные. Эти конфликты ведутся без использования высокотехнологичного оружия, и, в отличие от конфликтов начала двадцатого столетия, большинство жертв этих конфликтов (до 75 процентов) — гражданское население⁹⁹.

Концепция личностной безопасности (human security) отличается от безопасности индивида или безопасности личности (security of the individual) в ее неолиберальном значении. Личностная безопасность не имеет ничего общего с либеральными нормами конкурентного индивидуализма. Скорее, она связана с условиями существования, в которых удовлетворяются основные материальные потребности и в которых защищено человеческое достоинство, включая возможность участия в жизни общества. Такая личностная безопасность является неделимой. Она не может быть обеспечена для одной группы за счет другой¹⁰⁰. Личностная безопасность имеет как количественные, так и качественные аспекты. Количественные аспекты связаны с материальной достаточностью. Качественный аспект связан с достижением человеческого достоинства, которое включает в себя личную автономию, контроль над собственной жизнью и участие в жизни общества. Освобождение от угнетения со стороны властных структур (глобальных, национальных или местных) является необходимым условием обеспечения безопасности личности¹⁰¹.

В 1994 году доклад Программы ООН по развитию был посвящен исключительно личностной безопасности. Он оказал влияние на Копенгагенский саммит 1995 года. Во второй половине 1990-х годов ежегодные Доклады Программы по развитию уточнили и структурировали концепцию личностной безопасности. В 1997 году основное внимание Программа по развитию уделяла развитию личности, которое означало не

просто устранение материальных причин бедности, но и бедности как лишению возможности жить достойной жизнью¹⁰². Проводилось различие между бедностью в доходах (менее 1 долл. США в день) и бедностью личности (неграмотность, низкая продолжительность жизни и т.д.). Эти два аспекта часто связаны. Однако это бывает не всегда. Например, жители стран Персидского залива могут испытывать бедность личности, имея достаточно высокий доход.

Личностная безопасность - нормативное движение. Оно нормативно в том смысле, что существует этическая ответственность переориентировать безопасность на личность, особенно в связи с появлением транснациональных норм, связанных с гражданскими правами. Кроме того, личностная безопасность опирается на эмпирические выводы об основах стабильности внутри государств и в отношениях между ними. Снижение личностной безопасности имеет прямые последствия для мира и стабильности внутри государств и в межгосударственных отношениях.

Глобализация является важной составной частью в этом меняющемся контексте. Большинство правительств признают, что экологические проблемы, международная экономика, мир и безопасность, проблемы народонаселения, распространение заболеваний, наркотики, проблемы развития, терроризм — все это требует коллективных действий. Этот список вопросов во многом совпадает с концепцией личностной безопасности.

Нормативные изменения, которые являлись результатом этого, начинают сами влиять на политику, и меняют природу политического общества. Растущее значение транснациональных норм выводит политику за пределы территориально ограниченных государств. Происходит интернационализация этических стандартов, которые во все большей степени влияют на национальное законодательство и нормы¹⁰³.

Таким образом, в наиболее общем смысле, личностная безопасность делает объектом защиты индивида или народ, а не институты, территорию или государственный суверенитет.

Примечания

¹ Smith S., Booth K., Zalewski M. (Eds.) *International Theory: Positivism and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

² Buzan B. "The Timeless Wisdom of Realism?" in S. Smith, K. Booth, and M. Zalewski (Eds.) *International Theory: Positivism and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, P.47-65.

³ Youngs G. *International Relations in a Global Age*. Cambridge: Polity Press, 1999. P.71-72.

⁴ Rosenau, J. "Global Changes and Theoretical Challenges: Towards a Post-International Politics for 1990's" in E.O. Czempiel and J. Rosenau (Eds.) *Global Changes and Theoretical Challenges*. Lexington: Lexington Books, 1989.

⁵ Youngs, G. *International Relations in a Global Age*. Cambridge: Polity Press, 1999. P.1-11.

⁶ Молчанов М.А. Дискуссионные аспекты проблемы «национальный интерес» // Полис 1-2000. С.13.

⁷ Trenin, Dmitri. *The End of Eurasia*. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2001. P.14.

⁸ Seyom Brown, "World Interests and the Changing Dimensions of Security" in Michael T. Klair and Yogesh Chandrani, eds., *World Security: Challenges for a New Century*, 3d edition. New York: St. Martin's Press, 1998. P.3-4.

⁹ Stephen D. Krasner. "Abiding Sovereignty" in *International Political Science Review*. 2001. Vol. 22. № 3. P.231-233.

¹⁰ Молчанов М.А. Дискуссионные аспекты проблемы «национальный интерес» // Полис 1-2000. С.12-13.

¹¹ Malone D.M. *The Security Council in the 1990s*. in Ramesh Thakur and Edward Newman (Eds.) *New Millennium, New Perspectives: The UN, Security, and Governance*. UN University Press, 2000. P.21.

¹² Susan Strange "The Defective State" in Richard Higgot and Anthony Payne (Eds.) *The New Political Economy of Globalization*. Cheltenham, UK-Northampton, MA: An Elgar Reference Collection, 2000, Vol.1. P.279.

¹³ Цыганков П.А. Безопасность: кооперативная или корпоративная. Критический анализ международно-политической концепции // Полис 3-2000. С.130.

¹⁴ Luc Sijmoun. "Transformation of International Relations - Between Change and Continuity: Introduction" in *International Political Science Review*. Vol. 22, No.3, 2001. P.222.

¹⁵ Stephen D. Krasner. "Abiding Sovereignty" in *International Political Science Review*. Vol. 22, No.3, 2001. P.231.

¹⁶ Ibid. P.243-244.

¹⁷ Ibid. P.247-248.

¹⁸ David A. Lake. "Global Governance. A Relational Contracting Approach" in A. Prakash and J.A. Hart (Eds.) *Globalization and Governance*. Routledge, 1999. P.31.

¹⁹ Bruce Cronin. *Community Under Anarchy: Transnational Identity and the Evolution of Cooperation*. New York: Columbia University Press, 1999.

²⁰ David Held and Anthony McGrew, David Goldblat and Jonathan Parraton. *Global Transformations*. Cambridge: Polity Press, 1999. P.65.

²¹ Ibid. P.143.

²² Kaldor, Mary. *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Oxford: Polity Press, 1999.

²³ Holsti, Kalevi. *The State, War, and the State of War*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

²⁴ Muthiah Alagappa and Takashi Inoguchi (Eds.). *International Security Management and the UN*. United Nations University Press, 1999. P.103.

²⁵ Martin van Creveld, *The Rise and Decline of the State*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999, P.vii.

²⁶ *New World Coming: American Security in the 21st Century*. Report on the Emerging Global Security Environment for the First Quarter of the 21st Century. Arlington, VA: US Commission on National Security/21st Century, September 15, 1999. P.27.

²⁷ Trenin, Dmitri. Op.cit. P.16.

²⁸ Joseph A.Camilleri and Jim FalTk. *The End of Sovereignty?* Great Britain: Edvard Elgar, 1992, P.24-25.

²⁹ Keith Hayward. "The Globalisation of Defence Industries" in *Survival*. Vol. 43, No.2, Summer 2001. P.117.

³⁰ Joseph A.Camilleri and Jim Falk. Op.cit., P.26-27.

³¹ Muthiah Alagappa and Takashi Inoguchi (Eds.). *International Security Management and the UN*. United Nations University Press, 1999, P.29.

³² James Rosenau. "Governance in the Twenty-First Century" in *The New Political Economy of Globalization*, Vol. 2. P.7-8.

³³ Muthiah Alagappa and Takashi Inoguchi (Eds.). Op.cit. P.21.

³⁴ Susan Strange "The Defective State" in Richard Higgot and Anthony Payne (Eds.) *The New Political Economy of Globalization*. Cheltenham, UK-Northampton, MA: AnElgar Reference Collection, 2000, Vol.1. P.270.

³⁵ Muthiah Alagappa and Takashi Inoguchi (Eds.). Op.cit. P.31-33.

³⁶ Joseph A.Camilleri and Jim Falk. *The End of Sovereignty?* Great Britain: Edvard Elgar, 1992, P.98.

³⁷ Manuel Castells. *The Power of Identity*. Blackwell Publishers, 1998. P.342.

³⁸ Manuel Castells. *End of Millennium*. Blackwell Publishers, 1998. P.162.

³⁹ Anna Leander. *Globalisation and the Eroding State Monopoly of Legitimate Violence*. COPRI, 2.

⁴⁰ Wolfgang H.Reinicke, "The Other World Wide Web: Global Public Policy Networks", *Foreign Policy*. Winter 1999-2000. № 117. P.44-56.

⁴¹ Manuel Castells. *The Power of Identity*. Blackwell Publishers, 1998. P.303.

⁴² Suzane Berger. Globalization and Politics. In *Annual Review of Political Science* Vol. 3. 2000. P.51.

⁴³ Geoffrey R.D.Underhil. «Global Money and the Decline of State Power». In T.C.Lawton, J.N.Rosenau, A.C.Verdun. *Strange Power. Shaping the Parameters of IR and IPE*. Ashgate. 2000. P.122.

⁴⁴ Susan Strange. "Wake up, Krasner! The World Has Changed" in Richard Higgot and Anthony Payne (Eds.) *The New Political Economy of Globalization*. Cheltenham, UK-Northampton, MA: AnElgar Reference Collection, 2000, Vol. 1. P.22.

⁴⁵ Косолапов Н. Внешняя политика и внешнеполитический процесс субъектов международных отношений // МЭМО. 1999. № 3. С.67.

⁴⁶ Этнос глобального мира. Москва: "Восточная литература" РАН, 1999. С.66.

⁴⁷ Finnemore, Martha. *National Interests in International Society*. Cornell University Press, 1996. P.2.

⁴⁸ Молчанов М.А. Дискуссионные аспекты проблемы «национальный интерес» // Полис 1-2000. С.1-2.

⁴⁹ Там же. С.8-9.

⁵⁰ Eugene V.Rostow, *A Breakfast for Bonaparte: US National Security Interests from the Heights of Abraham to the Nuclear Age*. Washington, DC: NDU Press, 1992. P.48.

⁵¹ Henry A.Kissinger, "Making a Go of Globalization," *The Washington Post*, December 20, 1999, A33.

⁵² Ellsworth R.F. and Simes D.K. "Imposing our 'Values' by Force," *The Washington Post*, December 29, 1999. P.27.

⁵³ Laker Airways v.Pan Am World Airlines, et al. (1985).

⁵⁴ Статья 85 Договора о Европейском экономическом сообществе.

⁵⁵ David Held and Anthony McGrew, David Goldblat and Jonathan Parraton. *Global Transformations*. Cambridge: Polity Press, 1999. 62.

⁵⁶ Ellsworth R.F. and Simes D.K. "Imposing our 'Values' by Force," *The Washington Post*, December 29, 1999. P.27.

⁵⁷ Кулагин В. Международные отношения на пороге XXI века // Международная жизнь. 1999. №7. С.32.

⁵⁸ В нашем исследовании безопасность является зависимой переменной и определяется как защита ценностей, считающихся жизненно важными для политического выживания и благосостояния сообщества. Объект защиты в данном определении - сообщество, которым обычно (но не всегда) является государство-нация. Данное определение исключает не личностные единицы (например, международную экономическую систему, экологическую систему) как самостоятельные объекты защиты.

⁵⁹ DCI National Intelligence Council. *Global Trends 2015*. Washington, DC: GPO, December 2000.

⁶⁰ Morten Kelstrup. The European Union and Globalisation: Reflection on Strategies of Individual States. COPRI, P.11.

⁶¹ Caroline Thomas. "Global Governance, Development and Human Security: Exploring the Links" in *Third World Quarterly*, Vol. 22. № 2. P.159.

⁶² Michael T.Klare. Resource Competition and World Politics in the Twenty-First Century. In *Current History*, December 2000. P.404.

⁶³ DCI National Intelligence Council. *Global Trends 2015*. Washington, DC: GPO, December 2000.

⁶⁴ Steven Metz. *Armed Conflict in the 21st Century: The Information Revolution and Post-Modern Warfare*. April 2000. P.24.

⁶⁵ Max G.Manwaring (Ed.) *Gray Area Phenomena: Confronting the New World Disorder*. Boulder, CO: Westview, 1993.

⁶⁶ Michael T.Klare. Postindustrial Warfare on the Global Battlefield. In *Current History*, December 2001. P.433.

- ⁶⁷ Jean-Marie Guehenno. "The Impact of Globalisation on Strategy" in *Survival*, Vol. 40, No.4, Winter 1998-99. P.6.
- ⁶⁸ Ibid. P.7.
- ⁶⁹ Ibid. P.7.
- ⁷⁰ Ibid. P.8-9.
- ⁷¹ Ibid. P.12.
- ⁷² Ibid. P.14.
- ⁷³ DCI National Intelligence Council. *Global Trends 2010*. Washington, DC: GPO, November 1997.
- ⁷⁴ Roland Paris. "Human Security: Paradigm Shift or Hot Air?" in *International Security*, Vol.26, No.2 (Fall 2001). P.97.
- ⁷⁵ William T.Tow, Ramesh Thakur, and In-Taek Hyun (Eds.) *Asia's Emerging Regional Order: Reconciling Traditional and Human Security*. United Nations University, 2000. P.19.
- ⁷⁶ См., например: Yuen Foong Khong, "Human Security: A Shotgun Approach to Alleviating Human Misery?" in *Global Governance*, Vol.7, No.3 (July-September 2001).
Oliver Richmond, "Human Security, 'Rule of Law', and NGOs: Potentials and Problems for Humanitarian Intervention", *Human Rights Review*, Vol.2, No.4 (July-September 2001).
Astri Suhrke, "Human Security and the Interests of States" in *Security Dialogue*, Vol.30, No.3 (September 1999). P. 265-276.
Peter Stoett, *Human and Global Security: An Exploration of Terms*. Toronto: University of Toronto Press, 1999.
Caroline Thomas and Peter Wilkin (Eds.) *Globalization, Human Security, and the African Experience*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 1999.
Jorge Nef, *Human Security and Mutual Vulnerability: The Global Political Economy of Development and Underdevelopment*, 2d ed., Ottawa: International Development Research Centre, 1999.
Majid Tehranian (Ed.) *Worlds Apart: Human Security and Global Governance*. London: I.B.Tauris, 1999.
Tatsuro Matsumae and L.C.Chen (Eds.) *Common Security in Asia: A new Concept of Human Security*. Tokyo: Tokai University Press, 1995.
- ⁷⁷ Astri Suhrke, "Human Security and the Interest of States", *Security Dialogue* 30, No.3 (September 1999). P. 266.
- ⁷⁸ UN Development Program, *Human Development Report*, 1999, New York: Oxford University Press, 1999. P. 9.
- ⁷⁹ Подробнее см.: Балуев Д.Г. Экономические санкции в современных международных отношениях. Нижний Новгород: ННГУ, 1999.
- ⁸⁰ Waltz K.N. "Structural Realism After the Cold War" in *International Security*, Vol. 25, No.1. P.5-41.

- ⁸¹ William T.Tow, Ramesh Thakur, and In-Taek Hyun (Eds.) *Asia's Emerging Regional Order: Reconciling Traditional and Human Security*. United Nations University, 2000. P.14.
- ⁸² Ibid. P.43.
- ⁸³ Paul Stares. "New" and "Non-traditional" Security Challenges. In Ramesh Thakur and Edward Newman (Eds.) *New Millennium, New Perspectives: The UN, Security, and Governance*. UN University Press, 2000. P.153.
- ⁸⁴ Ibid. P.154.
- ⁸⁵ Lloyd Axworthy, "An Address On Human Security" Minister of Foreign Affairs, To The G-8 Foreign Ministers' Meeting, 9 June 1999.
- ⁸⁶ Gary King and Christopher J.L.Murray. "Rethinking Human Security" in *Political Science Quarterly*. Vol. 116, No.4 (2001-02). P.587.
- ⁸⁷ Ibid. P.590.
- ⁸⁸ Ibid. P.592.
- ⁸⁹ Ibid. P.604-605.
- ⁹⁰ Gary King and Lisa L.Martin. *The Human Costs of Military Conflict*. Overview Paper for September 29, 2001 conference on Military Conflicts as a Public Health Problem.
- ⁹¹ Roland Paris. "Human Security: Paradigm Shift or Hot Air?" in *International Security*, Vol.26, No.2 (Fall 2001). P.88.
- ⁹² UNDP, *Human Development Report*, 1994. New Your: Oxford University Press, 1994.
- ⁹³ Japanese Ministry of Foreign Affairs, *Diplomatic Bluebook*, 1999, Chapter 2, Sec.3 (<http://www.mofa.go.jp>)
- ⁹⁴ Gary King and Christopher J.L.Murray. Op.cit.
- ⁹⁵ Roland Paris. Op.cit. P.96.
- ⁹⁶ Edward Newman. "Human Security and Constructivism" in *International Studies Perspectives*. Vol.2 (2001), P.244.
- ⁹⁷ Цыганков П.А. Безопасность: кооперативная или корпоративная. Критический анализ международно-политической концепции // Полис 3-2000. С.134-135.
- ⁹⁸ Heinbecker, P. "Human Security" in *Headlines* (Toronto: Canadian Institute of International Affairs), 56:2, 1999. P.6.
- ⁹⁹ Smith, D. *The State of War and Peace Atlas*. London: Penguin, 1997, P.14.
- ¹⁰⁰ Caroline Thomas. "Global Governance, Development and Human Security: Exploring the Links" in *Third World Quarterly*. Vol. 22. No.2. P.161.
- ¹⁰¹ Ibid. P.162.
- ¹⁰² UNDP, *Human Development Report*. Oxford University Press, 1997.
- ¹⁰³ Edward Newman. "Human Security and Constructivism" in *International Studies Perspectives*. Vol.2 (2001). P.242.

Часть III.

Пути обеспечения личной безопасности в условиях взаимозависимого мира

Глава 7. "Упорядочение" современной мировой политики

Наиболее распространенное мнение гласит, что в долгосрочной перспективе рост свободного рынка и новые технологии решают больше проблем, чем создают. Существует, однако, и мнение, что растущее благосостояние и интеграция увеличивают политическую нестабильность. Благосостояние ведет к большей экономической интеграции и зависимости, что создает ощущение опасности, поскольку увеличивает важность международных экономических отношений и поэтому увеличивает возможные трения. Рост благосостояния и нестабильность идут рука об руку. Примером может служить период с 1900 по 1914 год. Поэтому в ближайшем будущем растущее глобальное процветание может привести к росту нестабильности.

Рыночные силы не всегда могут помочь в решении глобальных проблем, в том числе проблем, связанных с безопасностью. Новые технологии сами по себе не в состоянии обеспечить устойчивое развитие. Хотя технологический прогресс и может предотвратить кризис, являющийся следствием недостатка ресурсов, для нынешнего поколения, он не в состоянии обеспечить преемственность между поколениями, поскольку рыночные силы редко приносят в жертву нынешнее потребление для блага будущих поколений. Некоторые ресурсы (пища, вода и энергия) имеют характеристики общественных благ¹. Поэтому рыночные меха-

низмы не могут решить проблему их недопроизводства. Местные органы самоуправления и национальные правительства не в состоянии в одиночку решить проблемы ошибок рынка. Так же как и индивидуальные акторы в национальной экономике, правительства стремятся к максимизации краткосрочных национальных, а не долгосрочных общечеловеческих интересов. Кроме того, в случае, когда бывшие диктатуры пытаются открыть свои экономики глобальной конкуренции, может возникнуть кризис управляемости. Бывшие коммунистические страны были особенно уязвимы в период, когда они пытались одновременно провести приватизацию экономики и перейти к плюрализму в политической сфере. При отсутствии институциональных сдержек и устоявшегося правового государства управлять силами, вышедшими из-под контроля в результате этих процессов, было практически невозможно.

В условиях "раннего" капитализма экономические кризисы не выходили за национальные рамки, не наносили какого-либо заметного ущерба интересам других государств. Позднее промышленно развитые страны вынуждены были, не затрагивая основ конкуренции и суверенитета в принятии решений, перейти к координации своих действий, что является одним из элементов управления.

Прогрессирующая глобализация поднимает целый пласт новых вопросов в области международных отношений, их дальнейшей эволюции. И уже появились соответствующие интерпретации (новая версия "ограниченного суверенитета", "гуманитарного вмешательства", "приоритета безопасности личности над безопасностью государства" и т.п.). Появляется своего рода мифология.

По мнению некоторых исследователей, подобная интерпретация последствий "глобализации для международных отношений ориентирует, как представляется, развитие миропорядка на космополитической основе. Система, построенная на политической несправедливости, не может быть устойчивой"².

Другой вывод заключается в том, что глобализация, усиливающая обоюдную зависимость государств-наций, должна иметь соответствующую институциональную политическую конструкцию, то есть систему международных отношений, отвечающую требованиям и условиям современных процессов.

Все большее число ученых, ссылаясь на тенденции глобализации мировой политики, сокращение удельного веса в ней межгосударственных отношений за счет возрастания роли негосударственных субъектов, предлагают рассматривать традиционную область междуна-

ного права в более широком контексте "режимов" мировой политики³, которые являются наиболее апробированным механизмом упорядочения системы международных отношений. Теория режимов объясняет возможности, условия и последствия международного управления вне границ анархии и близко к супранациональному правительству в конкретной функциональной области. Режимы являются принципами, нормами, правилами и процедурами принятия решений, вокруг которых сходятся ожидания актора. Принципы — когерентный набор теоретических положений об устройстве мира. Нормы определяют основные стандарты поведения. Правила и процедуры принятия решений относятся к конкретным моделям поведения в ясно определенных областях⁴. Например, либеральный режим международной торговли основывается на наборе неоклассических экономических принципов, которые показывают, что глобальная полезность максимизируется при свободном движении товаров. Основная норма этого режима заключается в том, что тарифные и нетарифные барьеры торговле должны быть снижены и в конечном счете уничтожены. Конкретные правила и процедуры принятия решений были обозначены в ГАТТ. Хотя правила и процедуры принятия решений и могут быть изменены без изменения природы режима, принципы и нормы не могут.

Можно выделить два типа режимов, обеспечивающих управление в мировой политике. Международные режимы — имеют своими членами государства и занимаются проблемами международного сообщества. Транснациональные режимы — имеют своими членами негосударственных акторов и имеют дела с проблемами глобального гражданского общества. Примером такого режима может быть практика использования World Wide Web⁵. Глобальное управление обеспечивается совместными усилиями как международных, так и транснациональных режимов.

Наиболее активно режимы использовали страны третьего мира для приспособления к своей уязвимости и бедности. Стратегии, направленные на уменьшение бедности (используются большей частью на международных форумах), состоят в установлении и поддержке так называемых авторитарных международных режимов. Общая цель движения к более авторитарным международным режимам достигалась странами третьего мира использованием двух конкретных стратегий. Во-первых, третий мир пытался изменить существующие международные институты или создавать новые, которые больше соотносились с предпочитаемыми ими принципами и нормами. Во-вторых, эти страны стремились к

созданию международных режимов, легитимизирующих одностороннее использование суверенных полномочий отдельными государствами. Поддерживались международные организации, функционирующие по принципу "одна страна — один голос"⁶.

Степень, в которой страны третьего мира смогли изменить существующие международные режимы, зависела от трех переменных: природы существующих институциональных структур, способности сформулировать целостную систему идей, которая устанавливала повестку дня на международных переговорах и укрепляла единство стран третьего мира, отношением Запада (в особенности США) к запросам стран третьего мира и к международным форумам, на которых эти запросы высказывались⁷. Начало 1970-х годов предоставило странам третьего мира уникальные возможности. Это был период контроля стран третьего мира над большинством международных форумов, когда страны Севера все еще поддерживали эти форумы. К концу 1970-х эта поддержка стала уменьшаться (особенно со стороны США). США временно вышли из Всемирной организации труда. Выражалось недовольство работой ЮНЕСКО. В 1982 году несколько стран, включая США, отказались подписать конвенцию о морском праве.

Желание обеспечить международные режимы, основывающиеся на государственном, а не рыночном распределении ресурсов, было основной стратегией стран третьего мира в послевоенный период. Оно отражало слабость большинства этих стран. Эта слабость требовала либо в одностороннем порядке влиять на изменения глобального рынка, или внутренне приспособливаться к ним. Более крупные страны действительно могут влиять на это окружение или приспособливаться к нему. Более мелкие промышленно развитые страны не могут влиять на окружение, но могут к нему приспособиться. Страны же третьего мира наиболее уязвимы. Резкие изменения в глобальном окружении могут привести к экономическим шокам и политическим кризисам. Это в свою очередь ведет к трудностям для руководства этих стран, которые становятся целями контрэлитного недовольства. Изменяя природу международных режимов, руководители стран третьего мира надеются не только увеличить потоки материальных ресурсов, но и создать более стабильное и предсказуемое окружение.

Страны третьего мира преследуют множество целей. К ним относятся экономический рост, политическое равенство различных стран, влияние в мировой политике, автономия и независимость, сохранение территориальной целостности перед угрозами иностранной интервен-

ции и внутреннего сепаратизма, поддержание стабильности правящего режима.

Для малых и слабых государств либеральные международные режимы, основывающиеся на рыночном распределении ресурсов, являются достаточно рискованными, даже если они способствуют экономическому росту. Такие режимы подвергают страны третьего мира действию изменений международного окружения, которые могут разрушить внутренний политический порядок. Режимы, основывающиеся на государственном распределении ресурсов, дают таким странам не только увеличение экономического благосостояния, но и более высокий уровень предсказуемости и безопасности. При таких режимах распределение ресурсов находится под контролем государства, основывающегося на своих суверенных правах.

С точки зрения реализма, наилучшей перспективой было бы сокращение связей между Севером и Югом до минимума. Принимая во внимание фундаментальные разногласия по отношению к принципам и нормам, многие связи между Севером и Югом будут приводить к конфликтам и неопределенности, даже если они экономически выгодны обеим сторонам. Однако хотя некоторые тенденции и свидетельствуют о движении в направлении сокращения связей между Севером и Югом, говорить о полном их разрыве в ближайшее время не придется.

Режимы в области безопасности - системы принципов, норм, правил и процедур принятия решений, регулирующих отдельные аспекты взаимоотношений между государствами в области безопасности. Режим существует, если можно идентифицировать все три элемента и когда режим контролирует достаточно переменных в данной области, чтобы влиять на поведение сторон⁸. Основываясь на этих критериях, Г.Моллер выделял четыре режима в области безопасности:

1. Режим стратегических ядерных вооружений.
2. Европейский военный порядок (договор о ОВСЕ, стокгольмско-парижские соглашения о мерах по укреплению доверия, договор о РСД и др.).
3. Режим предотвращения ядерной войны (в дополнение к различным международным соглашениям в него входит и установившаяся недавно практика не держать ядерные вооружения в слишком высокой степени боеготовности).
4. Режим ядерного нераспространения.

Обычно в основе работоспособных режимов лежат нормы. Большинство из существующих сегодня эффективных институтов основы-

ваются на распространенных во время их создания нормах, которые их создатели зафиксировали в соглашениях. Примером может служить ГАТТ и его преемница ВТО, чьи правила основываются на принципе недискриминации.

Можно выделить следующие тенденции в развитии установленных ООН глобальных режимов:

1. Развитие международных режимов в рамках системы ООН существенно расширило те области международной жизни, которые регулируются нормами и правилами.

2. Не все глобальные режимы увеличили свою силу на протяжении второй половины столетия. Некоторые просто являются модификациями режимов, существовавших до Второй мировой войны. Другие прекратили свое существование.

3. Режимы дают дополнительную защиту основным прерогативам государства (например, территориальной целостности). Они же могут ослаблять контроль государства над экономической и общественной деятельностью даже в пределах их собственных границ.

4. Большинство возникших в рамках ООН режимов снизили барьеры движению товаров и услуг. Они сумели достичь этого путем установления законодательной базы для использования океанов и воздушного пространства, уменьшения возможности повреждения товаров и информации, проходящих транзитом через территорию третьих государств, обеспечения технической совместимости разных систем, предотвращения ущерба вызываемого международной торговлей (перенос инфекционных заболеваний, ущерб для окружающей среды).

5. Глобальные режимы являются результатом переговоров между государствами и негосударственными акторами. В то же время в случае проблем, связанных с основами политического или экономического порядка, роль связанных с ООН институтов по-прежнему является ключевой в их разрешении⁹.

Существует вопрос, как режимы могут быть эффективны в решении возникающих проблем, при отсутствии верховной власти, наделенной полномочиями, возможностями и политической волей для обеспечения выполнения основных правил? Режимы достаточно слабо управляются. Если провести различие между режимами как институтами и организациями как материальными единицами с офисами, бюджетами, персоналом юридическим лицом, можно сказать, что подход к управлению, основанный на режимах, подчеркивает идею "управления без правительства" и может выполнять функции управления, минимизируя образова-

ние новых бюрократических и административных структур. Значительная часть работы по выполнению положений международного режима передается индивидуальным членам, которые обычно достаточно организованы, независимо от того, являются ли они государствами или негосударственными акторами¹⁰.

Согласно традиционному значению государственности, политика требует проведения государственных действий. Верховный институт (гоббсовский Левиафан) необходим для обеспечения сотрудничества и координации акторов с различными интересами. Приверженцы теории режимов, напротив, считают, что нормативные институты могут эффективно регулировать общественное взаимодействие. Поэтому управление без правительства вполне возможно.

Следующим способом упорядочивания современных международных отношений является попытка создания так называемых *транснациональных сообществ*.

Обычно исследователи отвергают возможность образования сообществ на транснациональном уровне. Это связано с отсутствием в мировой системе центральной власти и общей мировой культуры. Как единственная альтернатива постоянной войне или мировому правительству выступает сотрудничество, понимаемое как взаимное приспособление политик для достижения ограниченных, но четко определенных целей¹¹.

Однако на практике, выстраивая общие социальные идентичности, политические элиты формируют трансатлантические сообщества. Такие сообщества формируются, когда несколько политических акторов, разделяющих общие социальные характеристики, общие связи, общий опыт и находящиеся в отношениях позитивной взаимозависимости, вырабатывают общее политическое сознание, позволяющее говорить о них, как об особой группе. Тип транснациональной идентичности (независимая переменная) определяет тип общих отношений в области безопасности (зависимая переменная)¹². Например, общая идентичность великих держав привела к возникновению системы концерта. Концерты - это многосторонние институты для сотрудничества на высшем уровне между великими державами¹³. Любое действие при такой системе должно быть одобрено или инициировано группой.

Другой тип основывающегося на сообществе механизма безопасности - ассоциация безопасности. В отличие от альянсов они формируются не для повышения возможностей государства по противодействию определенному противнику за счет сотрудничества с другими. Скорее,

они служат для выражения солидарности государств, стремящихся установить конкретную форму политической организации или идеологию. Транснациональная идентичность в этом случае основывается на общем типе политического режима или общей идеологии¹⁴.

Третий тип - объединенное сообщество безопасности. Оно характеризуется формальным слиянием политических и административных институтов, по крайней мере, двух государств. Впервые этот тип механизмов был описан К.Дейчем¹⁵. Важным признаком сообщества является наличие в нем институтов, выполняющих интегрирующую по отношению к этому сообществу роль. В международных отношениях двадцатого века эти институты играли важную роль. В начале века число таких институтов измерялось десятками, сейчас - тысячами. Конечно, при столь массовом их распространении далеко не все международные институты играют заметную роль. Многие существуют лишь номинально. Но остается бесспорным факт небывалого взлета численности, активности, значения самых разных по сферам деятельности, организационным формам, другим признакам международных институтов, способствующих формированию международного сообщества.

Система коллективной безопасности формируется, когда государства в рамках данной системы разделяют общую космополитическую идентичность, которая и определяет их как членов сообщества. В рамках такой системы государства не только отказываются от односторонних военных действий, но и обязуются участвовать в коллективных действиях против возможного агрессора.

Эти отношения не требуют создания мирового правительства или трансформации анархического окружения. Таким образом, сообщества требуют общей групповой сплоченности и общей идентичности. Однако для их функционирования не требуется централизованного политического органа. Политические сообщества заняты распределением ценностей и ресурсов. Они формируются государственными элитами и основываются на признании особых отношений их членов.

Сегментация мира на независимые национальные государства означает, что каждое из них не только самостоятельно определяет собственные интересы, но и само обеспечивает их защиту¹⁶. Суверенитет воздвигает стену между собственным обществом и другими обществами¹⁷.

Транснациональные идентичности могут формироваться как в рамках общественных групп, так и между государствами. Для их формирования необходимо несколько условий.

Во-первых, необходима общая характеристика, которая может стать основой для транснациональной общественной группы. К примерам такой характеристики можно отнести этничность, религию, форму государства, политическую или экономическую систему, относительный уровень развития.

Во-вторых, должно иметься разделяемое исключительное отношение по отношению к другим государствам (или общественным группам). Исключительность является важной для групповой сплоченности и подчеркивает различия между теми, кто разделяет общие характеристики, и теми, кто не разделяет.

В-третьих, как отмечалось выше, должен быть высокий уровень позитивной взаимозависимости. Позитивность значит, что взаимозависимость должна быть взаимовыгодной. В противном случае она может вести к конфликту.

Эти факторы являются материальными предпосылками для формирования общей идентичности. Однако сами по себе при отсутствии политического сознания они ее не формируют.

Третьим организующим элементом современной мировой системы мог бы стать так называемый *регионализм*.

Региональные механизмы, или регионализм, определяются как "сотрудничество между правительствами и неправительственными организациями в трех или более географически близких и взаимозависимых странах для достижения взаимных целей в одной или более функциональных областях"¹⁸. Региональные агентства — формальные или неформальные региональные организации, ответственные за функционирование региональных механизмов. Они могут быть созданы в масштабах всего региона (ОАГ, ОАЕ) или быть субрегиональными (АСЕАН, МЕРКОСУР).

К функциям региональных институтов относятся:

- Обеспечение форумов на высоком уровне для выработки повестки дня, артикуляции региональных целей и выработки региональных норм.
- Обеспечение регионального участия в глобальных конвенциях.
- Развитие и управление региональными инициативами.
- Урегулирование споров между членами.
- Гармонизация усилий отдельных стран по вопросам, находящимся в их внутренней юрисдикции.

На практике лишь очень немногие из региональных институтов могут эффективно играть эти роли. Наиболее эффективные региональные институты расположены в Западной Европе. Так же как и межправи-

тельственные организации, региональные институты создаются государствами. Поэтому их сила зависит от позиции государств-членов.

Большинство региональных организаций находится под сильным влиянием великих держав. Франция, например, влияет на работу Организации африканского единства и на Экономическое содружество западно-африканских государств. Великобритания поддерживает свое влияние посредством Британского Содружества. Соединенные Штаты преобладают в Организации американских государств и некоторых других региональных структурах. Во многих регионах наблюдается тенденция создания "треугольников", состоящих из великой державы, региональной организации и ООН. Подобная структура может значительно стабилизировать регион и сгладить конфликты. Даже в Африке, где все усилия по миротворчеству были достаточно трудными, некоторые стабилизирующие результаты были достигнуты при помощи треугольников "Франция—ОАЕ—ООН" и "Великобритания—Британское Содружество—ООН" в конфликтах на Африканском Роге, в Конго, между Нигерией и Бенином, Сенгалом и Мавританией, Алжиром и Марокко. Возможно и формирование треугольника "Россия—СНГ—ООН".

Четвертым способом упорядочить современную мировую систему является использование так называемого *глобального управления*.

Глобализация находится под влиянием процессов управления и сама влияет на них¹⁹. Глобализм – состояние мира, характеризующееся наличием сетей межконтинентальной взаимозависимости. Это должны быть действительно сети, а не отдельные связи. Для того чтобы сетевое взаимодействие могло считаться глобальным, оно должно действовать на территории нескольких континентов, а не быть региональной сетью²⁰.

Тема глобального управления (термин, хотя и являющийся калькой с английского языка и не отражающий в полной мере смысл процесса, но тем не менее входящий в отечественный научный лексикон) вызывает все больший интерес как у отечественных, так и у зарубежных исследователей. Существует множество *определений* этого феномена.

Управление, без правительства или с ним, отличается от анархии тем, что государства и другие международные акторы признают наличие обязательств и чувствуют себя вынужденными в силу тех или иных причин выполнять их. Управление означает целеполагающую систему правил, которые отличаются от закономерностей (природных или иных), проявляющихся в ничем не ограниченных взаимодействиях международных акторов в состоянии анархии (баланс сил, диполлярное сдерживание и т.д.). В этом смысле управление означает "порядок плюс

намеренность"²¹. В случае управления без правительства обязательства являются производными не от иерархического процесса установления норм и правил, а от добровольных соглашений, создающих нормы. Легитимность самих норм и правил вынуждает актора соглашаться с ними²².

Общественное глобальное управление, в своем либеральном варианте, основано на глобальной необходимости общего ответа на проблемы. В 1980-х годах об этом говорилось на организованных ООН встречах мозговых центров "Наше общее будущее", "Общая безопасность" и т.п. В 1990-х годах много говорилось о глобальных кризисах, включая охрану окружающей среды, проблемах беженцев и народонаселения. В 1990-х же годах проводились организованные ООН и частично финансируемые из частных источников глобальные конференции, включающие в себя Конференцию ООН по окружающей среде и развитию 1992 года, Мировой саммит по общественному развитию в Копенгагене 1995 года, Международную конференцию по населению и развитию в Каире 1995 года, Конференцию 1995 года по женщинам в Пекине и т.д.²³ Эти конференции, несомненно, сыграли роль в привлечении внимания к названным проблемам.

Многие представители академического сообщества и лица, участвующие во внешнеполитическом процессе, понимают под управлением сложный набор структур и процессов (частных и общественных). Популяризаторы же используют этот термин как синоним правительства. Для них управление ассоциируется с системой национальной администрации. До того, как изучаться на глобальном уровне, управление употреблялось в академической среде в более общем значении. Например, термин широко использовался в литературе о бизнесе применительно к микроповедению фирм²⁴.

Международные аналитики и чиновники, напротив, используют термин почти исключительно для описания явления, которое выходит за рамки "правительства" и юридической власти, которую имеют государства. В американской общественной науке термин наиболее тесно ассоциируется с Д.Розенау. Для него на местном или глобальном уровнях управление "включает в себя не только действия правительств, но и множество других каналов, посредством которых "команды" оформляются в форму целей, принимаются директивы и проводится политика"²⁵.

На международном уровне возникновение концепции управления можно связать с растущей неудовлетворенностью специалистов-международников теориями реализма и либерального институциона-

лизма, которые доминировали в изучении международных отношений в 1970-х и 1980-х годах. Эти теории, кроме всего прочего, не смогли предсказать и объяснить рост (количественный и качественный) негосударственных акторов и последствия новых технологий.

Определения управления, используемые различными международными организациями, существенно отличаются друг от друга.

Для Мирового банка управление — способ использования власти в управлении экономическими и социальными ресурсами страны. Мировой банк выделял три аспекта управления: форма политического режима; процесс использования власти в управлении экономическими и социальными ресурсами страны; способность правительств разрабатывать, формулировать и выполнять политики.

Для Программы ООН по развитию управление — использование экономической, политической и административной власти для управления делами страны на всех уровнях. Оно включает механизмы, процессы и институты, посредством которых граждане и группы выражают свои интересы, используют свои права, выполняют свои обязательства.

ОЭСР понимает управление как использование политической власти для использования имеющихся ресурсов для общественного и экономического развития.

Оттавский Институт управления включает в управление институты, процессы и конвенции в обществе, которые определяют, как будут осуществляться властные полномочия, как будут приниматься важные решения, как при этих решениях будут учитываться различные интересы.

Комиссия по глобальному управлению в своем докладе 1995 года определяет глобальное управление как "сумму многих путей, которыми индивиды и институты (общественные и частные) управляют своими делами. Это постоянный процесс, посредством которого, конфликтующие между собой и разнообразные интересы могут быть удовлетворены и сделано возможным коллективное действие"²⁶.

Генеральный секретарь ООН К. Аннан включал в управление уважение гражданских прав и правового государства, укрепление демократии, улучшение качества общественного администрирования²⁷.

По мнению некоторых авторов, "глобальное управление... включает в себя как правила игры во всемирном масштабе, так и механизмы, межгосударственные или надгосударственные организации, принимающие решения об установлении этих правил игры"²⁸. Признается, что архитектура глобального управления полицентрична. Глобальное управление осуществляется не только правительствами. Правительства

сохраняют за собой монополию на проведение той или иной политической линии. Однако частные акторы играют все более весомую роль на этапах определения проблемы, анализа проблемных связей и непосредственного исполнения принятых решений. Важной характеристикой глобального управления является то, что оно основывается на разных формах международного сотрудничества между общественным и частным сектором. В этих условиях растет значение сетей²⁹.

Система ООН и правительства государств, безусловно, являются центральными акторами глобального управления. Однако они лишь часть общей картины. Д. Розенау, в частности, включает в глобальное управление системы управления на всех уровнях человеческой деятельности (от семьи до международной организации), достижение определенных целей которых связано с транснациональными действиями³⁰.

Не существует единого организующего принципа, на котором осно-

Дискуссия о качестве систем управления конкретных стран стала возможной по четырем причинам. Во-первых, стала явной нелегитимность режимов, возглавляемых такими фигурами, как И.Амин, Пол Пот, Ж.К. Дювалье, Бокасса. После успешного лоббирования международного сообщества, нацеленного на то, чтобы рассматривать внутреннюю политику белого меньшинства в Родезии или ЮАР в качестве международной политики, для большинства африканских стран было нелогично настаивать на признании собственной внутренней политики чисто внутренним делом. Более того, окончание холодной войны устранило препятствия для критики нелегитимных режимов и их поддержку со стороны Запада. Вторая причина связана с так называемой "третьей волной" демократизации. В-третьих, распространение негосударственных акторов изменило политическую жизнь многих стран. В дополнение к организациям системы ООН и международным финансовым институтам, НПО также стали влиять на то, что раньше было чисто государственной политикой. В-четвертых, в 1990-х годах были поставлены под сомнение принципы вестфальской модели суверенитета. Хотя Устав ООН и запрещает вмешательство во внутренние дела государств, гуманитарные интервенции привели к включению ответственности (наряду с территорией, населением и властью) в признаки государственности (см.: Thomas G. Weiss. Governance, Good Governance and Global Governance: Conceptual and Actual Challenges. In Third World Quarterly. Vol. 21. № 5. P. 799-800).

вывается глобальное управление. Оно является суммой множества механизмов контроля, приводимых в действие различными целями, имеющими разные структуры, и внутри которых протекают различные процессы. Возможно, каждый из этих механизмов имеет общую историю, цели, структуры с некоторыми дру-

гими. Однако нет какой-то единой характеристики, общей для всех этих механизмов³¹.

Механизмы глобального управления возникают посредством нескольких каналов: через спонсорство государств; через усилия акторов, отличных от государств, на транснациональном и субнациональном уровнях; посредством совместных действий государств и негосударств-

венных акторов. Они также варьируются от полной институционализации до неформальных процессов создания правил³².

Возможными *формами* глобального управления являются³³:

- Объединенное глобальное государство. Оно является формой максимальной централизации, при которой каждый отдельный гражданин мира был бы напрямую связан с центром.

- На другом конце спектра – полное отсутствие режима или "международная анархия". Эта фраза описывает достаточно высоко организованный мир, который тем не менее является крайне децентрализованным.

- Следующей формой была бы некая форма *Pax Romana*. Такой режим характеризуется гегемонией одной великой державы над другими державами международного общества. Этот режим является наиболее стабильным из известных мировой истории.

- Следующий режим – подобие "конституционных" положений, имеющихся сейчас, но поддержанными международным гражданским обществом.

- На самом левом краю спектра возможных режимов находятся глобальное государство и глобальная империя, членами которой были бы государства.

- Следующий тип – федерация государств-наций.

Следует четко представлять себе *различия между концепциями глобального управления и мирового правительства*. Очень часто, проводя аналогию с внутренней политикой, глобальное управление представляют как глобальное правительство. Примером может быть Доклад ООН о развитии, который описывает глобальное управление как укрепление институтов ООН. Однако государственные структуры и лояльность граждан по отношению к собственным государствам все еще позволяют государствам создавать связи между собой, справляться с проблемами взаимозависимости и сопротивляться слиянию, даже когда оно кажется оправданным с точки зрения эффективности. Поэтому мировое правительство представляется в ближайшее время крайне маловероятным, по крайней мере, при отсутствии всеобъемлющей глобальной угрозы, которая может быть отражена только совместно³⁴.

Управление не является эквивалентом правительству или формальным институтам. Как справедливо отмечает О.Янг, в концепции управления нет ничего, "что подразумевало бы необходимость создания организаций (то есть правительств) для администрирования правилами игры, которые возникают для обеспечения функции управления"³⁵.

Как отмечала Т.Скопол, "с одной стороны, государства могут рассматриваться как организации, через которые официальные коллективы могут добиваться коллективных целей, более или менее эффективно принимая во внимание доступные государственные ресурсы в определенном социальном окружении. С другой стороны, государства могут рассматриваться более макроскопично как конфигурации организаций и действий, которые влияют на значение и методы политики для всех групп и классов в обществе"³⁶. Другими словами, государственные образования и общество диалектически взаимодействуют, поддерживая и легитимизируя друг друга. Государства занимаются правлением. Элементы общества – управлением. Следует учитывать и то, что пути и методы взаимодействия государств не могут быть поняты без обращения к изменяющейся природе самих государств и внутривластных систем. Кроме того, интересы государств не являются постоянными. Они изменяются в зависимости от институционального контекста, от степени организации политических сил внутри политической системы, от способностей основных акторов³⁷.

Согласно Д.Розенау, управление является гораздо более всеобъемлющим феноменом, чем правление. Оно затрагивает правительственные институты, но также использует неформальные неправительственные механизмы. Возможно представить управление без правительства³⁸. Как справедливо отмечает О.Янг, в концепции управления нет ничего, "что подразумевало бы необходимость создания организаций (то есть правительств) для администрирования правилами игры, которые возникают при обеспечении функции управления"³⁹. Хотя и не существует мирового правительства, можно говорить о существовании глобального управления. Одним из механизмов этого управления являются режимы.

В данной работе под глобальным управлением мы понимаем управление политическими, экономическими и иными процессами в тех сферах международных отношений, за которые не отвечает самостоятельно ни одна страна, организация или иной актор международных отношений. Под управлением имеются в виду процессы и институты (формальные и неформальные), которые направляют и ограничивают коллективные действия группы. Таким образом, глобальное управление в международных отношениях — это, по определению, коллективный процесс. Его участниками являются правительства, межправительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации и другие элементы так называемого глобального *гражданского*

общества. Участие этих элементов в процессе глобального управления является критическим для его успешности.

Для многих глобализация и глобальное управление неразрывно связаны между собой. По мере развития глобализации государства теряют контроль, проблемы становятся "больше", чем возможности отдельных правительств, и государства вынуждены делегировать часть властных полномочий супранациональным организациям. Таким образом, согласно этому распространенному мнению, глобализация приводит к развитию глобального управления. На практике дело обстоит наоборот.

Глобальное управление, которое во многом является продуктом либерального мышления, связано с так называемыми глобальными ценностями, нормами, стандартами и правилами. Большинство ценностей, считающихся глобальными, на самом деле являются западными. Поэтому глобальное управление обеспечивает и отражает западную гегемонию. Глобальное гражданское общество также основывается на западной традиции. В глобальном управлении незападные государства и НПО вынуждены переопределять свои интересы и идентичности в отношении к западным нормам⁴⁰.

Глобализм в настоящее время "америкоцентрирован", поскольку большая часть факторов, связанных с информационной революцией, действует из США. Большая часть содержания глобальных информационных сетей также создается в США⁴¹. Реакцией на засилье нелиберальных стратегий стало то, что в политической сфере особое внимание стали обращать на управление, которое должно было уделять большее внимание основным гуманитарным целям. Большая часть этого требования "глобального управления" содержится в социально-либеральной стратегии и идеологии (можно также говорить о социал-демократической идеологии). Эти стратегия отражает потребность в отличных от существующих типов управления, международных институтов, режимов и акторов⁴². ЕС, в частности, как международный актор в рамках ВТО или конференций ООН, более других ориентирован на социально-либеральное регулирование ("глобализация с человеческим лицом")⁴³.

Основной проблемой для эффективного глобального управления является неспособность существующих международных институтов справиться с этой задачей. ТНК отвечают на отсутствие глобального управления созданием собственных форм такого управления. Авиалинии и компьютерные фирмы формируют альянсы друг с другом для получения конкурентных преимуществ⁴⁴. Компании могут обходить

юридический процесс, если они считают его слишком медленным или коррумпированным⁴⁵. Кроме того, международные институты, призванные дать ответы на новые вызовы эпохи глобализации остаются асимметричными. Поскольку экономическая глобализация опередила другие формы глобализации, международные экономические и финансовые институты (например, Всемирный банк, МВФ, ВТО), а также ряд спе-

Основными институтами глобального экономического управления являются:

1. Bank of International Settlements — основан в 1930 году со штаб-квартирой в Базеле. Членами организации являются 40 центральных банков. Наблюдает за денежной политикой и финансовыми потоками.
 2. G7 — основана в 1975 году как Группа 5 (Франция, Германия, Япония, Великобритания и США). Затем вошла Канада и Италия. Проводит полупоформальные встречи по мировым экономическим проблемам и ежегодные саммиты.
 3. ГАТТ — основано в 1947 с офисом в Женеве. Членство достигло 122 государства в 1995 году, когда ГАТТ было поглощено ВТО.
 4. МВФ. Насчитывает 182 государства-члена.
 5. International Organisation for Securities Commissions — основана в 1984 году со штаб-квартирой в Монреале.
 6. ОЭСР — основана в 1962 году со штаб-квартирой в Париже. Членство составляет 29 государств.
 7. Конференция ООН по торговле и развитию. Основана в 1964 году со штаб-квартирой в Женеве. Насчитывает 187 государств-членов.
 8. Группа Мирового банка. Пять агентств основано в 1945 году с центральными офисами в Вашингтоне. С 1979 года вовлечена в программы развития на Юге и странах Центральной и Восточной Европы.
 9. ВТО. Основана в 1995 году со штаб-квартирой в Женеве.
- Однако данный список не означает меньшего значения частных групп, которые действуют наряду с государствами и международными организациями и также связаны с глобальным управлением в экономической сфере. К таким группам относятся, например, ТНК. Следует отметить, что влияние в рамках этих институтов отражает материальное неравенство государств. Лишь немногие государства имеют влияние в таких институтах, как МВФ, Мировой банк или ВТО. Даже после трансформации "большой семерки" в "восьмерку" (с включением России), именно "семерка" устанавливает правила и нормы глобальной экономической политики.

циализированных агентств ООН (например, в области здравоохранения и связи) развиты достаточно хорошо и имеют устоявшуюся систему процедур и норм. Они имеют проработанные процедуры и правила работы. То же справедливо и для некоторых специализированных агентств ООН (ВОЗ, Международный союз связи). Однако сохраняется множество глобальных проблем, для решения которых не

существует работоспособных глобальных институтов. Например, Мировая организация труда является важным форумом для обсуждения некоторых вопросов. Однако она не обладает механизмом для обеспечения выполнения своих решений. Не существует эффективной организации по защите окружающей среды. Генеральный Секретарь ООН пока лишь пытается улучшить эффективность ООН в таких областях, как поддержание мира или гуманитарная интервенция. В области безопасности, напротив, международные институты носят преимущественно

региональный характер и развиты достаточно слабо (за исключением Трансатлантического региона). Эта несоразмерность между экономическими институтами и институтами, призванными обеспечить безопасность, будет сохраняться и в ближайшее время.

При несомненном росте значимости режимов в области торговли, финансов и т.д., стержнем формирующегося комплекса "мирового менеджмента" пока по-прежнему остаются проблемы безопасности, в частности вопросы суверенитета и вмешательства, войны и мира, которые в большой степени определяют и политико-правовой режим новой системы международных отношений⁴⁶. Управление является средством коллективного обеспечения безопасности во всех ее формах⁴⁷. Традиционно проводится четкое различие между управлением внутри государств и в отношениях между ними. Однако транснациональные силы обуславливают трансформацию форм управления на всех уровнях⁴⁸.

Таким образом, глобальное управление основывается на иерархических нормативных институтах. Существует как необходимость в таких институтах, регулирующих взаимодействие между государствами и негосударственными акторами на международном уровне, так и возросшая вероятность их создания. Взаимодействия на международной арене возросли количественно и усложнились качественно, что привело к новому качеству взаимозависимости.

Пожалуй, большинство теоретиков международных отношений согласились с преждевременностью идеи создания мирового правительства. Поэтому в ближайшее время мировая система вряд ли будет иметь центральный институт, обеспечивающий подчинение отдельных акторов существующим нормам⁴⁹. В этом смысле основной характеристикой международных отношений по-прежнему является анархия. Более того, создание мирового правительства не является в настоящий момент желательным. Во-первых, установление монополии на использование силы в мировом масштабе должно пройти, как это было в случае формирования национальных государств, через период становления, когда установление этой монополии происходит силовым путем с целью подавления конкурирующих групп. Учитывая разрушительный потенциал, накопленный в мире, такая попытка установления монополии грозит планетарной катастрофой. Во-вторых, в некоторых случаях процентаж населения, погибшего во внутренних конфликтах в определенный период, превышает процентаж погибших в межгосударственных войнах⁵⁰. Потому создание мирового государства не будет являться путем устранения войн. В третьих, пример распада СССР показывает контрпродук-

тивность чрезмерной политической централизации, которая будет неизбежна в случае создания мирового правительства.

Ни для экономики, ни для политики международный порядок не является превалирующей темой. ТНК пытаются, прежде всего, с максимальным успехом вести дела в рамках существующей международной системы. Лишь немногие из них стараются внести собственный вклад в изменение этой системы.

С точки зрения управления вызывает удивление то, с какой эффективностью государства отвечали на вызовы глобализации во второй половине двадцатого века. Государство всеобщего благосостояния было важным этапом в этом процессе⁵¹.

Центральным государственно-политическим вопросом является не форма современного государства, а его роль в изменившемся мире. В эпоху глобализации национальное государство станет в возрастающей степени делить решение задач с другими государствами. В экономике будет возрастать роль государства как арбитра. Его роль как игрока будет снижаться.

Архитектура глобального управления полицентрична. Это означает:

- Глобальное управление осуществляется не только правительствами. Правительства сохраняют за собой монополию на проведение той или иной политической линии. Однако частные действующие лица играют все более весомую роль на этапах определения проблемы, анализа проблемных связей и непосредственного исполнения.

- Глобальное управление основывается на разных формах международного сотрудничества между общественным и частным сектором.

- Глобальное управление находится на пересечении национальных интересов, властных отношений (часто асимметричных) и необходимости совместного разрешения проблем.

- Глобальное управление приводит к трансформации политики и вынуждает к институциональным инновациям. Растет значение сетей.

Мир как единое целое нуждается в политике обеспечения порядка, а не в осуществлении властных полномочий. Центральную роль в такой политике играют правительства национальных государств, образующих мировое сообщество, поскольку они обладают верховной властью. Пути и методы взаимодействия государств не могут быть поняты без обращения к изменяющейся природе самих государств и внутриполитических систем. Кроме того, интересы государств не являются постоянными. Они изменяются в зависимости от институционального контекста, от

степени организации политических сил внутри политической системы, от способностей основных акторов⁵².

Принуждение более важно при одних условиях, чем при других. Существуют условия, при которых механизмы принуждения могут эффективно функционировать и без подобия правительства⁵³.

Международные отношения претерпевают драматические изменения, в ходе которых роль государственной власти снижается, а воздействие международных институтов и норм возрастает. В результате проблемы подчинения международным решениям и обеспечения их выполнения приобретают решающее значение. Они фактически становятся "строительными камнями" возникающей системы глобального управления. Нарушение норм не должно, однако, автоматически вести к карающим мерам. Должно также уделяться внимание таким методам, как поощрение желательного поведения, предоставление технической и политической помощи тем, чье поведение соответствует международным стандартам и нормам⁵⁴.

Следует учитывать и то, что роль частных организаций также растет в последние годы. Глобализация увеличила эффективность неправительственных организаций. При этом их усилия могут быть более продуктивными при использовании ими сотрудничества между общественным и частным сектором.

Век между 1815 и 1914 годами может быть назван временем подготовки для *международных организаций*. Лига Наций была попыткой усилить роль дипломатии по мирному разрешению споров, заменить соотношение сил коллективной безопасностью, создать процедуры по разоружению и контролю над вооружениями. Период между созданием Лиги Наций и нынешним временем может быть назван эрой подготовки к глобальному управлению⁵⁵. Каковы итоги этого периода? Была достигнута универсальность. Была создана сеть глобальных организаций, отвечающих на различные глобальные проблемы. Было основано постоянное присутствие этих организаций, по крайней мере в 134 городах на всех континентах. Многостороннее принятие решений стало обычным. Были установлены новые процедуры для достижения консенсуса. Количество инструментов для установления мира значительно возросло. Барьеры между населением мира и глобальными правительственными организациями значительно снизились.

Индивиды, действующие от имени государств, обычно не имеют достаточно действенных механизмов для решения глобальных проблем. Точно так же действующие лица в рамках гражданского общества очень

редко обладают ресурсами, достаточными для продвижения успешных крупномасштабных и независимых политических инициатив.

Много говорится о растущей *роли ООН* в глобальном управлении. Хотя ООН в 1990-х годах и была вовлечена в значительное количество миротворческих операций, организация была не в состоянии справиться с возросшей потребностью в такой деятельности. К причинам этого относятся высокая стоимость подобных операций, неспособность привлечь достаточное количество личного состава (как военных, так и полиции) для этих миссий, отсутствие интереса стран-членов в таких миссиях, отсутствие механизма восстановления государств после завершения миссии, политические последствия боснийского и сомалийского конфликтов. Вследствие этого многими конфликтами просто пренебрегли. К примерам можно отнести Заир и Руанду.

Другой фактор - неспособность ООН проводить широкомасштабные военные операции⁵⁶. ООН достаточно хорошо справляется с определенными видами миротворческой деятельности (например, с мониторингом и верификацией), которые основываются на признании всеми сторонами конфликта роли миротворцев. Это условие выполнялось в большинстве межгосударственных конфликтов времен холодной войны. Когда подобное признание роли ООН исчезало, миротворческие силы выводились из зоны конфликта, как это было перед арабо-израильской войной 1967 года.

К тому же в предшествующие годы миротворческие операции не требовали значительных военных сил. Например, нейтральная зона между двумя армиями может патрулироваться несколькими сотнями миротворцев. После окончания холодной войны согласие сторон было связано с выполнением ряда условий. Когда же оно отсутствует, возникает потребность в использовании военной силы. Даже на ранних стадиях подобные интервенции требуют тяжело вооруженных армейских подразделений размера дивизии или даже корпуса. ООН же не имеет собственных вооруженных сил, работоспособной системы управления и контроля и консенсуса между членами организации по вопросу использования вооруженных сил во внутригосударственных конфликтах. В результате ООН не может проводить эффективные операции по принуждению к миру.

Эти проблемы вряд ли разрешатся в ближайшее время. Многие страны, включая США, выступают против независимых вооруженных сил ООН. Усилия по укреплению Департамента миротворческих операций ООН достигли своих пределов. Признавая свою неспособность прово-

дить эффективные военные операции, ООН прибегла к практике передачи этих полномочий коалициям стран-членов (многонациональные силы на Гаити или коалиция во главе с Австралией в Восточном Тиморе) или региональным организациям (НАТО). На практике это привело к тому, что операции проводятся лишь в тех районах, которые имеют большое значение для членов СБ ООН. Регионы же вроде Центральной Африки не получают достаточного внимания.

Несоответствие ООН новым требованиям в области безопасности связано с противоречием между провозглашенными в ее Уставе правом наций на самоопределение и ценностью неотъемлемых прав человека, с одной стороны, и незыблемостью принципа государственного суверенитета, сохранения целостности государств и нерушимости государственных границ — с другой⁵⁷. Ключевым вопросом для глобального управления является, кто те самые "мы народ". Этот вопрос особенно важен в условиях отсутствия чувства политической идентичности и общности, когда с политической точки зрения мир организован вокруг системы неравных государств.

Кроме того, ООН, как и любая международная организация, стремится, в первую очередь, к защите собственной целостности и организационной культуры. Этим можно, в частности, объяснить более осторожную и бюрократизированную реакцию ООН на гуманитарные кризисы 1990-х годов. Частично решения организации находились под воздействием усилий защитить саму организацию от потенциальных неудач⁵⁸.

Однако, несмотря на эти ограничения, ООН выполняет ряд важных функций. Ни одна из международных организаций не имеет легитимности, сравнимой с легитимностью ООН, при выдаче мандата на вмешательство во внутренние конфликты. ООН имеет значительный опыт в мониторинге выборов или в выполнении полицейских функций после завершения военного конфликта. В силу этого ООН достаточно хорошо приспособлена для выполнения задач в последней фазе миротворческих операций, когда основной упор делается на институциональное строительство.

Кроме того, методы действий ООН и ее роль в мировой политике подверглись значительной модификации при К.Аннани. Примерами могут быть конфликты в Восточном Тиморе или Косово.

Так же как и во всех остальных конфликтах нынешнего десятилетия, ООН вовлеклась в конфликт в Восточном Тиморе со множеством обещаний при полном отсутствии войск и предварительного планирования.

Вполне понятно, что операция в Восточном Тиморе скоро превратилась в провал. Персонал ООН захватывался в качестве заложников. Казалось, что конфликт в Восточном Тиморе встал в один ряд с конфликтами в Боснии, Сомали, Руанде и Бурунди, когда ООН оказывалась проигравшей стороной.

Однако в сравнительно короткое время Индонезия была вынуждена согласиться на миротворческую операцию. Восточный Тимор стал независимым государством. ООН принимает в этом процессе самую активную роль.

К.Аннан осознал, что великие предложения по реформированию ООН не имеют шансов воплотиться в жизнь. Конечно, Устав ООН упоминает о возможности создания постоянной международной армии. Однако даже если такая армия и была бы создана, она была бы лишь немногим больше, чем организацией наемников, которая, поскольку она не принадлежит ни одному государству, была бы задействована в наименее разрешимых мировых конфликтах. Такая организация, вместо того чтобы обеспечивать глобальную безопасность, стала бы просто поводом для национальных государств уклониться от решения конфликтов.

Конечно, существует возможность реформировать СБ ООН, с тем, чтобы его состав лучше отражал современные реалии, а не положение, сложившееся к концу Второй мировой войны. Но, даже если это и было бы возможным, более представительный СБ был бы еще менее работоспособным органом.

Аннан осознал, что до тех пор, пока КНР остается коммунистической страной, Россия использует свое место в СБ для поддержания уходящего престижа, а Соединенные Штаты остаются крайне подозрительны к любым международным схемам, ООН останется такой, какой она является сейчас. Не забыт и пример Бутроса-Гали, чьи попытки реформ лишь вызвали раздражение США, не доставили удовольствия другим странам и стоили Бутросу-Гали его поста.

Поэтому вместо реформаторских предложений и разговоров о глобальном порядке К.Аннан полагается на свою собственную дипломатию в сочетании с контактами с региональными организациями. Результатом этого является то, что миротворческие операции по-прежнему возможны, а паралич СБ так и не случился.

Формально К.Аннан подчинен СБ. На практике же он медленно расширил свою личную дипломатию от простых докладов СБ и выпол-

нения его директив до практического выражения воли ООН, при этом избегнув коллапса СБ.

Когда Ирак не выполнял решения СБ в начале 1998 года, Аннан вылетел в Багдад и добился компромисса, который не был воспринят с воодушевлением американцами и англичанами, но был поддержан Россией, Францией и КНР. Аннан тактично заявил, что договоренность была возможна только благодаря американским угрозам использовать против Ирака военную силу, что спасло лицо администрации Клинтона. Однако в конце 1998 года, при повторении ситуации, К. Аннан не стал на сторону Ирака. Была принята резолюция СБ, которая, по сути дела, одобряла использование против Ирака военной силы.

Схожая тактика была использована во время кризиса в Косово. СБ был, как обычно, парализован. Аннан предложил компромисс, который требовал от Генерального секретаря взять ответственность за подготовку доклада о ситуации в Косово. Доклад послужил обоснованием для действий НАТО против Югославии.

В Восточном Тиморе Аннан пошел еще дальше. Он предложил властям Индонезии либо самим прекратить насилие в провинции, или дать это сделать ООН. Ультиматум не имел никакой законной силы. Однако он вынудил Россию и Китай – две страны, выступавшие против вмешательства во внутренние дела Индонезии – согласиться с возможностью посылки миротворческих сил. Он также послужил обоснованием для введения экономических санкций, которые могли бы вынудить Индонезию принять миротворческие силы.

Во всех упомянутых случаях Аннан исходил из осознания того, что нет никаких шансов на проведение действенной резолюции через СБ. В то же время ООН не могло находиться в бездействии. Личная дипломатия Генерального секретаря вызывала необходимые действия без противодействия кого-либо из постоянных членов СБ.

Вполне вероятно, что будут сделаны предложения о формализации отношений между ООН и региональными организациями безопасности. Эти договоренности укажут на метод, которым ООН может влиять на начало миротворческих операций этими организациями.

Хотя глобальное управление и отражало до сих пор интересы западных обществ, ООН имеет потенциал сделать его действительно глобальным. Она имеет потенциал для того, чтобы сделать идеи, нормы и

правила, лежащие в основе глобального управления, отражающими все многообразие ценностей и интересов мира⁵⁹.

Явная слабость таких организаций, как Комиссия по устойчивому

развитию,
основан-
ная после
конфе-
ренции
ООН по
развитию
1992 года,
подчерки-
вает огра-
ниченные
возмож-
ности
ООН в
решении
проблем,
связанных
с взаимо-

"Главный качественный признак современной интернационализации в том, что она порождает самостоятельные, устойчивые, существующие и действующие во многом уже автономно от государства формы международных взаимодействий (союзы, соглашения и организации), проявляется в них, формирует целые направления и области деятельности, осуществление которых возможно только при международном сотрудничестве и не иначе. Она приводит к ситуации, когда благополучие и процветание даже экономически ведущих стран начинают решающим образом зависеть от внешних рынков и связей" (см. Косолапов Н. Явление международных отношений: современное состояние объекта исследования МЭМО. 1998. №5. С. 99.).

"В центре новой психологии ведущих субъектов МО — отказ от идеи и цели статус-кво в международных и внутренних отношениях, замена ее идеями и целями направляемых и контролируемых перемен (orderly change). Попытки зафиксировать статус-кво, сохранять его любой ценой приводят рано или поздно, но неизбежно к взрыву и катастрофе, что блестяще доказано опытом Священного Союза в XIX - начале XX вв. и Союза ССР под занавес XX в. Опыт цеплявшихся за статус-кво имперских стран Европы оказался и во внутреннем, и в международном планах столь же катастрофическим, как и попытка коммунизма "великим скачком" обогнать Историю и построить некий идеальный, но основанный также на статус-кво (лишь содержательно ином) мир в отдельной стране и во всем мире. Коль скоро перемен в любом случае не избежать, целесообразно стремиться их направлять, а иногда и подстегивать, форсировать, инициировать. Бесспорно, со временем и этот подход принесет в МО свои проблемы" (см.: Косолапов Н. Явление международных отношений: современное состояние объекта исследования. МЭМО. 1998. №5. С. 102.)

действием человека и природы. Существует два ответа на растущий разрыв между потребностью в управлении и его предложением на международном уровне. Первый ответ заключается в растущей фрустрации и пессимизме в отношении способностей человечества справиться с нынешними проблемами. Второй ответ – попытки реформирования ООН как предпочтительный механизм глобального управления. Третий ответ подчеркивает различия между управлением и правительством и пытается привлечь внимание к инновационным общественным практикам, которые появились в послевоенную эру и создают режимы для решения конкретных проблем⁶⁰.

Дипломатия России, доказывая, что ООН должна играть решающую роль в современном мире (позиция понятная, поскольку Россия относится к числу ее привилегированных участников), не принимает во внимание то, что эта организация сложилась в качественно иных условиях, была призвана выполнять намного более узкие функции, чем это

необходимо современному человечеству для преодоления "нового мирового беспорядка". Подход, ориентированный на консервацию нынеш-

"В этих условиях особое значение приобретает определение того содержания, которое вкладывается в понятие "института МЖ/МО/МГО". Поскольку статус и само существование такой организации неизбежно затрагивают суверенитет государства (даже независимо от намерений и воли учредителей международной организации), реальная политика опирается на нормы международного и внутреннего права и делит все подобные организации, прежде всего, по критерию их непосредственной и прямой связи с государством на *меж- и неправительственные*. Слово "международная" в общем определении рассматриваемого типа организаций указывает, прежде всего, на то, в какой сфере намерена действовать данная структура согласно интересам и целям ее учредителей. Нацеленность организации на функционирование в международной среде не означает, что ее учредителями должны непременно быть лишь субъекты и/или участники этой среды. Конечно, при прочих равных условиях организация, созданная субъектами или участниками МЖ, МО или МГО, имеет предпочтительные предпосылки и возможности для деятельности в соответствующей сфере. Однако в принципе международные организации могут образовываться и субъектами лишь внутригосударственных отношений, в том числе и между отдельными людьми" (см.: Косолапов Н. Развитие международного общения и кодификация международных отношений. МЭМО. 1999. №10. С. 108).

тивными и дееспособными институтами регионального сотрудничества.

ного положения на международной арене угрожает вообще лишить Россию возможности влияния на процессы мирового развития. Российская дипломатия недооценивает значение становящейся все более насыщенной необходимостью реорганизации ООН, либо дополнения ее структур эффек-

Глава 8. Глобальное гражданское общество: проблемы становления и развития в процессе обеспечения личной безопасности

В последние три десятилетия можно наблюдать рост активности неправительственных организаций на местном, национальном, региональном и международном уровнях. Как западные страны, так и бывшие социалистические страны столкнулись с изменениями в отношениях между обществом и государством. Вначале общественные науки обратились к рассмотрению причин этих общественных движений на уровне отдельных стран. Было отмечено изменение в западных обществах в направлении постматериалистических ценностей и растущая потребность в этих обществах в большем политическом участии⁶¹. Деятельность новых групп изменила природу управления в западных демократиях, которые были вынуждены включить эти новые общественные движения во внутривластный процесс, установив новые и модифицировав существующие процедуры политического участия. По мере роста обращения правительств и международных организаций к международным проблемам, национальные и международные неправительственные организации стали сотрудничать друг с другом, также выйдя на международный уровень. Общества в промышленно развитых странах ответили интернационализацией процесса решения многих проблем (наиболее типичный пример — проблемы, связанные с охраной окружающей среды). По мере того как неправительственные организации

стали все более активно работать с международными (особенно глобальными) проблемами, они поставили под вопрос монополию правительств на проведение внешней политики. В результате к концу двадцатого века в системе ООН и в региональных организациях (например, в

Термин "гражданское общество" имеет прямой эквивалент в латинском (*societas civilis*) и близкий эквивалент в греческом языке. Греки и римляне имели в виду нечто подобное политическому обществу с активными гражданами, определяющими природу институтов и политику. Совершенно понятно, что даже тогда были люди, исключенные из этого общества (неграждане, варвары).

Новое значение термин получил в семнадцатом и восемнадцатом веках, когда философы стали закладывать основы национального государства. Ключевой посылкой концепции гражданского общества была христианская идея равенства людей. Таким образом, гражданское общество противопоставлялось естественному состоянию (по Локку и Гоббсу).

Шотландские мыслители эпохи Возрождения были первыми, кто обратил внимание на капитализм как основу нового индивидуализма и общества, основанного на праве. Адам Фергюсон в своем "Эссе по истории гражданского общества" (См.: Ferguson Adam. *An Essay on the History of Civil Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.), впервые опубликованного в 1767 году, попытка возродить римский идеал гражданской добродетели в условиях общества, где капитализм занимал место феодализма. По Гегелю, гражданское общество — нечто отделенное от (хотя и находящееся в симбиозе с) государства. Антонио Грамши в своих "Тюремных записках" (см.: Gramsci, Antonio. *Selections from the Prison Notebooks* (Ed. And trans. Hoare and Smith) London: Lawrence and Wishart, 1971) также обращается к гражданскому обществу. В отличие от Гегеля, он разводит гражданское общество и экономические отношения. По его мнению, гражданское общество состоит из культурных институтов (в особенности церкви, школы, профсоюзов). Важно отметить, что по Грамши гражданское общество, как государственная и неэкономическая сфера общественного взаимодействия была лишь временным и стратегическим инструментом в революционной борьбе.

тиями. В этих условиях глобальное гражданское общество может быть способом "гуманизации" и "цивилизации" глобализации.

Идея глобального гражданского общества берет свои истоки в концепциях мирового гражданства, международного сообщества, мирового общества. Еще Кант предполагал возникновение права мирового гражданства (*jus cosmopolitanum*), соединяющего граждан и государства в высшее республиканское содружество государств. Этот союз он называл универсальным гражданским обществом. Два столетия позже концепция международного общества, знакомая по работам Хедли Булла и Мартина Райта, попыталась соединить новые явления и сохранить

в ЕС) шли напряженные дебаты о роли гражданского общества в глобальном управлении.

Хотя глобализация имеет как позитивные, так и негативные стороны (подробнее — см. главу 1), представительство интересов граждан становится проблемой, когда рынок и другие транснациональные образования берут верх над государством. Корпорации не являются демократически избранными органами. Часто граждане не имеют достаточного контроля над действиями правительств (даже демократически избранных) на международной арене. Мировое правительство и мировой парламент остаются уто-

старое значение *societas civilis*. Государства рассматривались Буллом как социализируемые под воздействием других государств агенты. Они объединяются в наиболее всеобъемлющую форму общества на земле — глобальную сеть взаимно признаваемых неформальных традиций и

формальных правил (дипломатический протокол, посольства, многосторонние договоры, международное право). Эти традиции и законы, ограничивающие суверенитет государств, и называются международным обществом, которое является необходимой предпосылкой нынешнего мирового порядка. Таким образом, международное общество существует, "когда группа государств, осознавая

некие общие интересы и общие ценности, формирует общество в том смысле, что они осознают себя связанными общим набором правил во взаимоотношениях друг с другом, и разделяемых в работе общих институтов"⁶².

Для Мэннинга⁶³ существование международного общества вытекало из существования международного права, которое, в свою очередь, было продуктом отношений между государствами. Поэтому международное общество было обществом государств. Теоретики международного общества предполагали конечное возникновение мирового общества, которое будет основываться на общих ценностях человечества. В на-

До недавнего времени гражданское общество считалось преимущественно национальной концепцией. На самом деле организации гражданского общества создавали сети из себе подобных на протяжении последних двух столетий. Более того, в последнее время для европейских и латиноамериканских интеллектуалов именно транснациональность стала определяющей чертой гражданского общества. Это резко расходится с Фергюсоном и его современниками, рассматривавшими гражданское общество как часть концепции национального государства. Это также расходится со взглядами Гегеля, в которой главной является идея диалектического противоречия между гражданским обществом и государством, а возможность взаимодействия с другими гражданскими обществами не рассматривается вообще. Однако для представителей гражданского общества 1980-х годов было просто необходимо устанавливать связи за пределами собственных стран. Проблема гражданских прав, например, является национальной проблемой. Однако частью ее решения является поиск союзников за пределами собственного (иногда диктаторского) государства. Защитники окружающей среды всегда подчеркивали транснациональный характер своей деятельности. Причина этого — транснациональный характер проблем, с которыми они имели дело. Гражданское общество представлялось Гегелю сферой, где правит всеобщий эгоизм, а мерилом всего выступает личный интерес. Он исходил из понимания двойственной природы человека, вобравшего в себя и партикуляристское, и универсалистское начала. Системность в восприятии гражданского общества побуждала мыслителя внимательно отнестись к фактору *внешней необходимости*, связывавшему различные интересы и их носителей в общность *надформационного* порядка — нацию-государство. В идеал-государстве, согласно Гегелю, происходит своего рода синтез, слияние этих начал: его парадигма государственности рассматривает индивида в двух ипостасях — как *единицу гражданского общества* и как *сознательного гражданина государства*, в силу объективных обстоятельств вынужденного поддерживать равновесие между двумя взаимопротивоположными аспектами своего бытия (см.: Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика. Полис 3-2000. С. 113.).

стоящее же время, по их мнению, международное общество существует как разнородная, децентрализованная и мультикультурная система, состоящая из территориально ограниченных суверенных государств⁶⁴.

Составные элементы, организующие принципы и ценности международного общества существенно отличаются от элементов, принципов и ценностей общества национального. Отличительной чертой подхода к анализу международных отношений, основывающегося на международном обществе, является упор на роль общих ценностей и общего чувства принадлежности к обществу⁶⁵.

Булл проводил различие между международной системой и международным обществом. "Система государств (или международная система) формируется, когда два государства и более имеют достаточные контакты между собой, чтобы функционировать как часть целого... Сообщество государств (международное общество) появляется, когда группа государств (уже образующих систему) осознает некоторые общие интересы и цели, формирует общество в смысле осознания связанности друг с другом общим набором правил и наличия общих институтов"⁶⁶.

Появление сообщества государств в Европе нашло свое проявление в возникновении новой для того времени концепции международного права⁶⁷. При этом, как считал Булл, для появления глобальных гражданских прав необходимо существование транс- и кроссграничной солидарности. Транснациональные идентичности могут формироваться как в рамках общественных групп, так и между государствами. Для их формирования необходимо несколько условий.

Во-первых, необходима общая характеристика, которая может стать основой для транснациональной общественной группы. К примерам такой характеристики можно отнести этничность, религию, форму государства, политическую или экономическую систему, относительный уровень развития.

Во-вторых, должно иметься разделяемое исключительное отношение по отношению к другим государствам (или общественным группам). Исключительность является важной для групповой сплоченности и подчеркивает различия между теми, кто разделяет общие характеристики, и теми, кто не разделяет.

В-третьих, должен быть высокий уровень позитивной взаимозависимости. Позитивность значит, что взаимозависимость должна быть взаимовыгодной. В противном случае она может вести к конфликту.

Эти факторы являются материальными предпосылками для формирования общей идентичности. Однако сами по себе при отсутствии политического сознания они ее не формируют.

Эти условия, однако, в полной мере до сих пор не присутствуют в мировой системе.

В 1990-х годах с расширением спектра целей, к которым стремятся международное общество, стало ясно, что многие трудности по достижению этих целей вытекают не из международной анархии, а из слабости конкретных государств и государственных структур. Слабость

вновь созданных государств, недостаток легитимности и неспособность удовлетворить потребность в экономическом развитии угрожают внутренней стабильности этих государств, что очень часто распространяется и на мировую арену⁶⁸.

С этимологической точки зрения классическое использование латинского слова *patio* было противоположно *civitas*. Поэтому нации были сообществами людей одного происхождения, не интегрированных при этом в политическую форму. Термин *нация* приобрел политическое значение во времена феодализма, когда феодальная система уступила место сообществу государств-наций⁶⁹. Возрождение же гражданского общества описывалось консерваторами как решение проблем социальной и политической сторон общественного благосостояния, которое может сделать государство политически устаревшим, так же как глобальные рынки сделали устаревшей государственную экономику⁷⁰.

В социологии МО сложились два взгляда на тип, характер, природу этой целостности. Согласно одному из подходов, развиваемому преимущественно французской школой социологии МО, мировое сообщество существует уже давно, прошло несколько стадий исторической эволюции и в завершающей части XX в. вступило в этап формирования *глобального общества*. Сторонники этого подхода на первое место ставят социальную среду (население и первичные формы его организации), полагая, что социальные системы, включая сюда государство и МГО, вынужденно приспосабливаются к демографическим и социальным переменам в среде, а, кроме того, эволюционируют под влиянием внутренней логики собственного развития.

Глобальное общество им представляется как процесс кризиса и преодоления рамок самого института государства (и тем самым МГО в МО), нарастающего слияния людей, социальных групп, первичных форм организации в общечеловеческом масштабе. Логично предположить, что глобальное общество (если и когда оно оформится окончательно) потребует глобального управления (что возрождает идею "мирового правительства") или глобального самоуправления (принципы которого пока неясны). Социология МО уходит от обсуждения этих вопросов.

Сторонники другого подхода (более распространенного среди американских исследователей) полагают, что мировое сообщество - явление исключительно XX в., даже только второй его половины; оно до сих пор находится в процессе формирования, нынешние его формы и масштабы нельзя принимать за окончательные; и что глобализация - только одно из направлений становления мирового сообщества. Субъектами мирового сообщества сторонники этого подхода считают государства и других субъектов МО, поэтому кризис государства во все более взаимозависимом мире видится им кризисом развития, а не краха и распада самого этого института. Коль скоро международное сообщество вырастает из взаимоотношений субъектов МО/МГО (то есть сложных социальных субъектов), то его формирование и развитие могут в известной степени *направляться* (*world governance*), но *не управляться*. (См.: Международные отношения как специфический тип общения. МЭМО. 1999. №6. С.104-105.)

В основе современных понятий о гражданском обществе лежат три идеи:

- присутствие в мире некоторой имманентной разумности;
- присутствие в обществе некоторой имманентной солидарности;
- присутствие в человеке некоторой имманентной автономности.

Вряд ли оправдано отождествление понятий (и стоящих за ними явлений) "мирового" и "глобального" сообществ. То и другое было бы следствием многих причин, в том числе развития МО/МГО как отношений общения. В то же время "мировое сообщество" - прежде всего большая или меньшая, но безусловно доминирующая в МО и МГО группа субъектов этих отношений, осознавшая значительную и продолжающую возрастать меру общности интересов, проблем, угроз и опасностей, вызовов этим субъектам в противоположность тому, что их разъединяет. При всем значении такого осознания мировое сообщество остается все же совокупностью субъектов и участников МО и МГО. "Глобальное сообщество" предполагает становление нового политического качества, которым может быть лишь наднациональная организация субъектов МО/МГО. Конечно, введение такого качества будет длительным, очень непростым, противоречивым процессом; но в отсутствии такого нового качества не возникнет оснований считать мировое сообщество чем-то большим, нежели суммой его членов.

Естественно, "мировое сообщество" как явление принципиально отличается от простой механической суммы субъектов и участников МО и МГО. Различие это тоже качественное и заключается в том, что члены мирового сообщества осознают то общее, что их объединяет, и готовы руководствоваться им в своей практической политике.

Принципиальное различие мирового и глобального сообществ, однако, заключается в природе образующих их отношений. Мировое сообщество - это высокоразвитые по меркам времени, но все же *международные* отношения. Глобальное сообщество после завершения начальной фазы его становления - это уже отношения *внутренние*. Оба типа интегрируют в себя и межгосударственные отношения. Но для мирового сообщества МГО - фундамент и опора, важнейшая часть отношений международных, ибо оно, прежде всего, есть сообщество государств. Для глобального же сообщества МГО - тоже важная, но часть отношений внутренних, сродни взаимоотношениям субъектов федерации или конфедерации.

Становление глобального сообщества имело бы еще несколько существенных и интересных последствий в сфере кодификации МО/МГО. Во-первых, резко менялся бы характер всех процессов социализации, особенно на уровне элит: усваиваемые нормы, правила, ожидания и т.п. отныне были бы "своими", "внутренними", не "внешними" и "чужими". Во-вторых, столь же резко поднималось бы значение неформальных этнических структур, существующих ныне во многих странах главным образом на уровне так называемого этнобизнеса (самый известный пример — китайские хуацяо за пределами континентального Китая), но не только в бизнесе. И, в-третьих, создание единой целиности - политически и организационно оформленного глобального сообщества, - немедленно вызвало бы к жизни появление *теневых мировых экономики и политики*... (см.: Косолапов Н. Развитие международного общения и кодификация международных отношений// МЭМО. 1999. №10. С.113.)

общество является противоположностью обществу традиционному. Традиционное общество основано на отождествлении властных отношений и отношений собственности, корпоративности и заранее опреде-

ленного статуса членов этого общества. Гражданское общество, являясь результатом европейско-американского развития, основано на так называемом плюрализме, в основе которого лежит принцип самоопределения личности⁷³.

"Процесс создания объективных предпосылок гражданского общества в незападных ареалах можно отнести лишь к самым последним десятилетиям, когда туда пришли и закрепились элементы эгалитарного правосознания и правопорядка, рыночных экономических связей и некоторые понятия об универсальном характере человеческого достоинства"⁷⁴.

Рост числа НПО был важной характеристикой развития США в двадцатом столетии. Несмотря на то, что страна превратилась в военную сверхдержаву и экономического гегемона, она продолжала олицетворять то, что отмечал еще Де Токвиль в девятнадцатом столетии. Она характеризовалась сетью частных ассоциаций, связывающих различные части страны⁷⁵.

Так же как управление является особой чертой либерализма, так и либеральный мир является особой формой либеральной правительственной власти⁷⁶.

Опыт Запада показывает, что гражданское общество выросло там из существовавших отношений и институтов, а затем модернизировало исторически сложившуюся формацию. Именно этим можно объяснить попытки совершенствования общества, в частности, движение за гражданские и политические права, за государственные реформы⁷⁷.

Гражданское состояние основано на отношениях обмена между суверенными и равными индивидами-атомами. При этом нормальным признается такое состояние, когда равные в правах и свободные граждане все свои потребности без исключения удовлетворяют в ходе партнерского обмена по принципу "ты — мне, я — тебе". Иными словами, для положительного обеспечения тех или иных благ государство гражданам не нужно — они удовлетворяют свои нужды на основе принципа индивидуальной самостоятельности⁷⁸.

Согласно либеральному подходу к глобальному гражданскому обществу, общественная жизнь основана на отношениях обмена, люди встречаются для осуществления этих обменов. Эта либеральная концепция шла руку об руку с распространением капитализма. Согласно другим концепциям, гражданское общество — пространство, где общественное и частное более тесно переплетено. Согласно этой концепции, "общественная сфера" дает легитимный форум для коллективных пере-

говоров в отношении того, что считать приемлемыми компонентами личной идентичности в частной жизни. Этот подход может быть назван "республиканское глобальное гражданское общество" — идея, сочетающая значения гражданской и частной добродетели⁷⁹.

Часто утверждают, что недемократическое государство паразитирует на гражданском обществе, удовлетворяя свои интересы за счет масс населения. Если признать подлинно национальными только интересы общества, а само существование антинародного государства — противоречащим последним, тогда мы придем к выводу, что подобное государство должно быть разрушено, даже с внешней помощью. Достаточно вспомнить ленинский лозунг превращения "войны империалистической в войну гражданскую".

Однако гражданское общество само нуждается в государстве (демократическом) "как для ограничения эгоистических антисоциальных порывов отдельных лиц, так и для выполнения тех общих функций по защите и развитию социума, на которые сил стихийной коммунитарной самоорганизации пока явно не хватает... Можно, конечно, оспаривать применимость самого понятия гражданского общества к текущему состоянию народной смуты и столпотворения "интересов" вокруг оставшихся крох советского наследия, однако нельзя отрицать тот факт, что данное общество, гражданское или нет, отвечает на прогрессирующие ослабление и самоизоляцию власти узурпацией функций последней... Итак, дилемма "*государство или гражданское общество*" — ложная по самому своему существу. Изобретенное на Западе словосочетание "нация-государство" как раз и воплощает единение обеих реальностей, связанных, по Фихте, государствообразующей национальностью либо, согласно Смигу, стихийным индивидуальным предпочтением местного рынка и "своего" более или менее понятного и привычного законодателя"⁸⁰.

К предпосылкам возникновения *партнерства между государством и обществом* относятся существование компетентной бюрократии, которая хорошо обеспечена в материальном плане, инновационный потенциал политических лидеров, развитое гражданское общество.

Сотрудничество государства и общества включает соединение общественных и частных возможностей для производства общественных благ, которые ни частный, ни общественный сектор не может производить самостоятельно. Кроме того, необходимо переходить к производству новых общественных благ. Частный сектор может быть привлечен к выполнению стратегий, связанных с защитой окружающей среды,

особенно в условиях нехватки общественных ресурсов. Подобное сотрудничество предполагает наличие подвижной политической арены, в которой решения проблем окружающей среды возникают из созидательных конфликтов между местными сообществами и правительственными агентствами. Общественные институты и сети неправительственных организаций могут помочь в распространении инноваций за пределы местного уровня.

Развитие гражданского общества ограничивает целый ряд факторов. Во-первых, вовлечение посторонних сил (в особенности западное вовлечение) для поддержки гражданского общества рассматривается во многих странах скорее как навязывание зарубежных стандартов демократии, а не как обеспечение внутренних интересов. Гражданское же общество требует, прежде всего, вовлеченности граждан самой страны. Во-вторых, развитие гражданского общества является долгосрочным процессом. Через некоторое время интересы внешних сил, поддерживающих развитие гражданского общества в какой-то стране, могут измениться, оставив местные НПО и другие группы наедине с неразрешенными проблемами. В-третьих, организации гражданского общества зачастую носят характер некоторой элитности, не позволяя принимать участия в их деятельности представителям низших классов (у которых для этого нет времени и профессиональной подготовки). Таким образом, эти организации далеки от всеобщности.

Ни традиционный термин *societas civilis*, ни государство-центрированная концепция международного общества не в состоянии объяснить недавнее появление неправительственной сферы, называемой глобальным гражданским обществом.

Глобальное гражданское общество — сфера идей, ценностей, институтов, организаций, сетей и граждан, расположенная между семьей, государством и рынком, действующая вне национальных обществ, политик и экономик⁸¹. Хотя термин "гражданское общество" является, пожалуй, наиболее значимым открытием в общественных науках 1990-х годов, глобальное гражданское общество получает гораздо меньше внимания, чем глобальное управление или глобальные корпорации.

Возникновение и распространение концепции глобального гражданского общества в 1990-х годах вызвано к жизни тремя причинами:

1) возрождением концепции гражданского общества, особенно в центральной Европе;

2) осознанием хрупкости мировой системы, созданным экологическими движениями и движениями за мир;

3) широким распространением мнения, что с распадом коммунистической системы мир получает новый мировой порядок.

Рост глобального гражданского общества был обусловлен и ростом ресурсов, доступных гражданскому обществу. Речь, прежде всего, идет о технологиях и о деньгах.

Все акторы глобального гражданского общества, несмотря на их различия, имеют одну общую черту. На огромных географических расстояниях, несмотря на барьеры во времени, они сознательно самоорганизуются и проводят свою трансграничную деятельность вне правительственных структур с минимумом насилия и максимальным уважением принципа цивилизованного разделения силы между различными жизненными стилями⁸².

Глобальное гражданское общество ограничено в пространстве. Существуют регионы, например Афганистан, Бирма или Чечня, где гражданское общество отсутствует и может развиваться только в подполье.

При этом, по выражению одного исследователя, рост глобального гражданского общества является проявлением реализующегося проекта гражданского общества по реконструкции мировой политики⁸³.

Концепция глобального гражданского общества предполагает наличие социальной сферы, глобального гражданского общества вне и над национальными, региональными и локальными обществами.

Распространение термина "глобальное гражданское общество" отражает объективно существующую общественную реальность. В 1990-х годах мы могли наблюдать возникновение супранациональной сферы общественного и политического участия, в которой группы граждан, общественные движения и индивиды были вовлечены в диалог, дебаты, конфронтацию и переговоры друг с другом, с различными правительственными агентствами и с бизнесом. Конечно, элементы супранациональной неправительственной сферы существовали и ранее. Новым же является количество и размеры международных и супранациональных институтов и организаций в последние годы.

Появление глобального гражданского общества является следствием двух причин. Во-первых, важность некоторых международных проблем (например, охрана окружающей среды) приводит к появлению общественных акторов, требующих международного коллективного управления этими проблемами силами национальных правительств. Гражданское общество может поддержать действия заинтересованных прави-

тельств. Во-вторых, растущая необходимость создания международных систем принятия решений, связанных с глобальными проблемами, создает для национальных обществ перспективу потери контроля над по-

литическим процессом и отсутствием тех правительственных структур, которые подотчетны обществу. В силу самой глобальной природы многих проблем государства решают их на международной арене, а не путем принятия внутренних политических решений. Интернационализация проблем, бывших до этого внутривнутриполитическими, подрывает способность гражданского общества к политическому участию. Хо-

тя НПО и могут смягчить эту проблему, они не являются представителями (по крайней мере, единственными) гражданского общества. Поэтому требования гражданского общества по политическому участию в

Макгрю выделял три модели глобальной демократии (см.: A. McGrew, "Democracy Beyond Borders? Globalization and the Reconstruction of Democratic Theory and Politics" in A. McGrew (Ed.). *The Transformation of Democracy? Globalization and Territorial Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1997, 241-254.). Первая "либерально-демократическая институционалистская" модель берет за основу доклад Комиссии по глобальному управлению 1995 года (см.: Commission on Global Governance. *Our Global Neighborhood*. Report of the Commission on Global Governance. New York: Oxford University Press, 1995.). Комиссией предлагалась реформа существующих институтов международного управления на глобальном и региональном уровнях. Предполагалось демократизировать систему ООН. Для увеличения участия гражданского общества в деятельности Генассамблеи ООН предлагалось создать Народную Ассамблею и Форум гражданского общества. Их члены должны были состоять из делегатов от национальных парламентов (а не напрямую избранных представителей граждан стран-членов). Подобные предложения, однако, не способны привести к росту участия самих граждан в глобальной политике.

Вторая модель - модель "космополитической демократии" - предполагает не просто реформирование, а полную реконструкцию существующих форм глобального управления. Подобная модель уже в краткосрочной перспективе предполагает создание второй палаты в Генассамблее ООН (см.: D. Bienen, V. Rittberger, and W. Wagner. "Democracy in the United Nations System" in D. Archibugi, D. Held, and M. Kohler (Eds.). *Re-Imagining Political Community*. *Studies in Cosmopolitan Democracy*. Oxford: Polity Press, 1998.). В долгосрочной же перспективе предполагается создание истинного глобального парламента, проведения глобальных референдумов и включения космополитического демократического права в рамки управления на все уровни. Хотя национальное государство и не будет отменено при такой системе, оно уже не будет являться единственным учреждением, гарантирующим гражданские и политические права на своей территории. Третья модель - "радикальный коммунистический" - отрицает возможность реформирования существующих институтов глобального управления. Согласно этой модели, демократия не может быть обеспечена на базе таких территориально ограниченных единиц, как национальные государства. Она может быть обеспечена только на функциональной основе. Следовательно, должны быть созданы по функциональному принципу специальные органы местной, национальной, региональной и глобальной власти, которые будут заниматься четко определенными группами проблем. Подобные органы будут напрямую подотчетны гражданам и общинам, интересы которых затрагиваются их действиями (см.: A. McGrew, "Democracy Beyond Borders? Globalization and the Reconstruction of Democratic Theory and Politics" in A. McGrew (Ed.). *The Transformation of Democracy? Globalization and Territorial Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1997, 246.). Взаимодействие между группами граждан и функциональными властями должно вести к росту гражданского участия. Вопрос, который остается: смогут ли такие органы власти координировать свои усилия вне рамок собственной компетенции.

глобальном управлении могут быть выполнены при участии не только делегатов государств и НПО, но и избранных гражданами представителей.

Появление глобального гражданского общества и все более частое обращение правительств к многосторонним переговорам и работе с ме-

Глобальная демократия принимает разные формы: от деятельности транснациональных групп граждан до глобальных конференций под эгидой ООН (Richard Falk. Human Governance for the World: Reviving the Quest. In Jan Nederveen Pieterse (Ed.) *Global Futures: Shaping Globalization*. London-New York: Zed Books, 2001, 36.). Основной парадокс современной западной демократии заключается в том, что она предполагает *неполитический образ жизни для большинства граждан* и потому называется *представительской*. Классическая античная демократия Древней Греции и Рима была *демократией участия*. Она реально объединяла граждан полиса, сообщая участвующих в решении основных вопросов жизни своего города-государства (см.: Панарин А.С. Политология. Москва: Гардарики, 2000. С. 72)

ждународными организациями ставят вопрос о *демократическом представительстве гражданского общества* и механизмах участия гражданского общества в политических процессах на наднациональном уровне.

Перевод процесса принятия некоторых политических решений из внутривнутриполитической сферы на международ-

ный уровень делает государства более автономными от своих обществ, поскольку переговоры происходят на международном уровне, а внутриполитические акторы могут влиять на этот процесс гораздо меньше, чем на принятие внутривнутриполитических решений. Подобные переговоры позволяют государствам проводить совместную политику, которая не была бы одобрена обществом.

Концепция "мировой гражданской политики" подразумевает существование глобального общества граждан. Определение гражданского общества включает три аспекта. Во-первых, общественная сфера защищена от правительственного вмешательства. Гражданское общество обладает известной долей автономии от государства. Во-вторых, должна иметься общность основных ценностей и идентичности. В-третьих, характеристикой такого общества является формирование групп и их сетевое взаимодействие. Глобальное гражданское общество в конце двадцатого века все еще не было определяющим политическую действительность. Подобное общество может функционировать лишь при демократических (причем в западном смысле) режимах. Между тем демократия не установилась во многих развивающихся или новых индустриальных странах. Поэтому ОЭСР все еще остается центром глобального гражданского общества.

Глобальное гражданское общество одновременно и подпитывает процесс глобализации и реагирует на него. С одной стороны, глобали-

зация дает основу глобальному гражданскому обществу. Глобальное гражданское общество сконцентрировано в Северо-Западной Европе, особенно в Скандинавии, странах Бенилюкса, Австрии, Швейцарии и Великобритании. Например, 60 процентов секретариатов МНПО располагаются в странах — членах ЕС, а одна треть их членов находится в Западной Европе. Половина параллельных саммитов (подробнее см. далее) также организуется в Европе. Эта же зона является также и наиболее глобализованной в смысле концентрации глобального капитализма, ТНЛ, взаимозависимости, использования Интернет.

С другой стороны, глобальное гражданское общество также является и реакцией на глобализацию, особенно на последствия распространения глобального капитализма.

Остается вопросом и то, являются ли НПО достаточно компетентными, чтобы взять на себя обязанности и функции государств и международных организаций. Подобная компетентность зависит не только от их членов, но и от наличия финансовых ресурсов.

Население современного мира во все большей степени испытывает потребность участвовать в событиях, которые влияют на его жизнь. Реализация этой потребности таит в себе как опасности, так и возможности. Она может привести к анархии, этническому насилию или социальной дезинтеграции. С другой стороны, при наличии соответственных национальных и глобальных рамок, она может стать источником инноваций для создания новых, более справедливых обществ.

За последние годы открылось множество новых возможностей. Глобальные военные расходы впервые за время с начала холодной войны сократились. Холодная война в отношениях Востока и Запада завершилась. Идеологическое противостояние заменилось более прагматическим балансом между рыночной эффективностью и удовлетворением социальных нужд. Люди становятся "центром национальных и глобальных диалогов"⁸⁴. Подобная ситуация ставит целый ряд новых задач, которые отсутствовали еще 10-15 лет назад. Необходимо воссоздать множество старых институтов гражданского общества. Другие его институты только ждут своего создания. Последствия растущего участия достаточно велики. Рынки должны быть реформированы, чтобы предложить каждому доступ к их плодам. Управление должно быть децентрализовано, чтобы обеспечить больший доступ к процессу принятия решений. Местные сообщества должны иметь большее влияние на национальные и глобальные проблемы.

Можно выделить, по крайней мере, пять основ мирового порядка, ориентированного на людей.

1. Новые концепции безопасности личности.
2. Новые модели устойчивого развития. Их цель – инвестирование в человеческий потенциал и создание окружения, позволяющего полностью использовать человеческие способности.
3. Новое партнерство между государством и рынками.
4. Новые модели национального и глобального управления. Их цель – удовлетворение роста людских потребностей на фоне постепенного упадка национального государства.
5. Новые формы международного сотрудничества. Они должны быть сфокусированы на нуждах населения, а не на предпочтениях национальных государств⁸⁵.

Важными элементами глобального гражданского общества являются *неправительственные организации (НПО) и международные неправительственные организации (МНПО)*. Международные неправительственные организации – автономные (то есть неправительственные) организации, действующие не с целью извлечения прибыли и являющиеся зарегистрированными⁸⁶. Многие МНПО являются профессиональными организациями со значительным штатом сотрудников.

Важно понять, какие стратегии проводят неправительственные организации для достижения своих целей, почему они избирают те или иные методы действий, как все эти действия влияют на международную систему. Согласно наиболее распространенному взгляду, МНПО являются группами интересов, которые лоббируют правительства для достижения своих целей. Поскольку государства являются носителями политической силы в международной системе, все усилия должны быть направлены на изменение их поведения. Однако следует отметить, что усилия МНПО не ограничиваются влиянием на правительства. Они используют и другие формы политической деятельности. Они привлекают на свою сторону не только силу государств, но и другие экономические и социокультурные силы, которые влияют на человеческую деятельность.

В наиболее обобщенном смысле НПО – группа, состоящая из людей, разделяющих общие интересы, идеологии, культурные пристрастия вне формальных государственных органов. Важным признаком НПО является то, что люди самоорганизуются, а не используют традиционные государственные структуры. Когда термин НПО используется в международных отношениях, он обычно означает группу, сформировавшуюся на добровольной основе для решения конкретной проблемы на между-

народном уровне⁸⁷. Из определения НПО обычно исключаются коммерческие организации. Их основная цель – максимизация прибыли, и они не заинтересованы в проведении конкретной политической программы (если она не служит увеличению прибыли). Также исключаются из определения НПО и межправительственные организации, поскольку они в конечном итоге подотчетны государствам, а их органы принятия решений состоят из делегатов конкретных правительств. Действуя на международном уровне, НПО могут быть свободны от необходимости увеличивать благосостояние и защищать интересы конкретного, живущего на определенной территории, населения. В их точке зрения на ряд проблем содержится элемент внетерриториальности. По словам Д.Розенау, НПО являются "свободными от суверенитета акторами"⁸⁸.

МНПО не обязательно являются прогрессивными организациями. Многие из них относятся к радикальным. Достаточно вспомнить террористические организации, внимание к которым значительно усилилось в последние годы. Вряд ли можно согласиться и с ситуацией, когда деятельность НПО может становиться угрозой для стабильности в мире. Пример – финансирование международных террористических формирований по неправительственной линии. Россия столкнулась с этой ситуацией на Северном Кавказе⁸⁹. Кроме того, НПО являются бюрократическими организациями, стремящимися к самосохранению и, как и другие большие организации, конкурирующими с себе подобными.

Существует три основных типа НПО.

1. НПО, ориентированные на исследования, предоставление консультаций и распространение информации среди лиц, принимающих решения, и широкой общественности. Большинство из НПО этого типа – общественные или частные мозговые центры. Их метод действий – научные публикации, проведение конференций и семинаров, сообщения в СМИ. Их роль до недавних пор была ограничена выполнением проектов, заказанных правительственными или международными агентствами. Недавно они стали более независимыми действующими лицами в процессе принятия решений.

2. Лоббирующие НПО фокусируют свою деятельность на защите или оппозиции конкретных политических курсов, проводимых правительствами или международными организациями. Они привлекают внимание СМИ для оказания давления на правительства и используют международные форумы для озвучивания своих позиций.

3. Посреднические НПО предоставляют сетевые услуги. Они устанавливают контакты (внутри стран и на международной арене) и рас-

пространяют информацию по важным для них вопросам. Подобные сети играют важную роль в налаживании связей и организации сотрудничества между различными организациями. Информационная революция предоставляет подобным группам дополнительные возможности, нарушая информационную монополию правительственных структур.

Все три типа НПО активно взаимодействуют друг с другом. Кроме того, одно НПО может выполнять функции, присущие НПО разных типов.

НПО — профессиональные организации, которые зависят от сравнительно небольшого количества доноров, включая правительства. МНПО обычно базируются в промышленно развитых странах. НПО могут предоставлять услуги (доставка гуманитарной помощи, контроль над соблюдением гражданских прав) или быть адвокатами какой-то проблемы (оказывая давление на правительства и международные организации). Общественные движения — более аморфные организации, часто полагающиеся в своей работе на волонтеров. Сети — коалиции НПО и общественных движений, часто использующие возможности Интернет и озвучивающие мнения южных и восточных групп опосредованно через северные НПО.

НПО переопределяют политический ландшафт, занимая политическое место и зоны процесса принятия решений, которые контрастируют с территориальным разделением на суверенные юрисдикции. В процессе они основывают систему взаимоотношений, которая снижает значение физических и юридических границ⁹⁰.

Наиболее эффективным оружием движения НПО за этику были кампании, нацеленные на фирмы, чье поведение признавалось неприемлемым. Цель кампаний — заставить фирмы изменить пути ведения бизнеса "добровольно" или столкнуться с негативным освещением в СМИ или бойкотом покупателей. По заявлениям многих представителей текстильной, энергетической и фармацевтической промышленности, это оказалось эффективной стратегией⁹¹.

Основная проблема с мониторингом за фирмами заключается в высокой стоимости этого мониторинга, который кто-то должен оплатить. В особо уязвимом положении оказываются небольшие фирмы, для которых стоимость аудита и сертификации является непомерно высокой⁹².

Не следует преувеличивать значение НПО в будущей дипломатии. Во-первых, НПО не имеют никаких механизмов для обеспечения выполнения своих решений. Во-вторых, НПО нуждаются в финансировании. Поэтому они не всегда столь независимы, как пытаются казаться.

В-третьих, жизнеспособность глобального гражданского общества во многом зависит от представительности разных интересов. Хотя истоки НПО за последние годы и расширились, степень того, насколько они представляют различные культуры и подходы, остается под вопросом⁹³.

В отличие от НПО и общественных движений, *мозговые центры* обычно более близки к правительствам и способны сформулировать конкретные политические предложения. Рост мозговых центров и комиссий, занимающихся глобальными вопросами, в 1980-90-х годах является еще одним свидетельством развития глобального гражданского общества.

По отношению к гуманитарной интервенции представители глобального гражданского общества делятся на несколько групп.

1. Противники гуманитарной интервенции отвергают ее либо потому, что поддерживают принцип невмешательства, или поскольку считают, что интервенция должна осуществляться только для защиты национальных интересов.

2. Сторонники "справедливой войны" больший упор делают на моральные вопросы и военную необходимость, а не на принципы международного права. Если они считают дело правым, они выступают за одностороннюю интервенцию, даже без мандата СБ ООН. Хотя боевые действия и должны вестись согласно установленным правилам, военная необходимость может привести к пренебрежению ими.

3. Альтернативщики разделяют скептицизм противников гуманитарной интервенции и выступают против американских интервенций, которые они рассматривают как форму западного империализма.

Некоторые группы из движения за мир допускают гуманитарные интервенции и войны. Гуманитарная интервенция, по их мнению, способствует установлению правопорядка. Законность для них крайне важна, поскольку сама концепция гуманитарной интервенции основывается на идее укрепления международного права.

НПО по отношению к гуманитарным интервенциям и другим способам разрешения конфликтов также можно разделить на несколько групп:

1. НПО, имеющие отношение к гуманитарным интервенциям, — в основном гуманитарные НПО и защитники гражданских прав, хотя растет число НПО, занимающихся разрешением конфликтов. Гуманитарные НПО изначально создавались для оказания помощи жертвам войн. Однако они расширили сферу своей деятельности до оказания помощи жертвам всех типов катастроф. Международный комитет Красного Кре-

ста был основан в 1859 году как реакция на битву при Сольферино. Войны двадцатого столетия и потеря "цивилизованных" форм ведения боевых действий привели к возникновению новых гуманитарных НПО. Многие из них связаны с церквями.

2. НПО по защите гражданских прав в первую очередь занимаются борьбой против государственных репрессий и нарушений гражданских прав. Первой такой организацией может считаться Общество против рабства, основанное в 1839 году.

3. НПО по разрешению конфликтов появились сравнительно недавно. К примерам таких организаций можно отнести британскую организацию International Alert and Conciliation Resources или Центр Картера в США.

Наиболее значимой тенденцией последних десятилетий была активизация НПО вне рамок формального международного политического процесса. Вне рамок обычного переговорного процесса или международных организаций НПО выступают как агенты гражданского общества в его взаимодействии с правительствами, государственной бюрократией, ТНК. Однако по-прежнему существуют жалобы на ограниченный доступ НПО к международным органам. По-прежнему не ясно, как ориентированные на исследования НПО могут быть интегрированы в существующие теоретические дебаты о международных отношениях. И реализм, и институционализм анализируют мировую политику только на системном уровне. Обе теории рассматривают государства как основных действующих лиц мировой системы. Поэтому анализ НПО не является важным для понимания мировой политики с точки зрения реализма. Поскольку либеральные теории основываются на главенстве "прав личности, частной собственности и представительного правительства"⁹⁴, они позволяют включать в анализ транснациональное гражданское общество.

Существование МНПО не являются совсем новым явлением. Их возникновение датируется девятнадцатым столетием, хотя сам термин появился в период существования Лиги Наций. Самым первым МНПО считается Общество против рабства, образованное как британское и иностранное общество против рабства в 1839 году (хотя общественные движения против рабства существовали и ранее). Международный комитет Красного Креста был образован в 1864 году. К 1874 году было зарегистрировано 32 МНПО. К 1914 году их количество возросло до 1083⁹⁵. Наблюдался постепенный рост количества МНПО и после Второй мировой войны. Настоящий же бум наблюдался в 1990-е годы. Поч-

ти четверть из существующих сегодня 13000 МНПО были созданы после 1990 года. В течение 1990-х годов МНПО стали гораздо теснее связаны друг с другом и с международными институтами типа ООН или Мирового банка.

МНПО являются лишь одним из компонентов глобального гражданского общества. Граждане, группы на местах, коалиции и сети также играют важную роль в глобальных дебатах.

Общественные движения как элементы глобального гражданского общества могут быть консервативными, революционными или обоими сразу, или ни теми и ни другими. Не существует заранее определенного направления общественной эволюции. Единственный смысл истории - история, которую мы ощущаем. Поэтому с аналитической перспективы не существует "хороших" или "плохих" общественных движений. Все они являются проявлениями обществ и все оказывают влияние на общественные структуры⁹⁶.

Глобализация преступности подрывает государство-нации, трансформируя процесс управления. Новым является влияние преступности на политику. Новым являются также и глобальные связи организованной преступности, то, что она во многом определяет международные отношения (экономические и политические) в силу размеров и динамики криминальной экономики⁹⁷.

Другой показатель роста глобального гражданского общества - так называемые *параллельные саммиты*. Это встречи МНПО, других групп и граждан, которые чаще всего проходят параллельно важным межправительственным встречам. Так же как и МНПО, параллельные саммиты имеют долгую историю. Еще на Гаагской мирной конференции 1899 года неправительственные группы организовали параллельный салон для дипломатов, чтобы те встречались с заинтересованными гражданами, подавали петиции и выпускали ежедневную независимую газету. Подобные события происходили и после этого. Однако лишь в 1990-х годах встречи в верхах и параллельные саммиты стали обычным явлением. Количество параллельных саммитов возросло примерно с двух в год в период 1988-91 годов до около 30 в год в период 2000-2001 годов. Возросло и количество их участников.

За последнее время значительно возросла роль супранационального процесса принятия решений. Это является результатом передачи властных полномочий новым межправительственным организациям, таким, как ЕС или ВТО, а также возникновения неформальных супранациональных центров принятия решений, таких, как G7/G8. Эти новые суп-

ранациональные центры принятия решений остаются во многом скрыты и неподотчетны демократическим нормам. Решения же принимаются правительственными чиновниками и международными технократами. Наиболее заметная модель такого взаимодействия - встреча на высшем уровне. Такие саммиты представляют собой институционную инновацию, сочетающую в себе легитимность супранациональной организации, гибкость неформальной встречи и заинтересованность общественности в нынешних глобальных проблемах. Более того, такие саммиты являются частью неформального процесса принятия решений по супранациональным вопросам. Роль саммитов заключается в следующих задачах (многие из которых могут сочетаться друг с другом):

1. Определение проблемы. Например, Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро 1992 года определила природу и возможные решения проблем, связанных с окружающей средой.

2. Установление правил. Например, конференция ВТО в Сингапуре в 1998 году определила правила новой либерализованной торговой системы.

3. Определение направлений политики. Саммиты определяют направления политики на национальном уровне. Решения МВФ во многом привели к определенным политическим действиям отдельных государств по дерегуляции финансовых потоков, приватизации и сокращения расходов на социальную сферу.

4. Обеспечение выполнения принятых решений. К механизмам относятся дипломатическое давление, эмбарго или военное вмешательство, при этом часто игнорируется СБ ООН.

В результате саммиты стали важной частью изменения баланса сил от национального к международному процессу принятия решений. Однако правила и природа большинства саммитов (за исключением, пожалуй, проводящихся под эгидой ООН) приводит к доминированию западных стран, особенно США, в процессе принятия решений.

Для противостояния растущей силе официальных саммитов организации гражданского общества стали проводить параллельные саммиты. Такие саммиты могут быть определены как события:

- организованные национальными и международными группами гражданского общества, имеющие международный характер и независимые от действий государств и фирм;

- совпадающие или связанные с официальными саммитами правительств или международных институтов;

- затрагивающие те же фундаментальные проблемы, что и официальные саммиты;

- использующие средства политической мобилизации или протеста, информирования общественности, выработки альтернативных предложений;

- с формальными контактами с официальными саммитами или без них.

В Конференция ООН по развитию личности, проходившей в Стокгольме в 1972 году, приняло участие несколько сотен НПО, активных как на официальных заседаниях, так и вне их⁹⁸. Последующие саммиты типа Первой мировой конференции женщин (Мехико, 1975 год) и последовавшие конференции в Копенгагене (1980 год) и Найроби (1985 год) сопровождались крупными форумами НПО⁹⁹.

Значительные изменения произошли после встречи Мирового банка в Западном Берлине 1988 года, когда германские и европейские новые левые организовали альтернативную конференцию и уличные демонстрации с участием 80000 человек¹⁰⁰. Следующей ступенью было развитие международных сетей. Прорыв в этом направлении произошел в 1990 году во время встречи МВФ и Всемирного банка. На параллельном саммите, организованном Центром банковской информации в Вашингтоне, впервые организации гражданского общества Севера и Юга работали вместе для противостояния политике МВФ и ВБ.

Сильнейший импульс развитие параллельных саммитов получило в начале 1990-х годов с проведением крупных тематических конференций ООН. К примерам можно отнести следующие конференции и сопутствующие им параллельные саммиты:

- Конференция по окружающей среде и развитию в Рио в 1992 году;
- Конференция по гражданским правам в Вене 1993 года;
- Копенгагенская конференция по общественному развитию 1995 года;
- Пекинская конференция по женщинам того же года.

Саммиты параллельные саммитам "большой семерки" проходили в Лионе в 1996 году, в Денвере в 1997 году, в Бирмингеме в 1998 году, в Кельне в 1999 году. Сизтл был кульминацией этого процесса.

Параллельные саммиты в результате своего развития стали ареной, на которой появляющееся глобальное гражданское общество борется за самоорганизацию с целью противостоять глобальным силам и выработать свой собственный политический проект¹⁰¹.

Глобальное гражданское общество лучше всего поддается *категоризации по типам его акторов и по их позициям в отношении глобализации*.

Первая группа, *сторонники глобализации*, состоит из групп и граждан, которые поддерживают глобализацию. К ним относятся союзники ТНК, сторонники "справедливой войны за гражданские права", энтузиасты технологического развития. Обычно эти акторы гражданского общества близки к правительствам и бизнесу.

Вторая группа, *противники глобализации*, состоит из тех, кто желает обратить глобализацию вспять и вернуться к миру государств-наций. К этой группе относятся новые правые, которые позитивно относятся к капитализму, но выступают против открытых границ и распространения глобального правового порядка. Сюда же относятся и левацкие группировки, которые отвергают глобальный капитализм. В группу также входят националисты и религиозные фундаменталисты, так же как и традиционные левацкие антиколониальные движения и коммунисты, которые отвергают вмешательство во внутренние дела суверенных государств.

Третья группа, *реформисты*, является самой большой группой глобального гражданского общества. Они принимают распространение глобального капитализма как потенциально благоприятное для человечества, но видят необходимость в придании процессу более "цивилизованных" форм.

Последняя группа, *альтернативщики*, не поддерживает и не препятствует процессу глобализации. Они остаются за его рамками и стремятся действовать независимо от правительств, международных институтов, ТНК и т.д.

Можно выделить три типа акторов глобального гражданского общества:

1. Организации защиты проблемы (Advocacy organizations), которые пытаются повлиять на процесс выработки и проведения политики в соответствии со своими программными целями¹⁰².

2. Обслуживающие организации (Service organizations), которые концентрируются на предоставлении услуг другим организациям или группам граждан и на выполнении конкретных программ¹⁰³.

3. Незаконные самоуправляемые организации, которые пытаются создать сферу действий, где нормы и правила устанавливают они сами и в которых ограничено воздействие государственной и международной систем права. Конечно, они пытаются влиять на правительства в соот-

ветствии со своими конкретными интересами, но это, скорее, является вспомогательной стратегией¹⁰⁴.

Являясь новой концепцией, глобальное гражданское общество интерпретируется обществоведами и политиками, так как им это бывает удобно. Политики (особенно на Западе) рассматривают глобальное гражданское общество как распространение нечто такого, что уже существует на Западе, особенно в США. Поддержка гражданского общества рассматривается как некий политический эквивалент неолиберализму в экономике. Гражданское общество рассматривается как ограничитель роли государства (ограничивая его полномочия и беря на себя часть его функций). Сами активисты гражданского общества, напротив, считают его призванным не ограничивать роль государства, а делать политические институты более ответственными. Целью является радикализация демократии и перераспределение политической власти¹⁰⁵. На глобальном уровне это ведет к потребности влиять на глобальные институты.

В последние годы международные НПО стали важным механизмом, перераспределяющим финансовые потоки из стран ОЭСР в развивающиеся страны и переходные экономики Центральной и Восточной Европы¹⁰⁶. Рост и распространение ТНК, международных организаций, МНПО привел к образованию большого числа профессионалов, которые тратят большую часть своего рабочего времени в организациях, имеющих мало общего со страной происхождения этих профессионалов.

Национальные гражданские общества и появляющееся глобальное гражданское общество объединены в *комплексную систему взаимосвязей*. Наиболее жизнеспособные местные гражданские общества имеют и наиболее сильные связи с глобальным гражданским обществом. Таким образом, развитие гражданского общества в рамках европейских государств и империй с самого начала содержало в себе предпосылки его транснационализации.

В отличие от испанских колоний, которые были продуктом абсолютной монархии, Британская империя, например, развивалась также и под воздействием частных негосударственных инициатив (Вирджинская компания, Восточная Индийская компания) или религиозных стимулов (пуритане в Новой Англии, квакеры в Пенсильвании).

Группы, организации и инициативы, которые и составляют глобальное гражданское общество, по-разному взаимодействуют с правительственными структурами на местном, национальном, региональном и супранациональном уровнях. Некоторые сектора глобального граждан-

ского общества открыто враждебны власти государственных институтов. Другие сотрудничают с правительствами, либо получая правительственные контракты, либо напрямую входя в правительственные структуры¹⁰⁷. Третьи вообще являются продуктами государственных объединений (например, Ассоциация воздушного транспорта).

В отличие от традиционных гражданских обществ, которые развивались в рамках устоявшихся империй или государств, глобальное гражданское общество появилось в условиях отсутствия глобального государства или мировой империи. Поэтому, хотя глобальное гражданское общество и вынуждено взаимодействовать с государствами, оно отрицает главенство государства или их суверенных прав над "суверенными" правами граждан и сообществ¹⁰⁸.

Глобальное гражданское общество также является побочным продуктом действий (или бездействия) государств. Правительственные институты иногда выступают в роли катализаторов действий глобального гражданского общества, например организуя глобальные конференции, подобные глобальному форуму 1992 года в Рио-де-Жанейро и последующим конференциям в Пекине и Каире.

Взаимодействие между глобальным капитализмом и гражданским обществом происходит в двух пунктах. В первом — общество реагирует на рынок в частной и общественной сферах: консьюмеризм, атомизация, эрозия общественных служб, государство-центричные модели демократии. Во втором — общество реагирует на такие социально-экономические последствия капитализма, как бедность, неравенство, нестабильность.

Во-первых, имеется ощущение, что либеральная демократия отстает от развития неолиберальной экономики и даже ставится ей под угрозу. Во-вторых, отказ от государственных ответов на противоречия капитализма (государство всеобщего благосостояния на Севере, государственные программы развития на Юге) создает зоны бедности как в бедных, так и в богатых странах. Хотя общий уровень благосостояния и возрастает, ситуация внизу социальной лестницы становится все хуже. Расширяется разрыв между богатыми и бедными как внутри стран, так и между ними.

Односторонний упор на свободный гражданский выбор населения не учитывает другие планетарные силы, которые ограничивают или способствуют действиям граждан. Это относится, в первую очередь, к рыночным силам.

В предшествующие эпохи рынки были встроены в сети государственных отношений и действий правительств. В эпоху так называемого турбокапитализма¹⁰⁹ рынки, наоборот, становятся неукорененными в социальной структуре.

Дракер описывает так называемую "символьную экономику" как глобальную экономику, которая находится под действием потоков невидимых капиталов (и технологии). Такая движимая информацией экономика переплетается с реальной экономикой (то есть с потоками товаров и услуг). Структура знаний доминирует над другими структурами, такими, как финансы и производство¹¹⁰.

С ростом либерализации и дерегуляции, конкуренция в области применения инноваций чрезвычайно обострилась. Для фирм одним из ключевых элементов международной корпоративной стратегии становится образование "основанных на знаниях сетевых олигополий"¹¹¹. Эти олигополии объединяет несколько характеристик:

- 1) они связаны с сотрудничеством в развитии, использовании и контроле над эволюцией нового знания;
- 2) они состоят из сетей фирм, а не из индивидуальных компаний;
- 3) они стараются не создавать статические барьеры для входа на свой рынок, а формируют будущие стандарты и правила конкуренции, которые становятся динамичными барьерами¹¹².

Некоторые исследователи¹¹³ высказывают сомнения о том, могут ли потенциально деструктивные рыночные силы принадлежать к категории глобального гражданского общества. В этом проявляется традиция, заложенная еще Грамши, разделения гражданского общества, как области бесприбыльных негосударственных организаций, и рынка, как сферы производства и обмена с целью извлечения прибыли. Вряд ли это оправдано. Во-первых, это предполагает, что глобальное гражданское общество сможет функционировать без денег и механизмов обмена. Во-вторых, сами рынки всегда являются особой формой общественных и политических взаимодействий. Поэтому глобальное гражданское общество не сможет функционировать без рыночных сил, выпущенных на свободу турбокапитализмом. В свою очередь, современный капитализм не может существовать без институтов глобального гражданского общества¹¹⁴. Ни один бизнес (в том числе и глобальный) не может существовать без наличия нерыночного окружения гражданского общества, в котором этот бизнес укоренен.

Политическая сила регионального и глобального рынков проявилась частично через реориентацию взглядов части лидеров государственного

уровня, давшая им чувство миссии, основанной на нетерриториальных приоритетах и мировоззрении глобализации. В результате территориальные приоритеты и идентичности многих граждан также ослабли¹¹⁵.

Хотя современный капитализм и способствует развитию глобального гражданского общества, он также является в этом обществе противоречивой силой. Он хищнически использует ресурсы, нанося ущерб развитию глобального гражданского общества.

По отношению к глобальному капитализму различные элементы глобального гражданского общества можно разделить на четыре группы: изоляционисты, сторонники, реформисты и альтернативщики.

Изоляционисты включают остатки коммунистических и сталинистских групп, а также некоторые экологические движения, мозговые центры, антиглобалистские группы, местные общественные движения и граждан. Изоляционисты являются единственным ответом глобального гражданского общества на глобальный капитализм, который является открыто антиглобалистским. При этом они призывают отказаться от существующего глобального экономического порядка. В своей оппозиции МВФ и Мировому банку левые изоляционисты парадоксально находят себе союзников среди крайне правых и сторонников глобального капитализма.

Сторонники глобального капитализма включают в себя достаточно мало НПО и совсем не включают общественные движения. К ним относятся, прежде всего, мозговые центры, СМИ и граждане, лоббирующие интересы бизнеса. К примерам можно отнести Американский предпринимательский институт, "Экономист", "Уолл-Стрит Журнал", Центр гражданского общества в Индии. Хотя обычно внимание акцентируется на противоречии интересов глобального гражданского общества и глобального капитализма, взаимоотношения между ними не всегда негативны. Гражданское общество может выигрывать в случае распространения рынка в бывших авторитарных странах. Кроме того, считается, что капитализм более эффективен, чем такие альтернативы, как феодализм или централизованное планирование. Поэтому и необходима поддержка глобального капитализма. Хотя сторонники и изоляционисты и занимают крайние стороны возможных ответов на глобальный капитализм, часто их позиции совпадают. По совершенно различным причинам они отвергают все формы глобального управления, призванного смягчить негативные последствия глобального капитализма.

Большинство движений, организаций, активных на глобальной арене, могут быть причислены к группе реформистов. Они включают

большинство профсоюзов и близких к ним мозговых центров (например, Институт политических исследований), организаций содействия развитию (Оксфам), индивидов (Д. Сорос). В отличие от изоляционистов, они не призывают к радикальным изменениям существующего общественного порядка. Они предлагают набор инициатив в области глобального управления, таких, как налог Тобина или регулирование деятельности ТНК, многие из которых потребуют для своего выполнения создания глобального государства.

Альтернативщики существуют и как организации (например, Сапатиста), и как сети, которые становятся активными только в течение определенной кампании, и как определенные образы жизни. Они обеспокоены политическими и культурными последствиями капитализма не меньше, чем его экономическими последствиями.

Использование новых информационных технологий гражданским обществом во многих случаях было более успешным, чем традиционными институтами. Многие черты Интернет которые делают его особенно полезным для гражданского общества, являются результатом самой технологической архитектуры сети. С изменением этой архитектуры пригодность сети для гражданского общества может снизиться. Одной из причин такого изменения может быть бурное развитие электронной коммерции.

В тех областях, где "информация является силой", развитие сети в какой-то мере выровняло условия, в которых маргинальные общественные организации конкурируют с традиционными СМИ, с правительствами и с бизнесом за общественное внимание.

Как среда коммуникации Интернет:

- 1) облегчает доступ к опубликованным данным, информации и знаниям;
- 2) снижает барьеры для публикации и позволяет гражданам и группам обойти традиционные препоны;
- 3) облегчает быструю связь в планетарном масштабе;
- 4) облегчает совместное использование информационных ресурсов;
- 5) способствует образованию и поддержанию "виртуальных сообществ" людей и интересов с общими интересами.

Главный вызов Интернет неправительственным организациям в том, что уникальная информация, которой они когда-то владели единолично, может быть широко доступна в Интернет.

Дискуссии вокруг "виртуальных сообществ" строятся вокруг вопроса, являются ли такие сообщества тем же, что и реальные, то есть общественные группы, базирующиеся в конкретном географическом месте. На практике противоречие между реальным миром и виртуальными сообществами не так велико, как кажется. Более того, люди часто используют Интернет, чтобы дополнять, а не перестраивать сложившийся образ жизни и социальные взаимодействия.

В частности, защитники гражданских прав используют сеть для нескольких целей:

- 1) списки электронной рассылки и дискуссионные списки как способ передачи информации отдельным гражданам или большим аудиториям;
- 2) веб-сайты как место публикации и источник надежной информации;
- 3) комбинированное использование электронной почты и веб-сайтов для проведения кампаний в защиту гражданских прав;
- 4) поддержка сообществ по защите гражданских прав как в виртуальном, так и в реальном мире.

Учитывая дешевизну, эффективность и неконтролируемость Интернет, неудивительно, что его часто используют в кампаниях по защите гражданских прав, особенно в условиях, когда многие правительства и корпорации пока этого не делают. Показательной является встреча в Сиэтле. Она продемонстрировала возможность объединения и координации усилий множества организаций, выступающих против ВТО.

В настоящее время возможности сетевых технологий доступны лишь небольшой части человечества. По разным оценкам, это от 2 до 6 процентов населения планеты¹¹⁶. Это неравенство доступа проявляется как внутри обществ, так и между регионами и странами. В обществах доступ к Интернет разделяет образованных и необразованных, мужчин и женщин, богатых и бедных, жителей города и сельской местности¹¹⁷. Однако, это разделение имеет и международное измерение. В 1998 году промышленно развитые страны имели 88 процентов пользователей Интернет при 15 процентах мирового населения. В Северной Америке с ее 5 процентами населения планеты сосредотачивалось более 50 процентов мирового количества пользователей Интернет. В Южной же Азии с 20 процентами мирового населения был лишь 1 процент мирового количества пользователей Интернет. Это приводит к тому, что Интернет находится и будет находиться в ближайшем будущем под доминированием Запада и Севера, а также очень незначительных элит Юга.

Поскольку многие группы гражданского общества берут свое начало в академической среде, они являются энтузиастами использования Интернет. Правительства же, с одной стороны, рассматривают сеть как двигатель экономического роста, который может изменить баланс сил в пользу их стран. С другой стороны, они рассматривают Интернет как потенциально дестабилизирующую силу, подрывающую традиционные политические и правовые структуры и размывающую официальный контроль. Существует несколько возможных ответов правительств на развитие Интернет.

Авторитарные режимы пытаются напрямую контролировать доступ населения к Интернет и его использование. Более либеральные правительства пытаются принимать законы, которые делают некоторые виды деятельности в сети незаконными. Примером может быть принятый в Великобритании Regulation of Investigative Powers Act 2000. Он дает правительству полномочия перехватывать и читать электронную почту и другой онлайн-трафик. Граждане, согласно этому закону, обязаны предоставлять правительству, под страхом тюремного заключения, ключи к зашифрованным посланиям. Провайдеры же Интернет-услуг обязаны устанавливать специальное оборудование для передачи данных в М15. Поскольку все пользователи Интернет получают доступ к сети через провайдеров, которые являются частными или общественными компаниями и обязаны подчиняться существующим законам, обойти этот закон практически невозможно. Дни, когда люди думали, что Интернет полностью неподвластен правительственному контролю, миновали.

Как результат развития электронной торговли киберпространство, бывшее наиболее открытым и неподвластным цензуре общественным местом в истории человечества, может стать наиболее контролируемым окружением. Раньше представители глобального гражданского общества считали, что Интернет в его нынешних формах – некая данность, и единственная проблема — его эффективное использование. Однако открытость Интернет связана с изначальной открытостью его технической архитектуры. Однако существуют силы, стремящиеся к изменениям этой архитектуры, с тем чтобы сделать систему более закрытой и контролируемой. И однажды представители глобального гражданского общества могут обнаружить, что сеть эволюционировала во что-то, не совсем совместимое с их ценностями.

Хотя киберпространство и отличается от реального мира, имеется и множество схожих черт. Множество противоречий между гражданским обществом и корпорациями и правительственными агентствами,

существующих в реальном мире, находят отражение в мире виртуальном.

Для международных организаций существует множество ответов на вызовы глобального гражданского общества. Они могут сопротивляться давлению и опираться на свой формальный мандат, данный им государствами. Это наиболее вероятно для больших организаций. Примером могут служить МВФ и ВТО. Подобная политика приведет к радикализации конфликта с глобальным гражданским обществом.

Вторая возможность для международных институтов – реформирование собственных правил, процедур и политики с целью удовлетворения некоторых требований глобального гражданского общества, интегрирование и кооптирование некоторых организаций этого общества. Обычно эту политику проводят агентства ООН (в какой-то степени и Мировой банк).

Третий выход – более активное участие международных организаций в переосмыслении проблем глобального управления и сотрудничество с группами глобального гражданского общества. К примерам можно отнести такие агентства ООН, как ЮНИСЕФ, Программа ООН по развитию.

При этом международные организации могут быть дестабилизирующей силой, когда они интенсифицирует диспуты. В силу того что международные организации могут давать моральные оценки по внешнеполитическим позициям государств, они часто используются государствами для защиты собственных интересов. Например, ООН исторически использовалась как инструмент холодной войны, когда каждая сверхдержава пыталась организовать голосование в свою пользу, создавая для этого альянсы против другой сверхдержавы¹¹⁸.

Окружение, в котором организации глобального гражданского общества пытаются найти источники финансирования, по определению многонациональное. На операционном уровне организации глобального гражданского общества требуют больших финансовых ресурсов, чем местные организации гражданского общества. Дополнительные средства необходимы для оплаты командировок и международной связи. В дополнение к этому существуют дополнительные расходы, связанные с изменениями в обменных курсах. Бюджеты многих НПО гораздо больше, чем, например, бюджеты специализированных агентств ООН. В 1994 году бюджет программы ООН по охране окружающей среды был 75 млн.долл, в то время как бюджет Гринписа был 100 млн.долл.¹¹⁹

Основные формы финансирования включают в себя гранты, поддержку существующих программ, займы, членские взносы, подписку, пожертвования и работу волонтеров.

После Второй мировой войны институты, подобные Мировому банку или МВФ, были заинтересованы в поиске партнеров по выполнению своих задач. "Индустрия развития" открыла для себя гражданское общество во многом случайно. В результате организации, финансирующие иностранную помощь, стали во все большей степени полагаться на местные НПО для выполнения своих программ. Выполнялись проекты, которые требовали достаточно квалифицированных людей. В НПО открывались все новые и новые вакансии. Огромные суммы денег (в районе 50 млрд. долл. ежегодно) привели к созданию соответствующей инфраструктуры. Сейчас существуют тысячи организаций, которые по идеологическим причинам или по причинам, связанным с налогообложением, предпочитают работать в качестве неприбыльных организаций. Иногда они конкурируют с коммерческими организациями, предоставляющими те же услуги.

Развитие информационных технологий сделало возможным появление специальных веб-сайтов, облегчающих процесс пожертвований. Примером может быть сайт GuideStar, основанный еще в 1994 году.

Государства на национальном и местном уровне выделяют гранты и предоставляют контракты или напрямую, или через посреднические организации. К другой форме государственной поддержки относится льготный налоговый режим для НПО.

Прямая иностранная помощь всегда была мотивирована собственными интересами доноров. Исторически такая помощь осуществлялась во имя поддержки бедных, но ее оказание сопровождалось рядом условий, благоприятствовавших самим донорам. Иностранная помощь во все большей степени администрируется НПО. В 1999 году Норвегия, например, выделила 24 процента своей иностранной помощи через НПО, Швеция – 29 процентов, а Финляндия 11 процентов¹²⁰.

Между 1994 и 1999 годами активы американских фондов почти удвоились и достигли 385 млрд.долл.¹²¹ Гранты фондов также возросли с 11,3 млрд.долл. до 22,8 млрд.долл. за это же время. В 2000 году они достигли 27,6 млрд.долл.¹²²

Международные агентства и кредиторы обратились к идее гражданского общества. В своих попытках улучшить эффективность программ развития они пытаются обойти центральные правительства и предоставлять помощь напрямую тем, кого они определяют как составные час-

ти гражданского общества: частным предприятиям и организациям, церкви, объединениям работников, НПО¹²³.

Сообщество ученых, консультантов и общественных деятелей, влияющих на процесс принятия решений государств, международных агентств, НПО, сконструировали дискурс вокруг роли, которую гражданское общество играет в процессе социальных, экономических и политических изменений в постколониальных обществах. В силу влияния этого сообщества на выработку приоритетов оказания иностранной помощи, концепция гражданского общества занимает уникальную нишу в современной политической теории. Кроме того, облегчается передача этой идеи в страны, принимающие помощь¹²⁴.

Для того чтобы обосновать свое доверие гражданскому обществу во множестве различных миссий, USAID, например, придает термину целый ряд значений. Каждое из них зависит от контекста¹²⁵.

В целом, можно отметить, что концепцию глобального гражданского общества окружает множество неясностей. Является ли оно обществом в том смысле, что оно имеет широко признаваемые конституирующие принципы, затрагивающие такие вопросы, как членство и взаимодействие между членами? Является ли глобальное гражданское общество независимым феноменом, или оно должно рассматриваться в паре с международным обществом? Является ли оно независимым, или его лучше рассматривать как набор тенденций, модифицирующих характер международного общества? Можно ли вообще определить концепцию глобального гражданского общества с достаточной точностью, чтобы отличать его от международного общества?¹²⁶

Концепция глобального гражданского общества подчеркивает опасность того, что теория режимов может целиком сконцентрироваться на государствах, полагая, что членство в международных режимах должно быть зарезервировано только за государствами.

Так же как международные режимы были призваны решать проблемы, возникающие в международном обществе, транснациональные режимы должны решать проблемы глобального гражданского общества. В качестве примера можно привести глобальный режим страхования, который возник в ответ на рост мировой торговли в послевоенный период.

Вопрос о том, может ли глобальное гражданское общество быть механизмом управления, требует четкого разделения между режимами, с одной стороны, и международным обществом и глобальным гражданским обществом — с другой. Это во многом аналогично разделению между государством и обществом во внутренней политике¹²⁷.

Глава 9. Структурно-функциональное взаимодействие международных институтов и элементов глобального гражданского общества: новые возможности ООН

Пример попыток реформирования ООН с целью сделать сотрудничество между этой организацией и элементами глобального гражданского общества во многом показателен. Он высвечивает те проблемы, с которыми неизбежно столкнется любая попытка обеспечить партнерство между формализованными институтами глобального управления и глобальным гражданским обществом.

В январе 1999 года, выступая на Мировом экономическом форуме в Давосе, Генеральный секретарь ООН К.Аннан предложил заключить глобальный пакт между ООН, бизнесом и гражданским обществом для решения проблем защиты окружающей среды, гражданских прав и прав работников. В этом предложении проявилась трехзвенная модель взаимодействия международной организации, гражданского общества (в лице НПО и профсоюзов) и бизнеса¹²⁸.

НПО участвовали в создании ООН. На конференции в Сан-Франциско в 1945 году присутствовали представители 1200 организаций¹²⁹. Механизм признания "консультативного статуса" при ЭКОСОС существовал с самого основания ООН. В первые десятилетия работы

ООН большинство НПО, представленных в работе организации и имевших консультативный статус, были крупными организациями, такими, как Ротари, Международная конференция свободных профсоюзов, Международная торговая палата. Многие из этих организаций имели занятый полный рабочий день штат, состоящий в большинстве своем из бывших сотрудников ООН¹³⁰. В основном это были большие организации, находившиеся на Западе (большая часть — в США), которые в основном занимались гуманитарной работой. Однако в период начиная с Конференции по проблемам женщин в Мехико в 1975 году и до Конференции ООН по окружающей среде и развитию и саммита в Рио-де-Жанейро в 1992 году, все большее количество НПО проявляло интерес к работе ЭКОСОС и конференциям ООН. Многие из этих НПО были не международными, а национальными. Увеличилось и число НПО из Африки, Азии и Латинской Америки¹³¹. К настоящему времени консультативный статус имеют более 1600 организаций. Количество же организаций, стремящихся к такому статусу, еще больше. В основном это небольшие организации, находящиеся на Юге и занимающиеся достаточно широким кругом вопросов.

К 1990-м годам относится и появление организаций, которые видят себя представителями "гражданского общества". Они требуют большего доступа к информации, процессу принятия решений и праву давать консультации. В 1990-м году существовало более 90 офисов ООН, осуществлявших связи с НПО. В 1995 году 4000 НПО участвовали в Четвертой мировой конференции по женщинам в Пекине¹³².

Конференции ООН по развитию, начиная с конференции в Стокгольме 1972 года, были ключевыми событиями для увеличения вовлеченности НПО в систему ООН. После того как "шлюзы были открыты" на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 году, более 1400 НПО было аккредитовано при ООН. Вслед за конференцией Генеральная Ассамблея приняла резолюцию, обеспечивавшую участие НПО в работе новой комиссии по устойчивому развитию, и дала 550 НПО, участвовавшим в конференции, консультативный статус в ЭКОСОС. Обычная процедура предоставления такого статуса была обойдена, что создало важный прецедент¹³³.

Таким образом, с середины 1990-х годов система столкнулась с резким увеличением числа НПО, стремящихся к консультативному статусу, и их растущим многообразием. В 1949 году согласно статье 71 Устава ООН (единственное место Устава, где упоминаются НПО) при Экономическом и социальном совете ООН было зарегистрировано 90 НПО с консультативным статусом. К 1997 году их уже было более 1500¹³⁴.

Процесс пересмотра правил, регулирующих взаимоотношения между ООН и НПО, начался в 1993 году. В ходе этого процесса выявилось несколько вопросов, на которые не найден ответ до сих пор: являются ли НПО разновидностью лоббистских организаций, или они действительно отражают интересы населения, и их мнение должно учитываться? какие из НПО должны быть признаны? как держать этот процесс открытым и равным?

В 1992 году на саммите в Рио была создана Комиссия по устойчивому развитию и были определены девять основных групп, которые должны были выступать партнерами правительств и международных организаций в списке путей такого устойчивого развития: НПО, местные власти, фермеры, научное и техническое сообщество, бизнес и профсоюзы, аборигены, женщины, дети и молодежь¹³⁵.

До недавнего времени деятельность НПО в штаб-квартире ООН регулировалась резолюцией тридцатилетней давности (резолюция ЭКОСОС 1296 1968 года). 30 июля 1993 года было решено начать межправительственные переговоры по расширению прав НПО (ЭКОСОС Res E/1998/80). Однако конфликт между разными группами НПО помешал достигнуть значимых результатов. В результате 25 июля 1996 года была принята компромиссная резолюция (ЭКОСОС E/1996/297), призывавшая Генеральную Ассамблею обеспечить условия для участия НПО "во всех сферах деятельности ООН"¹³⁶.

Наконец, в конце 1997 года Генеральная Ассамблея приняла решение (A/52/E.71) поручить Генеральному секретарю провести исследование по участию НПО. Результатом был двадцативосьмистраничный доклад, выпущенный 10 июля 1998 года. Вкратце предложения Генерального секретаря сводились к усилению секретариата для обеспечения нужд НПО, ускорению их доступа к информации, увеличению количества консультативных членов, созданию специального фонда для облегчения работы НПО из развивающихся стран. Однако действия по этому докладу были отложены сначала на год, а затем и на неопределенное время (A/53/E.68)¹³⁷.

Проходивший с 22 по 26 мая 2000 года в Нью-Йорке Форум тысячелетия имел целью "предложить новые возможности для организационной структуры, посредством которой люди могли бы более эффективно участвовать в глобальном процессе принятия решений в контексте системы ООН"¹³⁸.

Существовало несколько причин отсутствия успехов по реформированию отношений ООН с НПО.

Во-первых, существовали разногласия между государствами — членами ООН и НПО по конкретным вопросам.

Во-вторых, конфликт между старыми и новыми НПО привел к образованию двух групп. Первой была Конференция неправительственных организаций с консультативным статусом при ООН (CONGO), организация, контролировавшаяся международными (но находящимися на Западе) НПО с длительной историей отношений с ООН. Они опасались подрыва своих позиций при росте влияния новых организаций. Другая группа — организации, только стремящиеся к обретению консультативного статуса. Они рассматривали представителей первой группы как элиту, стремящуюся сохранить свои позиции. Кроме того, западные группы, как правило, функционировали на международном уровне, в то время как новые группы действовали в основном в одной стране. Хотя западные НПО не могли открыто бороться против включения в систему ООН этих незападных организаций, они выступали против включения "национальных" НПО. Результатом трех лет дебатов были поправки к правилам предоставления консультативного статуса. Они подтвердили привилегированное положение международных НПО, дав им "общий" консультативный статус. Устоявшиеся национальные НПО получали "особый" консультативный статус с более ограниченными правами. Третья группа имела ограниченный доступ к работе ЭКОСОС¹³⁹.

В третьих, дополнительным препятствием стали финансовые проблемы ООН и нажим со стороны США с целью сократить расходы. ООН начала вводить плату за доступ к своей электронной информационной системе, снижать тираж публикуемых документов и даже пытаться ввести плату для НПО за все расходы, которые ООН несет в связи с их деятельностью. В 1997 году Генеральный секретарь объявил, что ООН больше не будет проводить глобальные конференции, которые Конгресс США считал пустой тратой ресурсов¹⁴⁰.

В-четвертых, имели место конфликты между НПО и конкретными работниками Секретариата, которым работа с НПО значительно осложняла жизнь¹⁴¹.

Как межправительственная организация ООН отражает пересекающиеся интересы государств-членов, особенно членов СБ. Как транснациональная организация ООН также должна представлять общие интересы, выходящие за рамки простой суммы интересов отдельных государств. Такие транснациональные интересы ставятся на повестку дня

НПО, специализированными агентствами ООН, афилированными организациями, бюрократией и офисом Генерального секретаря. Во многих случаях транснациональные интересы (такие, как гражданские права или гуманитарная помощь) вступают в конфликт с более традиционными межправительственными функциями ООН (безопасность). В таких случаях ООН просто не способна функционировать эффективно¹⁴².

Координация в системе организаций ООН значительно затруднена в силу того, что специализированные агентства не подчиняются Генеральному секретарю и не обязаны сотрудничать. Теоретически ООН решила проблему созданием нового Управления по координации гуманитарных вопросов. Однако фактически бюджет нового управления был значительно сокращен под нажимом агентств, которые увидели в нем угрозу своей автономии¹⁴³.

После 1996 года стало ясно, что призывы Генерального секретаря к партнерству между НПО и ООН не переросли в конкретные действия. Те делегации, которые ранее поддерживали эту идею, стали более осторожны.

Однако идея реформирования ООН не умерла. Генеральный секретарь К. Аннан начал кампанию за глобальный пакт, заявив: "ООН когда-то имела дело только с правительствами. Сейчас мы знаем, что мир и процветание не могут быть достигнуты без партнерства, вовлекающего правительства, международные организации, деловое сообщество и гражданское общество". В то же время новая сеть НПО начала Форум тысячелетия, проект по более глубокому включению НПО в функционирование ООН. Далее начался UN Vision Project on Global Public Policy Networks, начатый в июле 1999 года при поддержке Программы ООН по развитию, Мирового банка и ряда фондов, который сделал ряд предложений. Форум тысячелетия, таким образом, был типичным продуктом деятельности НПО. Его предложения по реформированию ООН были достаточно расплывчаты и трудноосуществимы. Концепция реформы, предложенная форумом, заключалась в прямом участии организаций, представляющих глобальное общество, без предоставления самим гражданам права выбирать, кто их будет представлять. Список таких организаций был основан не на функциональном, а на бюрократическом принципе, то есть представительство должно было основываться на типе организаций, а не на социальных группах, которые они должны были представлять.

UN Vision Project on Global Public Policy Networks подготовил в мае 2000 года доклад Critical Choices: The United Nations, Networks, and the

Culture of Global Governance, предлагавший создание трехзвенных структур, включающих в себя общественный сектор (государства и международные организации), гражданское общество (НПО и т.д.), частный бизнес (корпорации и их ассоциации). Подобные сети должны были прикрыть две брешы, существовавшие в процессе глобального управления - недостаток знаний и недостаток участия¹⁴⁴. Проект Форума тысячелетия призван радикально изменить распределение властных полномочий в ООН. Проект же ООН не является столь радикальным. Он лишь призван привести сети, связанные с решением конкретных политических вопросов (которые уже показали свою эффективность), под эгиду существующих международных институтов. Таким образом, они смогут иметь некоторое влияние на процесс принятия решений. Но главная же цель проекта — укрепление институтов.

Подводя итоги рассмотрения возможного взаимодействия институтов глобального управления и элементов глобального гражданского общества, можно отметить, что тема эта пока еще не разработана ни с теоретической точки зрения, ни в практическом плане. Существующие международные институты объективно не способны справиться с возрастающими потребностями в эффективном глобальном управлении (особенно в политической сфере и в области безопасности). Единственным выходом как раз и может быть конструктивное взаимодействие между этими институтами и элементами глобального гражданского общества. Именно такое взаимодействие, по нашему мнению, способно обеспечить безопасность личности.

Необходимо, однако, учитывать, что механизмы подобного взаимодействия пока еще не отработаны. Имеющийся опыт является скорее опытом ошибок и просчетов. Кроме того, обеспечение подобного взаимодействия неизбежно приведет к дальнейшим изменениям мировой системы, ослаблению (или значительному изменению) роли государств, преобразованию системы межгосударственных отношений.

Примечания

¹ Подробнее см.: Балуев Д.Г. Введение в политический анализ. Нижний Новгород: ННГУ, 2000.

² Клепацкий Л. Глобализация и национальные интересы // Международная жизнь. 2000. №1.

³ Кулагин В. Международные отношения на пороге XXI века // Международная жизнь. 1999. №7. С.22.

⁴ Krasner S. *Structural Conflict: The Third World Against Global Liberalism*. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. P.4.

⁵ Oran Young. *Governance in World Affairs*, 1999. P.11.

⁶ Krasner S. *Structural Conflict: The Third World Against Global Liberalism*. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. P.6.

⁷ Krasner S. *Structural Conflict: The Third World Against Global Liberalism*. Berkeley, CA: University of California Press, 1985. P.7.

⁸ Muller H. "The Internalization of Principles, Norms, and Rules by Governments: the Case of Security Regimes", V. Rittberger (Ed.) *Regime Theory and International Relations*. Oxford: Clarendon Press, 1997. P.15.

⁹ Raimo Vayrynen (Ed.). *Globalization and Global Governance*. Rowman and Littlefield Publishers, 1999. P.47-48.

¹⁰ Oran Young. *Governance in World Affairs*, 1999. P.7.

¹¹ Robert O. Keohane, *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton: Princeton University Press, 1984. P.51-57.

¹² Bruce Cronin. *Community Under Anarchy: Transnational Identity and the Evolution of Cooperation*. New York: Columbia University Press, 1999.

¹³ Benjamin Miller, "Explaining the Emergence of Great Power Concerts," *Review of International Studies*, Vol.20, No.4 (October 1994). P.329.

¹⁴ Bruce Cronin. *Community Under Anarchy: Transnational Identity and the Evolution of Cooperation*. New York: Columbia University Press, 1999.

¹⁵ Karl Deutsch et al., *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton: Princeton University Press, 1957.

¹⁶ Robert Art and Robert Jervis, "The Meaning of Anarchy", in Robert Art and Robert Jervis, eds, *International Politics: Anarchy, Force, Political Economy and Decision Making*. Boston: Little, Brown, 1985. P.3.

¹⁷ Bruce Cronin. *Op.cit.*

¹⁸ M. Alagappa. "Regional Institutions, the UN and International Security: A Framework for Analysis" *Third World Quarterly*, 18(3). P.423.

¹⁹ Joseph S. Nye Jr., and John D. Donahue (Eds.). *Governance in a Globalizing World*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2000. P.1.

²⁰ Ibid. P.2.

²¹ Rosenau, J. and Czempiel, E.-O. (eds.) *Governance Without Government: Order and Change in World Politics*. Cambridge, 1992. P.5.

²² Young, O.R. *Compliance and Public Authority: A Theory with International Applications*. Baltimore, MD, 1979.

²³ Caroline Thomas. "Global Governance, Development and Human Security: Exploring the Links" in *Third World Quarterly*, Vol. 22. № 2. P.170.

²⁴ Например, Dan Bawley. *Corporate Governance and Accountability: What Role for the Regulator, Director, and Auditor?* Westport, CT: Quorum, 1999.

²⁵ Janes N. Rosenau, "Governance in the Twenty-First Century", in *Global Governance*, 1 (1), 1995. P.14.

²⁶ David A. Lake. "Global Governance. A Relational Contracting Approach" in A. Prakash and J.A. Hart (Eds.). *Globalization and Governance*. Routledge, 1999. P.33.

- ²⁷ Thomas G. Weiss, "Governance, Good Governance and Global Governance: Conceptual and Actual Challenges." In *Third World Quarterly*, Vol.21. № 5. P.797.
- ²⁸ Дэвид де Пури. Кто управляет мировой экономикой? // *International Politik*. 1998. № 11, ноябрь С. 3.
- ²⁹ См.: Балуев Д.Г. Информационная революция и современные международные отношения. Нижний Новгород: ННГУ, 2001. С.26-29.
- ³⁰ James Rosenau. "Governance in the Twenty-First Century" in *The New Political Economy of Globalization.*, Vol. 2. P.13.
- ³¹ Ibid. P.42.
- ³² Ibid. P.46.
- ³³ Mickae Walzer. "Governing the Globe" in *Dissent*, Fall 2000. P.44.
- ³⁴ Joseph S.Nye Jr., and John D. Donahue (Eds.). *Governance in a Globalizing World*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2000. P. 13.
- ³⁵ David A.Lake. "Global Governance. A Relational Contracting Approach" in A.Prakash and J.A.Hart (Eds.). *Globalization and Governance*. Routledge, 1999. P.36.
- ³⁶ "Bringing the State Back In: Strategies of Analysis in Current Research" in Peter B.Evans, D.Rueschemeyer, and Theda Skocpol (Eds.) *Bringing the State Back In*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1985. P. 20.
- ³⁷ Hurrel A. "International Society and the Study of Regimes", V.Rittberger (Ed.) *Regime Theory and International Relations*. Oxford: Clarendon Press, 1997. P.69.
- ³⁸ James Rosenau "Governance, Order, and Change in World Politics" in J.Rosenau and Erns-Otto Czempiel (Eds.) *Governance without Government: Order and Change in World Politics*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992. P. 4-5.
- ³⁹ David A.Lake. "Global Governance. A Relational Contracting Approach" in A.Prakash and J.A.Hart (Eds.). *Globalization and Governance*. Routledge, 1999. P. 36.
- ⁴⁰ Samuel Makinda. Recasting Global Governance. In Ramesh Thakur and Edward Newman (Eds.) *New Millennium, New Perspectives: The UN, Security, and Governance*. UN University Press, 2000. P.166.
- ⁴¹ Joseph S.Nye Jr., and John D. Donahue (Eds.). *Governance in a Globalizing World*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2000. P.8.
- ⁴² Morten Kelstrup. The European Union and Globalisation: Reflection on Strategies of Individual States. COPRI. P.13-14
- ⁴³ Ibid. P.25.
- ⁴⁴ Joseph S.Nye Jr., and John D. Donahue (Eds.). *Governance in a Globalizing World*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2000. P.22.
- ⁴⁵ Ibid. P.23.
- ⁴⁶ Кулагин В. Международные отношения на пороге XXI века// *Международная жизнь*. 1999. №7. С.22.
- ⁴⁷ Ramesh Thakur and Edward Newman (Eds.) *New Millennium, New Perspectives: The UN, Security, and Governance*. UN University Press, 2000. P.7.
- ⁴⁸ Ibid. P.8.
- ⁴⁹ Peter Mayer et al. "Regime Theory: State of the Art and Perspectives", V.Rittberger (Ed.) *Regime Theory and International Relations*. Oxford: Clarendon Press, 1997.

- ⁵⁰ Young, O.R. "On the Performance of the International Polity", *British Journal of International Studies*, 4. P.196.
- ⁵¹ Joseph S.Nye Jr., and John D. Donahue (Eds.). *Op.cit.* P.17.
- ⁵² Hurrel A. "International Society and the Study of Regimes", V.Rittberger (Ed.) *Regime Theory and International Relations*. Oxford: Clarendon Press, 1997. P.69.
- ⁵³ Oran Young. *Governance in World Affairs*, 1999. P.78.
- ⁵⁴ Raimo Vayrynen (Ed.). *Globalization and Global Governance*. Rowman and Littlefield Publishers, 1999. P.45.
- ⁵⁵ Chadwick Agler. "Thinking About the Future of the UN System," *Global Governance* 2, No.3 (Sept-Dec. 1996. P.339.
- ⁵⁶ John Hillen, *The Blue Helmets: The Strategy of UN Military Operations*. Washington, DC: Brassey's, 1998.
- ⁵⁷ П.А. Цыганков Безопасность: кооперативная или корпоративная: Критический анализ международно-политической концепции // *Политика* 3-2000. С.129.
- ⁵⁸ Raimo Vayrynen (Ed.). *Globalization and Global Governance*. Rowman and Littlefield Publishers, 1999. P.44.
- ⁵⁹ Samuel Makinda. Recasting Global Governance. In Ramesh Thakur and Edward Newman (Eds.) *New Millennium, New Perspectives: The UN, Security, and Governance*. UN University Press, 2000. P.176.
- ⁶⁰ Oran Young. *Governance in World Affairs*, 1999. P.2.
- ⁶¹ R.Inglehart, *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press, 1977.
- ⁶² Bull, H, *The Anarchical Society: Study of Order in World Politics* (2nd edition). New York: Macmillan, 1995, P.13.
- ⁶³ Manning. *The Nature of International Society*, 1962
- ⁶⁴ Robertson B.A. (Ed.) *International Society and the Development of International Relations Theory*. Pinter: 1998, P.4.
- ⁶⁵ Robertson B.A. (Ed.) *International Society and the Development of International Relations Theory*. Pinter: 1998, P.21.
- ⁶⁶ Bull. *Anarchical Society*, 9-10, P.13.
- ⁶⁷ David Held and Anthony McGrew, David Goldblat and Jonathan Parraton. *Global Transformations*. Cambridge: Polity Press, 1999. P.37.
- ⁶⁸ Robertson B.A. (Ed.) *International Society and the Development of International Relations Theory*. Pinter: 1998. P.32.
- ⁶⁹ Katarzina Gilarek. Globalization and Its Impact on the Constitutive Elements of the Nation-State at the Close of the 20th Century. In *Central European Political Science Review*. Vol.2, No.5, Fall 2001. P.79.
- ⁷⁰ Peter Evans. "The Eclipse of the State? Reflections on Stateness in an Era of Globalization" in Richard Higgot and Anthony Payne (Eds.) *The New Political Economy of Globalization*. Cheltenham, UK-Northampton, MA: AnElgar Reference Collection, 2000. Vol.1. P.417-418.
- ⁷¹ Рашковский Е. Гражданское общество: религиозное измерение проблемы // *МЭМО*. 1996. №5. С.122.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. С.117
- ⁷⁴ Там же. С.125.

- ⁷⁵ Akira Iriye. A Century of NGOs. In *Diplomatic History*, Vol. 23. № 3. Summer 1999. P.423.
- ⁷⁶ Michael Dillon and Julian Reid. Global Governance, Liberal Peace, and Complex Emergency. In *Alternatives* 25 (2000). P.125.
- ⁷⁷ Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика // *Полис* 3-2000. С. 107.
- ⁷⁸ Панарин А.С. *Политология*. Москва: Гардарики, 2000, С.71.
- ⁷⁹ Stephen Hopgood. "Reading the Small Print in Global Civil Society: The Inexorable Hegemony of the Liberal Self" in *Millennium*, 2000. Vol. 29. № 1. P.1.
- ⁸⁰ Молчанов М.А. Дискуссионные аспекты проблемы "национальный интерес" // *Полис* 1-2000. С.10-11.
- ⁸¹ Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor "Introducing Global Civil Society" in Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor (Eds.) *Global Civil Society 2001*. Oxford University Press, 2001. P.17.
- ⁸² John Keane. Global Civil Society? in Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor (Eds.) *Global Civil Society 2001*. Oxford University Press, 2001. P.24.
- ⁸³ Ronnie D.Lipshutz. Reconstructing World Politics: the Emergence of Global Civil Society. In Rick Fawn and Jeremy Larkins (Eds.) *International Society: Anarchy and Order Reconsidered*. Macmillan Press, 1996. P.108.
- ⁸⁴ UNDP Human Development Report, 1993. P.1.
- ⁸⁵ Ibid. P.2-7.
- ⁸⁶ Salamon, Anheier, List et al. *Global Civil Society: Dimensions of the Non-Profit Sector*. Baltimore, MA: Johns Hopkins University, Institute for Policy Studies' Center for Civil Society Studies, 1999.
- ⁸⁷ T.G.Weiss and L.Gordenker. "Pluralizing Global Governance: Analytical Approaches and Dimensions" in *NGOs, the UN and Global Governance*. T.G.Weiss and L.Gordenker (Eds.). Boulder, Lynne Rienner, 1996. P.19.
- ⁸⁸ См.: J.Rosenau. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- ⁸⁹ Клепацкий Л. Глобализация и национальные интересы // *Международная жизнь*. 2000. №1.
- ⁹⁰ Joseph A.Camilleri and Jim Falk. *The End of Sovereignty?* Great Britain: Edward Elgar, 1992. P.145.
- ⁹¹ Eithan B.Kapstein. "The Corporate Ethics Crusade" in *Foreign Affairs*. Vol. 80, No.5. September-October 2001. P.108.
- ⁹² Ibid. P.115.
- ⁹³ James P.Muldoon Jr., Joann Fagot Aviel, et al (Eds.) *Multilateral Diplomacy and the UN Today*. Boulder CO.: Westview Press, 1999. P.138.
- ⁹⁴ Doule M.W. *Ways of War and Peace: Realism, Liberalism, and Socialism*. New York: W.W.Norton, 1997. P.208.
- ⁹⁵ Chatfield Charles. "Intergovernmental and Nongovernmental Associations to 1945" in Jackie Smith et al., *Transnational Social Movements and World Politics: Solidarity Beyond the State*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1997.
- ⁹⁶ Manuel Castells. *The Power of Identity*. Blackwell Publishers, 1998. P.70.
- ⁹⁷ Ibid. P.259.
- ⁹⁸ Conca, K. "Greening the United Nations: Environmental Organizations and the UN System" in *Third World Quarterly*, 16. P.441-57.
- ⁹⁹ Alter Chen, M. "Engendering World Conferences: The International Women's Movement and the United Nations" in *Third World Quarterly*, 16. P. 477-93.
- ¹⁰⁰ Gerhards, J. and Rucht, D. "'Mesomobilization': Organizing and Framing in Two Protest Campaigns in West Germany" in *American Journal of Sociology*, 98. P.555-95.
- ¹⁰¹ Mario Pianta. Parallel Summits of Global Civil Society. in Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor (Eds.) *Global Civil Society 2001*. Oxford University Press, 2001. P.189.
- ¹⁰² Muthiah Alagappa and Takashi Inoguchi (Eds.). *International Security Management and the UN*. United Nations University Press, 1999. P.115.
- ¹⁰³ Ibid. P.116.
- ¹⁰⁴ Ibid. P.117.
- ¹⁰⁵ Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor "Introducing Global Civil Society" in Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor (Eds.) *Global Civil Society 2001*. Oxford University Press, 2001. P.11.
- ¹⁰⁶ Anheier and Salamon. *The Nonprofit Sector in the Developing World*. Manchester: Manchester University Press, 1998.; Smillie, Ian. *The Alms Bazaar: Altruism Under Fire: Non-Profit Organizations and International Development*. London: Intermediate Technology Publications, 1995.; Andreas Schluter, Volker Then, and Peter Walkenhorst (Eds.) *Foundations in Europe: Society, Management and Law*. London: Directory of Social Change, 2001.
- ¹⁰⁷ Tendler, J. *Turning Private Voluntary Organizations into Developmental Agencies: Question for Evaluation*. Program Evaluation Discussion Paper 12, Washington, DC: USAID, 1982.
- ¹⁰⁸ Ronnie D.Lipshutz. Reconstructing World Politics: the Emergence of Global Civil Society. In Rick Fawn and Jeremy Larkins (Eds.) *International Society: Anarchy and Order Reconsidered*. Macmillan Press, 1996. P.102.
- ¹⁰⁹ John Keane. Global Civil Society? in Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor (Eds.) *Global Civil Society 2001*. Oxford University Press, 2001. P.27.
- ¹¹⁰ Drucker, P. "The Changed World Economy" in *Foreign Affairs*, Spring 1986. P.781-782.
- ¹¹¹ Lynn K.Mytelka "Knowledge and Structural Power in the International Political Economy" in T.C.Lawton, J.N.Rosenau, A.C.Verdun. *Strange Power. Shaping the Parameters of IR and IPE*. Ashgate, 2000. P.47.
- ¹¹² Ibid. P.48.
- ¹¹³ Yoshikazu, S. "An Alternative to Global Marketization" in Jan Nederveen Pieterse (Ed.) *Global Futures: Shaping Globalization*. London and New York: Institute for Social Studies, 2000. P.98-116.
- ¹¹⁴ John Keane. Global Civil Society? in Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor (Eds.) *Global Civil Society 2001*. Oxford University Press, 2001, P.29.
- ¹¹⁵ Falk Richard. Human Governancr for the World: Reviving the Quest. In Jan Nederveen Pieterse (Ed.) *Global Futures: Shaping Globalization*. London-New York: Zed Books, 2001. P.26.
- ¹¹⁶ *The 1999 Report of the UN Development Program*.

- ¹¹⁷ Ibid. P.62.
- ¹¹⁸ Paul F.Diehl (Ed.). *The Politics of Global Governance*. Lynne Rienner, 1997. P.390-391.
- ¹¹⁹ P.Wapner. *Environmental Activism and World Civic Politics*. Albany: State University of New York Press, 1996. P.2.
- ¹²⁰ Frances Pinter. Funding Global Civil Society Organizations. In Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor (Eds.) *Global Civil Society 2001*. Oxford University Press, 2001.
- ¹²¹ Lawrence, Steven, Camposeco, Carlos, and Kendzior, John (Eds.) *Foundation Yearbook: Facts and Figures on Private and Community Foundations*. New York: The Foundation Center, 2000. P.3.
- ¹²² Renz, Loren, and Lawrence Steven. *Foundation Growth and Giving Estimates, 2000 Preview*. New York: The Foundation Center, 2001. P.3.
- ¹²³ Sudita Kaviraj and Sunil Khilnani. *Civil Society: History and Possibilities*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 12.
- ¹²⁴ Ibid. P.250.
- ¹²⁵ Ibid. P.253.
- ¹²⁶ Oran Young. *Governance in World Affairs*, 1999. P.9.
- ¹²⁷ Ibid. P.10.
- ¹²⁸ Marina Ottaway. "Corporatism Goes Global: International Organizations, Nongovernmental Organization Networks, and Transnational Business" in *Global Governance. 1* (2001). P. 265.
- ¹²⁹ Chadwick Alger. "The Emerging Roles of NGOs in the UN System: From Article 71 to a People's Millennium Assembly" in *Global Governance*, 8 (2002), 93.
- ¹³⁰ Ibid. P. 94.
- ¹³¹ Ibidem.
- ¹³² Ibidem.
- ¹³³ Ibid. P. 95.
- ¹³⁴ Ibid. P. 156.
- ¹³⁵ Ibid. P. 94.
- ¹³⁶ Ibid. P. 96.
- ¹³⁷ Ibid. P. 97-98.
- ¹³⁸ Marina Ottaway. "Corporatism Goes Global: International Organizations, Nongovernmental Organization Networks, and Transnational Business" in *Global Governance. 1* (2001). P. 276.
- ¹³⁹ Ibidem.
- ¹⁴⁰ Ibid. P. 277.
- ¹⁴¹ Chadwick Alger, Op.cit. P. 99.
- ¹⁴² Bruce Cronin "The Two Faces of the United Nations: The Tension Between Inter-governmentalism and Transnationalism" in *Global Governance*, 8 (2002). P. 53.
- ¹⁴³ Daniel L.Byman. "Uncertain Partners: NGOs and the Military" in *Survival*. Vol. 43, No.2, Summer 2001. P. 102.
- ¹⁴⁴ Marina Ottaway, Op.cit.. P. 279.

Заключение

Рассмотрев выделенные нами новые факторы, влияющие на современную мировую политику, и возникающие новые подходы к обеспечению безопасности, можно выделить следующие основные тенденции.

Меняется структура мировой системы. Акторы международных отношений действуют, невзирая на старые геополитические границы. Растет взаимозависимость различных стран и негосударственных акторов международных отношений. Революция в транспорте и коммуникационных технологиях также стала уже фактом истории. Все эти тенденции могут увеличивать личностную безопасность и способствовать общественному развитию. Однако эти же тенденции могут иметь и негативные последствия. Имевшая место в годы холодной войны относительная предсказуемость сменилась целым комплексом этнических, религиозных и других конфликтов, проявившихся после распада старой двухполярной структуры международных отношений. Один из становящихся все более распространенных типов конфликтов – конфликт по поводу распределения плодов глобализации в области торговли. Сама глобализация, кроме очевидных преимуществ, может иметь негативные последствия для некоторых стран и обществ. Финансовый кризис может распространиться по всему миру за считанные часы. Обостряющаяся международная конкуренция приводит к снижению уровня охраны труда в развивающихся странах. Разрыв между странами, способными воспользоваться преимуществами глобализации, и теми, кто этого сделать

не в состоянии, растет. В результате, при отсутствии контроля над глобализацией, она может не только не укрепить личностную безопасность личности, но и значительно ее ослабить.

Немаловажное значение имеют и такие факторы, как информационная революция, влияние транснациональной организованной преступности и приватизация ряда государственных функций. Информационная революция приводит к изменению роли государств в мировой политике, росту значения сетевых форм организации, изменению форм международного конфликта. Транснациональная организованная преступность и рост ее влияния на мировую политику являются закономерным результатом предшествующего развития мировой системы. Хотя угроза, которую организованная преступность представляет для безопасности, зачастую преувеличивается, ее влияние на современную мировую политику бесспорно, и, вероятно, оно будет расти в ближайшем будущем. Приватизация государственных функций, связанных с использованием вооруженных сил, также стала фактом истории. В перспективе передача этих функций в частные руки приведет к существенному изменению основ международной системы и потребует модификации существующих систем обеспечения безопасности.

Результатом всех этих тенденций является изменение роли государства в современной мировой политике. Хотя режим суверенитета и не будет заменен в ближайшее время другим режимом, классический вестфальский суверенитет остался в прошлом. На смену ему приходят новые формы организации мировой системы. В современной мировой политике растет значение негосударственных акторов.

Поэтому спектр областей международной жизни, которые требуют сотрудничества между правительствами, неправительственными организациями, межправительственными организациями, транснациональными корпорациями, национальным бизнесом и гражданским обществом, значительно расширился за последние годы. Растет потребность в эффективном глобальном управлении. Проблема обеспечения сотрудничества между элементами глобального гражданского общества и институтами глобального управления имеет особую актуальность для России и других новых независимых государств. Эти страны только начали процесс создания гражданского общества. Существует множество неправительственных организаций, пытающихся умерить государственный контроль и вмешательство в сферы, которые традиционно являются сферой регулирования различных институтов гражданского общества и не должны попадать под регулирование государственное. Однако они

испытывают недостаток в стабильных связях со своими коллегами за рубежом и с институтами глобального управления.

Представляется, что в условиях трансформации мировой системы механизмом, способным обеспечить мирный характер и общественное развитие этой трансформации, а также защитить личностную безопасность может быть сотрудничество между элементами глобального гражданского общества и международными институтами. Государственные структуры, как показала история последних лет (причем не только российской), с этой функцией справиться просто не в состоянии. Именно поэтому следует уделить внимание возможностям неправительственных организаций (как на национальном, так и на глобальном уровне). К сожалению, имеющийся опыт подобного сотрудничества (рассмотренный нами на примере ООН) пока еще не может считаться положительным. Формы и механизмы такого сотрудничества еще предстоит отработать. Вероятно, для этого потребуется как реформирование существующих международных институтов, так и создание новых.

Summary

Contemporary World Politics and Human Security by Dmitri Baluyev

The topic of the book is Contemporary World Politics and Human Security. Its goal is to study human security in contemporary world politics. Several tasks are declared that are essential for achieving this goal.

First of all, it is necessary to analyze the impact of globalization on world politics. Special chapter looks on sources of globalization, its forms, consequences, and prospective.

Secondly, it is necessary to look on information revolution and its impact on social sphere as a whole.

Thirdly, such factors as influence of transnational organized crime and privatization of military should be examined.

The nature of sovereignty and the role of state in world politics are also changing. Special chapter deals with this subject.

New approaches to security are analyzed in sixth chapter of the book.

New mechanisms of world governance should be examined. Seventh chapter is devoted to this.

Nascent global civil society and its role in world politics viewed in eighth chapter.

And, last but not least, cooperation between institutions of global government and elements of global civil society as a mechanism of strengthening of human security were taken up in last chapter.

Д.Г.Балуев

Современная мировая политика и проблемы личностной безопасности

Монография

Подписано в печать 20.12.2002. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,1. Тир. 1000. Зак. 1455.

Типография Нижегородского госуниверситета
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

*Dmitri
Baluyev*

Contemporary World Politics and Human Security